

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 2.
ФЕВРАЛЬ 1912 г.

Москва.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Къ драмѣ жизни Шевченка (Къ 51-й годовщинѣ смерти). <i>С. Петлюры</i>	7
II. Новое знамя націоналистовъ. <i>Проф. М. С. Грушевскаго</i>	16
III. Большой вопросъ (Объ украинской идеѣ и русской интеллигенціи). <i>А. Ѳ. Саликовскаго</i>	22
IV. Къ спору объ украинской культурѣ. Петръ Струве. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. Отвѣтъ Украинцу („Русская Мысль“, 1912 г., кн. 1). <i>Проф. Ѳ. Е. Корша</i>	32
V. Украинская пресса. <i>П. Смутка</i>	48
VI. Соединеніе Украины съ Москвою (Проф. бар. Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права). <i>Д. Сиромахи</i>	55
VII. Россійскіе марксисты объ украинскомъ движеніи. <i>В. В. Садовскаго</i>	69
VIII. На текущія темы (Недурное начало.—Идея примиренія наоборотъ и практическое ея осуществленіе.—Объ одномъ сенатскомъ разъясненіи и творческихъ порывахъ.—Военные и штатскіе миротворцы.—Объ „укинофильствѣ“ и воинственномъ азартѣ г-на Струве.— На двухъ стульяхъ). <i>С. А. Ефремова</i>	74
IX. На Украинѣ и внѣ ея.—Какъ была встрѣчена „Украинская Жизнь“.—Изъ текущей украинской жизни. <i>Гр. Гетьманца</i> .—Памяти Д-ра Е. С. Грибинюка. <i>С. П.</i> —Украинство, черносотенцы и г-нъ Струве.— Отправленіе Т. Г. Шевченка въ ссылку (новые архивные документы).—Художественныя произведенія Шевченка въ музеѣ украинскихъ древностей въ Черниговѣ. <i>Н. Степаненко</i> .—Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (изъ старой тетради). <i>К. Оберучева</i>	87
X. Библіографія.—Систематическій указатель журнала „Кіевская Старина“ съ 1882—1906 г. <i>С. Ефремова</i> .— <i>Slovanstvo, obraz jeho mimolosti a pitomnosti. Дм. Донцова</i> .—Студіи з поля суспильних наук і статистика. <i>И. Л.</i> —Великая Россія.—Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. <i>И. Х.</i> —Ежегодникъ „Рѣчь“ за 1911 годъ. <i>С. П.—ры.</i> —Содержаніе украинскихъ журналовъ.—Книги, поступившія въ редакцію	104
XI. Объявленія.	

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 годъ
НА НОВЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Журналь выходитъ на русскомъ языкѣ въ обычномъ форматѣ ежемѣсячниковъ книжками размѣромъ 5—6 печатныхъ листовъ. Задачу „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ составляетъ служеніе интересамъ и нуждамъ 30-милліоннаго украинскаго народа и ознакомленіе общества съ украинскимъ національнымъ движеніемъ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Письма изъ Россійской Украины и изъ Галиціи.—Критическія статьи и литературныя обзорѣнія; библиографія.—Украинское искусство.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакція на вопросы читателей, относящіяся къ программѣ журнала.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бьлоусенко, И. А. Бьлоусовъ, Н. Ф. Бьяшевскій, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій проф. О. Е. Коршъ, И. Кривецкій, проф. А. Е. Крымскій, В. Ладенко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, П. Понятенко, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. О. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стещенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, Н. Г. Филанскій, С. Чепига, С. П. Шелухинъ, А. И. Ярошевичъ и др.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

Москва, Б. Дмитровка, 14. Телеф. № 219-93.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ дост. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
въ Россіи. . .	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.	—р. 45 к.
За границу . .	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	—р. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 45 к.,
съ пересылкою—55 к.

Книжные магазины, принимающіе подписку, могутъ оставлять въ свою пользу 10⁰/₀.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **Льготная Подписка**: на годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 2 руб., на $\frac{1}{4}$ г. 1 руб. съ доставкою и пересылкою.

Такса за объявленія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	20 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	15 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	10 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ отъ 1 до 2 час.

КЪ СВѣДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ:

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей, по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1 $\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуплатѣ размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятые для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 2.

Москва. — 1912 г.

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., соб. домъ.

1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Къ драмѣ жизни Шевченка (Къ 51-й годовщинѣ смерти). <i>С. Петлюры</i>	7
II. Новое знамя націоналистовъ. Проф. М. С. Грушевскаго .	16
III. Большой вопросъ (Объ украинской идеѣ и русской интеллигенціи). А. Ѳ. Саликовскаго.	22
IV. Къ спору объ украинской культурѣ. Петръ Струве. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. Отвѣтъ Украинцу („Русская Мысль“, 1912 г., кн. 1). <i>Проф. Ѳ. Е. Корша</i>	32
V. Украинская пресса. П. Смутка	48
VI. Соединеніе Украины съ Москвою (Проф. бар. Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права). <i>Д. Сиромахи</i>	55
VII. Россійскіе марксисты объ украинскомъ движеніи. <i>В. В. Садовскаго</i>	69
VIII. На текуція темы (Недурное начало.—Идея примиренія наоборотъ и практическое ея осуществленіе.—Объ одномъ сенатскомъ разъясненіи и творческихъ порывахъ.—Военные и штатскіе миротворцы.—Объ „укаринофильствѣ“ и воинственномъ азартѣ г-на Струве.—На двухъ стульяхъ). <i>С. А. Ефремова</i>	74
IX. На Украинѣ и внѣ ея.—Какъ была встрѣчена „Украинская Жизнь“.—Изъ текущей украинской жизни. <i>Гр. Гетьманца</i> .—Памяти Д-ра Е. С. Грибинюка. <i>С. П.</i> —Украинство, черносотенцы и г-нъ Струве.—Отправленіе Т. Г. Шевченка въ ссылку (новые архивные документы).—Художественныя произведенія Шевченка въ музеѣ украинскихъ древностей въ Черниговѣ. <i>Н. Степаненко</i> .—Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (изъ старой тетради). <i>К. Оберучева</i>	87
X. Библіографія.—Систематическій указатель журнала „Кіевская Старина“ съ 1882—1906 г. <i>С. Ефремова</i> .—Slovanstvo, obraz jeho mimolosti a pitomnosti. <i>Дм. Донцова</i> .—Студіи з поля суспильних наук і статистика. <i>И. Л.</i> —Великая Россія.—Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. <i>И. Х.</i> —Ежегодникъ „Рѣчь“ за 1911 годъ. <i>С. П.—ры</i> .—Содержаніе украинскихъ журналовъ.—Книги, поступившія въ редакцію	104
XI. Объявленія.	

Къ драмѣ жизни Шевченка.

(Къ 51-й годовщинѣ смерти).

Исторія жизни Шевченка,—она такъ извѣстна,—отъ рожденія и вплоть до могилы, можетъ быть названа тяжелой, мучительной драмой; исторія его мысли и творчества — драмой не менѣ тяжелой. Личная драма у него тѣсно и неразрывно сплетается съ драмой его какъ гениальнаго выразителя чаяній и сокровенныхъ идеаловъ родного ему народа. Едва ли, однако, не наиболѣе драматическою стороною въ жизни и творествѣ украинскаго поэта является одиночество его не какъ человѣка, а какъ художника. Вѣдь Шевченко, помимо обычной для гениевъ участи — предвосхищать силой интуиціи то, къ чему значительно позже придетъ сила мысли, знанія и общественной эволюціи, лишень былъ возможности воспользоваться хотя бы тѣми робкими указаніями, съ которыми иногда приходятъ къ поэту современники, помогая критикой и оцѣнкой его творчества уяснить самому себѣ создаваемые художественные образы, включить въ число ихъ новые, болѣе совершенные, порою расширить границы творчества, направить творящее „я“ по новымъ путямъ и къ новымъ художественнымъ достиженіямъ.

Шевченко лишень былъ возможности пользоваться такими указаніями. Его муза, его творчество, вся его поэтическая дѣятельность стояли у колыбели украинской общественной мысли, когда эта послѣдняя,—слабая, научно не обоснованная,—только пыталась формулировать свое содержаніе, базируясь главнымъ образомъ на національныхъ эмоціяхъ да на романтическомъ интересѣ къ этнографическимъ особенностямъ родного народа и дѣлая только первые робкіе шаги въ направленіи къ выясненію національно-политическихъ идеаловъ Украины.

Обращаясь къ послѣднимъ, поскольку они воплощены были въ программѣ Кирилло-Меѳодіевскаго общества и въ „Книгѣ бытія украинскаго народа“, и сравнивая ихъ съ міровоззрѣніемъ Шевченка, получившимъ свое выра-

женіе въ „Кобзарѣ“, нельзя не видѣть громадной, бросающейся въ глаза разницы: поэтъ уходитъ далеко впередъ отъ стремленій Кирилло-Меѳодіевскаго общества, оставляетъ позади себя идейныхъ выразителей современнаго ему украинскаго общества и является одинокимъ, далеко превзошедшимъ крайнія, послѣднія достиженія національно-общественной мысли. У послѣдней ему зачастую нечего взять. Наоборотъ, болѣе рѣшительная формулировка нѣкоторыхъ вопросовъ въ программѣ „братчиковъ“ стоитъ въ зависимости, какъ объ этомъ не безъ основанія говоритъ современный изслѣдователь, отъ вліянія Шевченка ¹⁾. Онъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и художественныхъ образахъ какъ бы воплощаетъ идеи Кирилло-Меѳодіевскаго общества, служитъ тѣмъ же цѣлямъ, преслѣдуетъ тѣ же задачи, но въ то же время по отношенію къ „Братству“ оказывается „еретикомъ“, ибо захватываетъ его идеи шире, проводитъ ихъ послѣдовательнѣе. Онъ создаетъ галерею художественныхъ образовъ, внутренняя логика которыхъ является собой *sui generis* программу, далеко превосходящую программу „братчиковъ“ и не укладывающуюся въ организаціонныя рамки Кирилло-Меѳодіевскаго общества. Это программа художественныхъ образовъ съ пламеннымъ призывомъ къ борьбѣ за поправныя права челоуѣка, націи, челоуѣчества,—образовъ, воплощающихъ борьбу противъ хаоса жизни, ея дисгармоніи, ея зла, проявляется ли оно въ соціальныхъ, политическихъ, національныхъ или семейныхъ отношеніяхъ. Эта-то программа, художественные носители которой не знаютъ половинчатости, непослѣдовательности идеаловъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, и является цѣльными, законченными образами демократической послѣдовательности и активнаго протестантства.

Шпіонъ Андрузскій въ своемъ извѣтѣ на братчиковъ характеризуетъ Шевченка какъ „неумѣреннаго представителя малороссійской партіи въ Славянскомъ обществѣ“ ²⁾.

Въ этой шпіонской оцѣнкѣ есть правда, есть вѣрно подхваченная черта, подтвержденіе которой даетъ Костомаровъ въ своей автобіографіи, когда говоритъ о Шевченкѣ, что послѣдній, изъявляя готовность вступить въ

¹⁾ См. В. Семевскій, „Кирилло-Меѳодіевское Общество“, „Русск. Бог.“, 5 к., 1911 г., стр. 122.

²⁾ См. „Былое“, 1906 г., кн. 8, стр. 10.

Кирилло-Меѳодіевское общество, „отнесся къ его идеямъ съ большимъ задоромъ и крайней нетерпимостью“.

И дѣйствительно, сравнивая содержаніе творчества Шевченка съ идеалами братчиковъ, мы видимъ, что Шевченко отличался большею глубиною и шириною взгляда на отношенія жизни, большимъ радикализмомъ и послѣдовательностью формулировки назрѣвающихъ требованій жизни.

Въ особенности это надо сказать о социальномъ моментѣ въ творествѣ украинскаго поэта, занимающемъ здѣсь значительно большее мѣсто, чѣмъ это принято думать и чѣмъ удѣлено было ему вниманіе въ программѣ братчиковъ.

Правдой звучитъ замѣчаніе В. Семевскаго, что въ отношеніяхъ Шевченка къ Костомарову, какъ къ одному изъ главныхъ руководителей и основателей Кирилло-Меѳодіевскаго общества, „не историкъ влекъ поэта къ болѣе радикальнымъ взглядамъ, а поэтъ историка“ ¹⁾. Еще съ большимъ правомъ смыслъ, заключающійся въ замѣчаніи компетентнаго изслѣдователя, можетъ быть распространенъ на характеръ идейныхъ взаимоотношеній Шевченка и современнаго ему украинскаго общества.

Что далъ украинскому обществу его геніальный поэтъ и что онъ взялъ отъ него?

Отвѣтомъ на этотъ первый вопросъ является національное возрожденіе украинскаго народа, вѣстникомъ, пѣвцомъ, поэтическимъ выразителемъ и искупительной жертвой котораго былъ Шевченко. Съ нимъ оно связано, имъ укрѣплено, оправдано и выведено на широкіе, открытые и вѣрные пути. Онъ—не превзойденный донинѣ, но превзошедшій всѣхъ, кто былъ предъ нимъ, украинскій поэтъ. Образъ его такъ близокъ, такъ безконечно дорогъ каждому, кто знаетъ цѣну „искупительныхъ жертвъ“, кто видитъ въ возрожденіи народа побѣду живыхъ, рвущихся къ развитію стремленій, сдавленныхъ мертвыми формулами и идущими вразрѣзъ съ жизнью, но насильно навязываемыми ей тенденціями, кто радуется радости челоувѣчества, въ семью котораго возвращается многомилліонная часть его съ богатствомъ еще не выявленныхъ, но таящихся въ себѣ ферментъ развитія силъ.

¹⁾ „Русское Богатство“, кн. 5, 1911 ., стр.104—105.

Съ Шевченкомъ связана вся новѣйшая украинская литература, и если говорить объ ея демократической тенденціи какъ о главномъ признакѣ, выдѣляющемъ ее изъ ряда другихъ, о проникающей ее дѣятельной любви къ народнымъ массамъ, то источникомъ этого будетъ все тотъ же Шевченко и щевченковское начало въ этой литературѣ будетъ знаменоватъ собою начало движенія, протеста во имя свободы и возрожденія чело-вѣка,—возрожденія мыслимаго и осуществимаго въ великомъ, связанномъ солидарностью, но социальномъ угнетенномъ коллективѣ людей.

Что Шевченко взялъ у украинскаго общества? Едва ли много, если имѣть въ виду тѣ позаимствованія въ области политическихъ и національно-общественныхъ цѣнностей, которыя помогаютъ поэту расширять границы своего творчества, развивать свое міровоззрѣніе и удѣльный вѣсъ которыхъ всегда можетъ быть учтенъ при анализѣ творчества поэта и общественно-литературной оцѣнкѣ созданныхъ имъ образовъ. Прекрасны слова одного изъ переводчиковъ „Кобзаря“ на русскій языкъ, М. Славинскаго, отвѣчающаго на этотъ вопросъ: „Все, что сознательно или безсознательно жило и покоилось въ народномъ чувствѣ, все, что плакало, радовалось и стонало въ сердцѣ народномъ,—все слилось въ поэзиі Шевченка въ одинъ аккордъ, страстный, печальный, потрясающій. Шевченко все получилъ отъ народа и все отдалъ народу, отдалъ просвѣтленнымъ, претвореннымъ въ горнилѣ мысли, чувства и страданія“¹⁾. Но эти слова говорятъ въ сущности о матеріалѣ творчества поэта, объ источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ свое вдохновеніе, свои сокровенные идеалы, свое отношеніе къ вещамъ и явленіямъ. За всѣмъ этимъ остается все-же нерѣшеннымъ вопросъ объ удѣльномъ вѣсѣ тѣхъ элементовъ въ творчествѣ поэта, которые должны быть отнесены къ вліянію украинскаго общества и которые не могутъ не интересовать историка украинской общественности. Этотъ вопросъ тѣмъ интересенъ, что у современниковъ Шевченка, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ,—казалось, имѣлись данныя для такого вліянія. Вѣдь въ той

¹⁾ Русскій переводъ „Кобзаря“ подъ ред. Славинскаго, СПб., 1911 г., стр. XXXI.

группѣ украинскихъ дѣятелей, которые вошли въ составъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, были люди, превосходившіе Шевченка своими знаніями и образованностью. И, тѣмъ не менѣе, слѣдовъ ихъ вліянія мы не видимъ. Отношеніе къ Шевченку его современниковъ, даже наиболѣе видныхъ, оставившихъ слѣды въ русской и украинской наукѣ и обладавшихъ европейскимъ образованіемъ, было такимъ, которое исключаетъ даже малѣйшую возможность подобнаго вліянія. Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ-иллюстрацій къ высказанному.

Кулишу произведенія Шевченко показались „откровеніемъ свыше“; самъ поэтъ предсталъ передъ нимъ не какъ кобзарь, а какъ „національный пророкъ“, а „сіяніе духа шевченковыхъ произведеній было чѣмъ-то сверхъестественнымъ“. Костомарова „обдало страхомъ“, когда онъ впервые услыхалъ ненапечатаннаго еще произведенія поэта. „Я увидѣлъ,—говоритъ историкъ,—что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!.. Тарасова муза прорвала какой-то подземный склепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями“.

Максимовичъ, по словамъ поэта, „просто благоговѣть передъ моимъ стихомъ; Бодянской—тоже“.

Для молодежи того времени Шевченко былъ „небесный свѣтильникъ“, и „когда она, — свидѣтельствуешь Кулишъ въ своей „Хуторной поэзіи,“ — услышала пѣсни Шевченка, она воспріяла ихъ какъ голосъ воскрешающей трубы архангела ¹⁾).

При такомъ отношеніи современниковъ нѣтъ мѣста для объективной оцѣнки съ ихъ стороны творчества поэта; такое отношеніе исключаетъ возможность даже робкихъ указаній, какія нужны бывають поэту, хотя бы геніальному, для уясненія избранныхъ имъ путей творчества и провѣрки ихъ правильности. А въ этихъ указаніяхъ Шевченко безусловно нуждался.

Изученіе „Кобзаря“ навѣваетъ впечатлѣніе удивительной скромности поэта въ оцѣнкѣ своего творчества и общественнаго служенія его музы. Онъ какъ бы неувѣренъ въ своихъ силахъ, онъ, слышавшій вокругъ себя похвалы

¹⁾ „Хуторна поэзія“, стр. 6.

современниковъ, видѣвшій знаки преклоненія передъ своимъ талантомъ, не успокаивается на лаврахъ, не поддается чувству самоудовлетворенія. Вы нигдѣ не прочтете у него ни одного слова, которымъ бы онъ выдалъ свои чувства превосходства надъ другими и увѣренности, что его муза поэтически сильна и что онъ гордъ сознаніемъ силы своего пламеннаго слова. Наоборотъ, у него вырывается горячая мольба:

„Ридаю,

Молю ридаячи; пошли,
Подай душі убогій силу,
Щобъ огненно заговорила,
Щобъ слово пламенемъ взялось,
Щобъ людямъ серце ростило
І на Україні понеслось“.

Въ этой, приковывающей къ себѣ какой-то трагичностью чувства, страстной мольбѣ поэта слышатся ноты какъ бы нѣкоего сознанія безсилія выполнить свое призваніе. Поэтъ этой мольбой бросаетъ яркій лучъ свѣта на характеръ тѣхъ болѣзненныхъ переживаній, какія испытывалъ онъ съ одной стороны на почвѣ неудовлетворенности своей поэтической дѣятельностью, а съ другой стороны—на почвѣ отсутствія той помощи или поддержки, которой онъ ждалъ отъ современниковъ.

Въ этомъ отношеніи необыкновенно интереснымъ является признаніе поэта, говорящее о томъ, что онъ не дождался „святой правды ні од кого“,—конечно, правды, касавшейся его дѣятельности какъ поэта. Въ дальнѣйшемъ поэтъ раскрываетъ, что именно онъ понимаетъ подъ этой правдой.

„Либонь, уже десяте літо,
Якъ людямъ дав я „Кобзаря“,
А їмъ неначе рот зашито:
Ніхто й не гавкне, не лайне,
Неначе й не було мене!
Не похвали собі, громадо,—
Без неї може обійдусь,—
А ради жду собі, поради;
Та мабутъ в яму перейду
Із москалів, а не діждусь...
Міні було, ажъ серце мліло,—

Мій Боже милый, якъ хотілось,
Щобъ хто-нибудь міні сказав
Хоч слово мудре, щобъ я знав,
Для кого я пишу, для чого,
За що я Україну люблю,
Чи варт вона огня святого?
Бо хоч зостаріюся затога,
А ще не знаю, що роблю“.

Въ этихъ словахъ, вырвавшихся у поэта въ ссылкѣ (1849 г.), когда чувство оторванности отъ родного народа и отсутствіе общенія съ близкими людьми особенно мучительно давали себя знать, нельзя видѣть только нареканія на то, что онъ забытъ своими друзьями, единомышленниками, о которыхъ онъ еще раньше въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „Прежде, бывало, бросишь въ собаку, а попадешь въ друга, а какъ постигла меня бѣда, такъ святой вѣдаетъ, куда дѣвались друзья“. Значеніе признанія поэта, конечно, глубже и свидѣтельствуетъ о длительномъ процессѣ мучительныхъ переживаній, связанныхъ съ ожиданіемъ „порады“, съ страстнымъ желаніемъ, чтобы „хоть кто-нибудь“ сказалъ поэту „мудрое слово“ объ его творчествѣ, о направленіи и содержаніи послѣдняго, чтобы поэтъ зналъ, „для кого“ и „для чего“ онъ творитъ и почему въ основѣ этого творчества лежитъ его пламенно-святая любовь къ Украинѣ. Быть-можетъ, поэтъ, предоставленный въ своемъ творчествѣ самому себѣ, лишенный систематическаго образованія и всегда рвавшійся къ книгѣ, къ знанію, къ свѣту науки, видѣлъ въ „Кобзарѣ“ отраженіе личнаго несовершенства въ этомъ отношеніи и боялся, что его слово лишено достаточной силы для того вліянія, какое призвано оказывать, не такъ будетъ понято роднымъ ему народомъ и не принесетъ ожидаемаго „дорогого жнива“. Быть-можетъ, ему хотѣлось услышать то, что можно назвать объективной критикой его творчества, съ указаніемъ несовершенствъ его и съ аргументами, которые убѣдили бы поэта внести коррективъ въ это творчество. Кто знаетъ. Слишкомъ широкая гамма психологическихъ переживаній вмѣщается въ приведенной выше жалобѣ-признаніи Шевченка, чтобы исчерпать смыслъ ея, разложивъ ее на отдѣльные, составные моменты. Важнѣе тотъ фактъ, что ожидаемой „поради“ и „слова

мудрого“ поэтъ такъ и не дождался ни отъ критики со стороны земляковъ, общественно-національные идеалы которыхъ еще только формировались, ни отъ великорусской, реагировавшей на творчество украинскаго поэта „мертвыми словами“. Правда, уже послѣ возвращенія изъ ссылки, когда, по выраженію Жемчужникова, „непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку окружали насъ“,—„мертвые слова“ Бѣлинскаго смѣнились признаніемъ огромнаго таланта за Шевченкомъ,—признаніемъ, высказаннымъ и Чернышевскимъ, и Добролюбовымъ. Но это было запоздалое признаніе, явившееся уже тогда, когда „неволя проковтнула“ не только „літа“ поэта, но и его здоровье, его силы и,—что самое главное,—подточила силы его великаго таланта. Въ періодъ развитія поэтическаго дарованія Шевченка, въ годы роста его поэтическихъ силъ, когда онъ творилъ свои бессмертные образы, когда онъ „пѣлъ“ свою незабвенную „пѣсню“, когда онъ закладывалъ мощное основаніе для украинской литературы и вливалъ чудотворный бальзамъ въ „розриту могилу“, заражая сознаніе украинскаго общества вѣрой въ силы націи и увѣренностью, что уже „день іде і за собою свѣтъ веде“,—въ это время онъ былъ одинокъ. И это слово—одинокій,—встрѣчающееся у него въ „Кобразѣ“ и обычно не запоминающееся нами глубоко, пріобрѣтаетъ въ связи съ приведенными признаніями поэта какой-то особый смыслъ, запечатлѣвается болѣзненно въ сознаніи читателя и воспринимается какъ знакъ, какъ ключъ къ пониманію одного изъ самыхъ драматическихъ моментовъ въ жизни и творествѣ украинскаго гения. Это слово какъ бы открываетъ завѣсу страданій Шевченка, не только какъ человѣка, но и какъ творца, не находившаго той оцѣнки произведеніямъ своего творчества, на которую онъ рассчитывалъ и съ которой считается каждый поэтъ-творецъ, принимая изъ нея цѣнное, отбрасывая ненужное. И кто знаетъ, быть-можетъ, въ той чашѣ страданій, какую пришлось въ продолженіе своей жизни испить „гениальному горемыкѣ“, горчайшими каплями были именно тѣ, которыя отравляли ущемленное сознаніе „одинокого“ и предоставленнаго самому себѣ въ своемъ творествѣ поэта. И, быть-можетъ, передъ этими страданіями блѣднѣютъ и стусеваются тѣ, которыя пришлось испытывать поэту, какъ человѣку, извѣдавшему на самомъ себѣ весь ужасъ Николаевской эпохи, все про-

клятiе крѣпостной неволи, весь кошмаръ подневольной солдатчины, всѣ мучительныя переживанiя борца, чувствующаго огромную силу зла и свое безсилiе въ борьбѣ съ нимъ: Вѣдь всѣ эти страданiя, равно какъ и тѣ, не менѣе сильно ранившiя сердце поэта, источникомъ коихъ была идеально-глубокая любовь къ родному краю, къ этой „разрытой могилѣ“, изъ которой вынули дорогiя кости и надругались надъ ними,—все это были муки, на которыя Шевченко реагировалъ просто, какъ человѣкъ. Эти переживанiя не чужды были и современникамъ его, хотя и въ меньшей степени и въ меньшемъ объемѣ. У Шевченко они подтачивали его силы, порою истощали ихъ, понижали его жизнедѣятельность, создавая всю ту сумму рефлексовъ, которые входятъ какъ составные элементы въ содержанiе личной драмы его, какъ человѣка вообще и какъ человѣка данной эпохи, поколѣнiя и нацiи въ частности. Но къ этой драмѣ Шевченко прибавляется еще душевная драма его какъ генiя и какъ поэта, ибо „нѣтъ мукъ сильнѣе муки слова“ и нѣтъ болѣе остраго и ущемленнаго сознанiя, какъ сознанiе своего одиночества.

Исторiя жизни Шевченко еще не написана полностью и не освѣщена, не изучена въ деталяхъ, несмотря на богатый материалъ, собранный покойнымъ А. Конисскимъ въ биографiи этого поэта и другими. Но тотъ, кто когда-нибудь осилитъ эту трудную, но назрѣвшую уже потребность украинскаго общества, этотъ будущiй биографъ Шевченко, оставаясь на драматическихъ моментахъ въ жизни поэта, освѣтитъ и любовно вскрыетъ одно изъ наиболѣе мучительныхъ длительныхъ переживанiй его. И, думается, изученiе этой стороны въ жизни Шевченко еще глубже уяснитъ намъ содержанiе пережитой имъ драмы и прибавитъ къ ней нѣчто новое, что еще болѣе усилитъ чувство нашей любви къ генiальному пѣвцу Украины, который давно уже ушелъ отъ насъ, но который еще долго будетъ жить и среди насъ, и среди тѣхъ поколѣнiй, которыя придутъ на смѣну намъ.

С. Петлюра.

Новое знамя націоналистов¹⁾.

Конецъ прошлаго года ознаменовался новымъ лозунгомъ, новымъ знаменемъ, поднятымъ надъ російской Украиной: противъ полковъ „мазепинцевъ“, выслѣженныхъ или, лучше сказать, нарисованныхъ фантазією разныхъ спасителей російскаго отечества, выброшенъ штандартъ „богдановцевъ“ съ поясненіемъ, что никто въ такой степени, какъ эта спасительная команда, не удерживаетъ въ цѣлости російскаго отечества, которое давно бы развалилось при злодѣйскомъ попустительствѣ, оказываемомъ со стороны начальства вышеписаннымъ „мазепинцамъ“. Штандартъ этотъ, разумѣется, бутафорскій, склеенный изъ номеровъ „Кіевлянина“, и комментаріи къ нему точно такъ же бутафорскіе; но великое имя даже въ такой бутафорской обстановкѣ можетъ производить извѣстное впечатлѣніе, а потому нельзя оставить это обстоятельство безъ соотвѣтственнаго разъясненія.

Съ точки зрѣнія современныхъ опричниковъ, противопоставляющихъ имени „Богдана“ имя „Мазепы“, такое противопоставленіе имѣетъ свою историческую традицію. И російское правительство, укоряя украинцевъ въ „измѣнѣ“, до извѣстной степени противопоставляло „измѣннику Мазепѣ“ и всякимъ инымъ украинскимъ „измѣнникамъ“ славнаго гетмана, вѣрнаго и ничѣмъ съ російской официальной точки зрѣнія не запятнаннаго. Петръ I въ своемъ извѣстномъ рескриптѣ, откладывая на неопредѣленное время избраніе украинскаго гетмана, аттестовалъ всѣхъ гетмановъ какъ измѣнниковъ, „кромя перваго—

¹⁾ Дѣйствующіе на югѣ русскіе націоналисты изъ украинцевъ, не довольствуясь измышленной ими нелѣпой кличкой „мазепинцевъ“, которую они примѣняютъ къ сторонникамъ украинской идеи, присвоили себѣ самимъ названіе „богдановцевъ“. По этому поводу проф. М. С. Грушевскій выступилъ въ „Литер.-Наук. Вістн.“ съ интереснымъ историко-публицистическимъ комментариемъ, который мы и приводимъ здѣсь въ извлеченіи, имѣя въ виду преимущественно нашихъ русскихъ читателей.

Богдана Хмельницкаго и послѣдняго — Скоропадскаго“. Однако эта аттестація выдана была славному Богдану „оплошно и не справясь съ дѣломъ“. Съ точки зрѣнія дѣйствительной исторической правды, если Мазепа не вполнѣ заслуженно попалъ въ роль классическаго представителя украинскаго ирридентизма, то ужъ совсѣмъ абсурднымъ нужно признать противопоставленіе ему Богдана, какъ представителя московской лояльности.

Мазепа въ дѣйствительности вовсе не былъ представителемъ украинскаго автономизма. Въ нашей исторіи имѣются представители украинской государственной идеи, украинской самостоятельности и обособленности, гораздо рѣзче и сильнѣе выраженные. У Мазепы для такой роли не было ни трагической стойкости Дорошенка, ни безпредѣльной выносливости Орлика, и за свою продолжительную жизнь онъ прямо-таки не успѣлъ показать себя съ этой стороны. Что скрывалъ онъ въ тайникахъ своей души,—это осталось для насъ скрытымъ. Онъ плылъ по теченію московскаго централизма, на буксирѣ московской политики, и его рѣзкій разрывъ съ нею напоминаетъ скорѣе фортель Бруховецкаго, который, убѣдившись, насколько невыносимой сдѣлало на Украинѣ его личность прислужничество московскому централизму, также въ одну ночь „съ послѣдней ступени его царскаго величества“ превратился въ украинскаго измѣнника и автономиста.

Человѣкъ, безъ сомнѣнія, болѣе интеллигентный, политикъ болѣе тонкій, Мазепа не доходилъ до такихъ грубыхъ безтакностей, какъ Бруховецкій; но и онъ въ теченіе своего гетманства пріобрѣлъ крайнюю непопулярность,—можно даже сказать, ненависть народную,—какъ „московская душа“, какъ продажный московскій прислужникъ. Обстоятельства и давленіе ближайшей старшины, которая считала непростительнымъ грѣхомъ не использовать подходящій моментъ для освобожденія Украины, заставили Мазепу въ послѣднюю минуту превратить изъ царскаго слуги въ защитника украинской свободы „отъ московскаго тиранскаго ига“.

Однако этотъ поздній и вынужденный обстоятельствами переломъ едва ли бы спасъ репутацію Мазепы на Украинѣ: слишкомъ ужъ сильно онъ есбя скомпрометтировалъ въ глазахъ тогдашняго украинскаго общества своей политической безхарактерностью, своей податливостью тогдаш-

ней московской политикѣ. Но затѣмъ само же московское правительство сдѣлало изъ него трагическую фигуру, сваливъ на его голову всѣ грѣхи украинскаго міра, проклявши его страшными клятвами, какъ неслыханнаго злодѣя, второго Іуду, врага христіанства и православія — типичнаго представителя украинской „измѣны“, той измѣны, какою, моль, постоянно компрометтировали себя украинцы, вслѣдствіе чего московское правительство признало себя свободнымъ отъ выполнения въ будущемъ всѣхъ обѣщаній и обязательствъ, которыя приняло на себя передъ Украиной.

Итакъ, какъ видимъ, „мазепинство“ для обозначенія ревнителѣй теперешняго „малороссійскаго отечества“, представляетъ собою названіе въ достаточной степени случайное. Съ исторической точки зрѣнія это названіе можно было бы принять лишь *cum taximo grano salis*.

Самое противопоставленіе Хмельницкаго и Мазепы въ качествѣ двухъ полюсовъ украинскихъ настроеній, кажется прямо-таки курьезнымъ. Какъ извѣстно всякому, болѣе или менѣе знакомому съ фактами украинской исторіи, Хмельницкій является не только ярко выраженнымъ автономистомъ, но, кромѣ того, сознательнымъ носителемъ идеи украинской государственности.

Столкновеніе съ первыми реальными проявленіями московскаго централизма необычайно взволновало его и направило въ сторону рѣшительной оппозиціи такой политикѣ: онъ сталъ уклоняться отъ совмѣстныхъ операций съ московскими войсками, отговаривалъ украинскіе города въ Галиціи отъ подчиненія власти Москвы, во избѣжаніе притязаній на Западную Украину; рѣзко, „кабы измѣною“, отзывался о политикѣ московскаго правительства, въ кружкѣ же своихъ близкихъ и вѣрныхъ людей не таился съ самыми рѣзкими отзывами и настаивалъ передъ своею старшиною на разрывѣ съ Москвою, желая найти у другихъ помощь и покровительство. Извѣстно, также, что одними словами эти намѣренія не ограничились, и Хмельницкій, убѣдившись въ отрицательномъ отношеніи Москвы къ украинской автономіи, искалъ поддержки у другихъ государствъ и въ концѣ-концовъ остановился на идеѣ тѣснаго союза съ Швеціей. Кіевская археологическая комиссія недавно издала акты, которые съ достаточной обстоятельностью выясняютъ развитіе политики Хмельницкаго въ этой сферѣ. Изъ нихъ видно, какъ онъ пытался

свой союзъ съ Швеціей согласовать съ покровительствомъ Москвы; а когда въ дальнѣйшемъ, благодаря примиренію съ Польшей, политика Москвы стала въ полное противорѣчіе съ шведской политикой, стремившейся къ борьбѣ съ Польшей, Хмельницкій крѣпко держался своей связи съ Швеціей, готовый итти на разрывъ съ Москвою. Фактическое свое осуществленіе политика эта получила въ 1657 году въ формѣ совмѣстной кампаніи Украины, Швеции и Семиграда противъ Польши. Подготовленный при жизни Хмельницкаго союзъ Украины съ Швеціей въ болѣе опредѣленныхъ контурахъ осуществился только послѣ его смерти.

Такимъ образомъ, политика Мазепы не была чѣмъ-то абсолютно новымъ—она только поднимала и вновь связывала нити прежней политики великаго гетмана. Въ запискахъ Орлика имѣются воспоминанія о томъ, какъ старшина, вспоминая о чести и славѣ Богдана, освободившаго Украину отъ Польши, вѣчными проклятiями грозила Мазепѣ, если онъ упуститъ моментъ, удобный для освобожденія Украины отъ Москвы.

Хартія выборовъ Орлика на гетманство, а также интересная декларація, найденная въ шведскихъ актахъ Н. В. Молчановскимъ, освѣщаютъ исторію разрыва мазепинцевъ съ Москвою, и союзъ со Швеціей признается вполнѣ опредѣленно только возобновленіемъ союза Хмельницкаго съ дѣдомъ Карла XII. Мазепа „пошелъ по слѣдамъ своего предшественника, славной памяти пресвѣтлаго гетмана Богдана Хмельницкаго, который вмѣстѣ съ пресвѣтлымъ королемъ шведскимъ, тезоименнымъ его величества теперешняго короля дѣдомъ Карломъ X, за обоюднымъ согласіемъ, дѣйствовалъ способами, необходимыми для освобожденія своей родины отъ тяжелой тогдашней польской неволи и для этого получилъ отъ него желаемую помощь, въ достаточной степени годную, чтобы уничтожить поляковъ“.

И мы дѣйствительно можемъ вѣрить тому, что Мазепа съ своимъ кружкомъ, вступая въ союзъ съ Карломъ XII, считалъ себя совершенно искренно продолжателемъ Богдана, исполнителемъ историческаго завѣщанія великаго гетмана—освобожденія Украины и народа украинскаго.

Въ виду всего этого нужно признать вполнѣ безуспѣшными стремленія противопоставить Богдана Хмельницкаго

„мазепинцамъ“ и сдѣлать его патрономъ новѣйшихъ спеціалистовъ по уничтоженію украинскаго сепаратизма.

Съ точки зрѣнія узкаго централизма и унитаризма, на которой стоялъ Петръ I, всѣ украинцы, не желавшіе стать въ противорѣчіе съ общими народными желаніями, должны считаться „измѣнниками“, ибо неизбѣженъ былъ для нихъ конфликтъ съ этимъ унитаризмомъ, который не хотѣлъ признавать „никакой розни и особаго нарѣчія“ не только въ украинской письменности, но и въ самой жизни. На этой почвѣ для однихъ возникали острые конфликты съ московской политикой, а другіе записывались въ „измѣнники“ благодаря тому, что осуждали московское правительство или не попадали ему въ тонъ, хотя собственно они не переставали быть искренними сторонниками государственной связи Москвы съ Украиною. Но изъ-за этой связи ни они, ни все украинское общество, ни весь народъ украинскій не желали отказываться отъ своей національной фізіономіи, отъ исторически сложившихся особенностей мѣстной жизни, отъ права и возможности ихъ свободнаго развитія.

„Родъ сицевъ, иже свободы хочетъ“,—такъ характеризовалъ украинское общество вѣрнѣйшій приверженецъ Москвы архіепископъ Лазарь Барановичъ и искренно уговаривалъ московское правительство не препятствовать стремленіямъ украинцевъ къ автономіи. Однако московское правительство не хотѣло ослабить свои централистическія тенденціи, украинское же общество также не хотѣло укладываться на прокрустовомъ ложѣ московской политики и попадало въ „измѣнники“. Такая политика проводилась безъ всякой нужды, даже съ точки зрѣнія чисто политическихъ интересовъ Московскаго государства. Однако совершенно логичной она становилась съ точки зрѣнія крайняго великорусскаго или такъ-называемаго „общерусскаго“ націонализма, для котораго „не было, нѣтъ и не быть не можетъ“ никакихъ украинскихъ особенностей,—одинаково, будетъ ли это область политики, или сфера культурная, литературная или бытовая.

Отношенія XVI вѣка здѣсь буквально соотвѣтствуютъ отношеніямъ XX-го. Если теперешнее украинство разсматривать съ точки зрѣнія государственной, которая заботится объ единствѣ, а совсѣмъ не объ единообразіи, стремится къ твердой, прочной и искренней государственной

связи, а не къ поверхностному уподобленію, то само собой понятно, что національныя стремленія украинцевъ могутъ вполне совмѣщаться съ программой такой истинной государственности, и задача государственныхъ руководителей должна заключаться въ томъ, чтобы не стѣснять излишней регламентаціей свободы національнаго развитія украинской или иной негосударственной народности. Такая политика не давала бы чувствовать разлада между національными интересами и государственной организаціей. Ревнители своей національной жизни могутъ быть и будутъ въ такомъ случаѣ хорошими патриотами общаго государства, несомнѣнными гражданами перваго ранга.

Если же подмѣнивать интересы государства интересами великорусскаго націонализма и видѣть въ культурно-просвѣтительныхъ начинаніяхъ украинцевъ или иной негосударственной народности стремленія, противныя „государственной задачѣ“, какъ писалъ покойный Столыпинъ въ извѣстномъ рапортѣ сенату, тогда вполне допустимо, что въ число враговъ такой плохо понятой государственности или, говоря стилемъ XVII вѣка, въ „измѣнники“ попадаютъ всѣ сочувствующіе культурно-просвѣтительному развитію національной жизни.

Наша задача состояла въ томъ, чтобы выяснить или напомнить, что всякое давленіе на украинство, всякая борьба съ такъ-называемымъ украинскимъ сепаратизмомъ или съ „мазепинствомъ“, въ дѣйствительности же съ національнымъ украинскимъ движеніемъ, совершенно неосновательно прикрываютъ себя именемъ или традиціей гетмана Богдана.

Не годится это имя ни для официальныхъ поборниковъ російскаго націонализма, ни для нашихъ домашнихъ малороссійскихъ ренегатовъ. Тѣнь великаго гетмана не имѣетъ ничего общаго ни съ правительственными стѣсненіями украинской жизни, ни съ этимъ ренегатскимъ прислужничествомъ.

Мих. Грушевскій.

Больной вопросъ.

Нѣсколько мыслей объ украинской идеѣ и русской интеллигенціи.

Я принимаюсь за перо не безъ смущенія, такъ какъ собираюсь говорить объ очень щекотливомъ предметѣ,—быть-можетъ, самомъ щекотливомъ изъ всѣхъ, какіе только входятъ въ программу нашего журнала. И, прежде чѣмъ приступить къ своей задачѣ, я считаю нужнымъ оговориться, что въ данномъ случаѣ являюсь выразителемъ только своихъ индивидуальныхъ взглядовъ, за которые ни на кого не желаю возлагать отвѣтственности.

Вопросъ, котораго я хочу здѣсь коснуться, сводится къ опредѣленію и оцѣнкѣ отношеній, существующихъ въ русскомъ прогрессивномъ обществѣ и въ русской прогрессивной печати къ украинскому національному движенію. Я назвалъ этотъ вопросъ б о л ь н ы м ъ, такъ какъ для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что извѣстная доля упрековъ по адресу русской интеллигенціи, высказываемая украинцами, принадлежащими къ самымъ различнымъ идейнымъ группамъ, выросла на патологической почвѣ. Говорю это не въ осужденіе. Я только констатирую фактъ, который, какъ всякій фактъ, подчиненъ закону причинности и, слѣдовательно, является неизбѣжнымъ въ данныхъ условіяхъ. Каждому изъ насъ извѣстна психологія сиротливыхъ и одинокихъ людей, ихъ болѣзненное самолюбіе, ихъ чрезмѣрная мнительность и подозрительность. Фантастическія обиды они принимаютъ за дѣйствительныя, а дѣйствительныя отражаются въ ихъ изболѣвшей душѣ ощущеніями, далеко не соотвѣтствующими объективной причинѣ. Результатомъ этого сплошь и рядомъ является усиленная реакція, превеличенныя жалобы и болѣзненный ростъ непріязненныхъ чувствъ къ источнику причиненной боли.

То, что присуще отдѣльной личности, присуще, въ данномъ случаѣ, и коллективу; и мнѣ думается, что именно указанной психологіей объясняется многое во взглядахъ

украинской интеллигенціи на отношеніе передовыхъ слоевъ русскаго общества къ дорогому ей дѣлу національнаго возрожденія.

Чтобы не далеко ходить за примѣрами, напомнимъ, какъ былъ встрѣченъ и оцѣнивался нѣкоторыми представителями украинской печати засѣдавшій въ прошломъ году въ Москвѣ общеземскій съѣздъ по народному образованію. Мнѣ помнятся случаи прямого обвиненія этого съѣзда въ томъ, что онъ враждебно отнесся къ предложенію о преподаваніи родного языка въ украинскихъ народныхъ школахъ и провалилъ его. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, это предложеніе встрѣтило рядъ горячихъ защитниковъ въ средѣ великороссовъ и было принято подавляющимъ большинствомъ общеземскаго съѣзда. Противъ него высказались лишь немногія единицы.

На-ряду съ этимъ я напомнимъ, какъ въ той же Москвѣ,—да не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ,—было осуществлено въ прошломъ году юбилейное чествованіе памяти нашего великаго Кобзаря. Безъ широкаго сочувствія великороссовъ оно, конечно, не было бы проведено съ такимъ подъемомъ, не могло бы принять такого импозантнаго характера. Уже одинъ тотъ фактъ, что на чествованіе Шевченка откликнулись своими привѣтствіями, адресами и депутаціями десятки столичныхъ культурно-общественныхъ и научныхъ организацій, можетъ служить лучшимъ показателемъ отношенія широкихъ круговъ прогрессивнаго русскаго общества къ украинскому національному празднику. Говорить при такихъ условіяхъ о непріязни и притомъ говорить *bona fide* развѣ можно внѣ патологическихъ условій?

Лично я долженъ сознаться, что мнѣ всегда казалась наглядной несообразностью мысль о совмѣщеніи въ одной и той же душѣ русскаго интеллигента непріязни къ украинскому національному дѣлу со стойкой защитой интересовъ Польши и Финляндіи; я никогда также не могъ примириться съ тѣмъ мнѣніемъ, что національныя формулы политическихъ программъ лѣвыхъ россійскихъ партій составляютъ плодъ лицемѣрія или являются простой „словесностью“.

Если бы читатели предположили во мнѣ намѣреніе писать апологію прогрессивнаго русскаго общества въ сферѣ его отношеній къ украинскому вопросу, то они впали бы въ большое заблужденіе. Ни выступить съ апологіей, ни идеали-

зировать кого бы то ни было, ни принижать я не хочу. Я хотѣлъ бы только *sine ira et studio* выяснить дѣйствительное положеніе вещей, какъ отправную точку для той линіи, по которой должны направить свою совмѣстную работу участники и друзья украинскаго національнаго движенія.

При разрѣшеніи этой задачи мнѣ прежде всего кажется, что самыя выраженія: „прогрессивное общество“, „передовая интеллигенція“ слишкомъ широки, неопредѣленны и расплывчаты, чтобы можно было примѣнить къ нимъ общую характеристику. Здѣсь необходимъ цѣлый рядъ разграниченій и оговорокъ, причѣмъ эти разграниченія, при современномъ состояніи у насъ національной проблемы, не совпадаютъ ни съ классовыми, ни съ партійными дѣленіями.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ наши социалистическія партіи. Въ то время какъ русскіе народники сочувственно относились и относятся къ украинской идеѣ и идутъ рядомъ съ украинскими народниками, россійскіе социаль-демократы все время проявляли непріязненное отношеніе къ ней, не давая себѣ даже труда внимательно разобраться въ національной проблемѣ вообще ¹⁾. Еще болѣе пестро обстоитъ дѣло у к.-д. Здѣсь въ рядахъ одной и той же партіи наблюдается самое различное, можно даже сказать, противоположное, отношеніе къ украинству. На-ряду съ имперіалистомъ П. Б. Струве, считающимъ украинство вредною интеллигентскою выдумкою, вы встрѣтите въ этой партіи членовъ союза автономистовъ-федералистовъ, признающихъ за украинствомъ всѣ права на существованіе. Вслѣдъ за лидеромъ к.-д., выступающимъ на общественной трибунѣ противъ украинизаціи народной школы, слѣдуетъ... тотъ же лидеръ, заявляющій уже съ думской трибуны, что родной языкъ преподаванія въ украинской школѣ необходимымъ.

За предѣлами названныхъ политическихъ группъ стоитъ безпартійная интеллигенція, которая составляетъ, конечно, огромное большинство русскаго общества; и въ рядахъ ея вы также не обнаружите однообразія въ интересующемъ насъ отношеніи.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ только результатъ статистическаго подсчета могъ бы дать въ наши руки непреерекаемыя данныя для рѣшенія вопроса, какіе эле-

¹⁾ Справедливость требуетъ оговорить, что въ самое послѣднее время россійскіе социаль-демократы начинаютъ, повидимому, измѣнять свою прежнюю позицію по отношенію къ украинскому національному вопросу.

менты—благопріятные или враждебные украинству—преобладаютъ въ прогрессивномъ русскомъ обществѣ. Но о такомъ подсчетѣ сейчасъ не можетъ быть и рѣчи, а потому приходится итти другимъ путемъ,—путемъ наблюдений надъ фактами, которые изо дня въ день даетъ намъ жизнь.

Каждый изъ украинцевъ, въ особенности живущихъ внѣ Украины, ежедневно соприкасается съ представителями русскаго общества, каждый изъ насъ имѣетъ дѣло съ тѣми или иными органами русской печати. Мнѣ кажется, что этого достаточно, чтобы каждый изъ насъ составилъ себѣ болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о томъ, какъ относится передовая русская интеллигенція къ украинскому національному движенію, чего отъ этой интеллигенціи мы можемъ ожидать и какъ сами мы должны относиться къ ней. Мои личныя наблюденія и впечатлѣнія всегда убѣждали меня и сейчасъ говорятъ мнѣ о томъ, что передовая русская интеллигенція, въ своемъ большинствѣ, очень благожелательно относится къ украинцамъ—къ ихъ этнографическимъ особенностямъ, ихъ внѣшней культурѣ и общему духовному облику. Нерѣдко вполнѣ искренно ею подчеркиваются даже преимущества и привлекательность этого облика въ сравненіи съ великорусскимъ. И на-ряду съ этимъ та же интеллигенція, не исключая ея литературныхъ представителей и идейныхъ руководителей, проявляетъ крайне смутное знакомство съ украинскимъ національнымъ возрожденіемъ, съ его исторіей и современнымъ состояніемъ, съ запросами и нуждами украинскаго народа и даже съ украинскою литературою. Здѣсь, по свидѣтельству такого компетентнаго великоросса, какъ академикъ *Θ. Е. Коршъ*, царить въ буквальномъ смыслѣ слово невѣжество, и это невѣжество объясняетъ собою очень многое изъ того, что воспринимается украинцами, какъ непріязнь, какъ отрицательное отношеніе къ ихъ національному дѣлу¹⁾. Упомянутый выше примѣръ почти неправдоподобной метаморфозы кадетскаго лидера также, безъ сомнѣнія, представляетъ явленіе этого порядка. Почтенный кадетъ, очевидно по неосвѣдомленности, не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда по упомянутому выше, въ сущности очень элементарному, предмету. Я вполнѣ увѣренъ, что даже лица, стоящія во главѣ руководящихъ органовъ прогрессивной русской печати, за исключеніемъ очень немногихъ,

¹⁾ См. „Украин. Жизнь“, № 1, стр. 125.

не въ состояніи разобраться въ украинскомъ вопросѣ, и этимъ прежде всего объясняется уклоненіе отъ обсуждения его. Они просто-на-просто не знаютъ, на какую ногу встать, боятся попасть въ ложное положеніе и, по невѣдѣнію, скомпрометтировать себя. Вѣдь недаромъ же такой крупный писатель, такой разносторонне образованный человѣкъ и выдающійся руководитель журнала, какъ Н. К. Михайловскій, назначилъ въ 1890 годахъ спеціальнаго редактора, В. А. Мякотина, для просмотра и приѣма въ „Русскомъ Богатствѣ“ статей по украинскому вопросу, которыя предполагалось тогда—увы! только предполагалось—направлять въ этотъ журналъ.

Этотъ фактъ чрезвычайно поучителенъ, и если мы въ него вдумаемся, то, быть-можетъ, въ меньшей степени будемъ удивляться тому, что въ русскихъ журналахъ и газетахъ, гдѣ нѣтъ ни Михайловскихъ, ни Мякотиныхъ и куда сами украинцы не стремятся проникнуть, такъ мало мѣста удѣляется украинскимъ вопросамъ. Правда, мы знаемъ газету, которая одно время начала-было собственными, что называется, силами удѣлять украинству очень много вниманія; но вскорѣ сами же украинцы подняли вопль противъ этого обилія, ибо въ немъ царила самая отчаянная неразбериха, и на-ряду съ яркою защитою идей національнаго возрожденія красовались перлы самага безпардоннаго империализма и самага подлиннаго обывательскаго вздора и невѣжества на національной подкладкѣ московскаго образца.

На-ряду съ приведеннымъ выше мнѣніемъ проф. Э. Е. Корша считаю умѣстнымъ сослаться здѣсь на не менѣе убѣдительное показаніе нашей писательницы Л. А. Яновской. Послѣ посѣщенія Москвы, гдѣ она имѣла возможность войти въ близкое соприкосновеніе съ русскими интеллигентными кругами, ею было засвидѣтельствовано въ прочитанномъ въ Кіевѣ докладѣ, что въ русскомъ обществѣ она не наблюдала непріязненныхъ чувствъ къ украинцамъ, но убѣдилась, что многіе изъ русскихъ даже не подозрѣваютъ о существованіи украинскаго національнаго движенія¹⁾.

Дѣло однако не въ одномъ невѣжествѣ русскаго интеллигента въ сферѣ вопросовъ украиновѣдѣнія. Нужно признать наличность порою въ его отношеніи къ украинскому вопросу, какъ культурно-политической проблемѣ, полного

¹⁾ Изложеніе очень интереснаго доклада Л. А. Яновской о посѣщеніи ею Москвы см. въ „Радѣ“, 1911 г., № 71.

равнодушія и даже, пожалуй, пренебреженія, но это равнодушіе и пренебреженіе опять-таки не надо смѣшивать и отождествлять съ враждебностью. Очень возможно, что здѣсь безеознательно сказывается „психологія централизма“, возвращенная вѣками россійской исторіи въ душѣ великоросса, но такое объясненіе, само по себѣ, очень далеко отъ полноты. Думается, что на-ряду съ этой причиною игнорированіе русскимъ обществомъ украинской идеи и недостатокъ вниманія къ ней въ русской печати являются, съ одной стороны, результатомъ инертнаго отношенія самихъ украинцевъ къ ея пропагандѣ на страницахъ русскихъ изданій, а съ другой—естественнымъ слѣдствіемъ недавней слабости украинскаго національнаго движенія. Оно существовало, вѣдь, больше въ потенциальномъ, чѣмъ въ реальномъ, активномъ состояніи, не проникло еще какъ сознательная сила въ народную толщу, не затронуло широкихъ массъ, и люди другой національности едва ли могли сдѣлать надлежащій прогнозъ назрѣвавшаго явленія, едва ли могли въ необходимой мѣрѣ и заинтересоваться имъ.

Явленія общественной жизни опредѣляются реальнымъ соотношеніемъ силъ. Это законъ универсальный. Онъ сказывается и здѣсь со своею желѣзною логикою, и для меня не подлежитъ сомнѣнію, что именно въ силу этого закона скоро наступитъ время, — я готовъ сказать, что оно уже наступаетъ, — когда прогрессивная русская печать, вслѣдъ за черносотенной, станетъ удѣлять украинству все больше и больше вниманія,—конечно, не враждебнаго, а сочувственнаго. Порукою этому служить быстрый ростъ украинскаго національнаго дѣла.

Украинцы должны быть сами кузнецами своего счастья и не бессильными іереміадами, а активной работою должны они привлечь къ своему дѣлу вниманіе, сочувствіе и содѣйствіе лучшихъ элементовъ русскаго общества, которые никогда не становились на пути достиженія къ тому бы то ни было идеаловъ равенства и свободы. А вѣдь эти именно идеалы составляютъ, въ послѣднемъ счетѣ, истинную сущность украинскаго движенія.

Я сказалъ то, что считалъ необходимымъ и что могъ на этихъ немногихъ страницахъ сказать по поводу большого и большого вопроса объ отношеніи русскаго общества къ украинскому національному движенію. Мнѣ остается еще

прибавить только нѣсколько замѣчаній, которымъ, впрочемъ, я придаю особенно важное значеніе.

Дѣло въ томъ, что претендовать на безусловную правоту тѣхъ заключеній, къ которымъ привела меня моя мысль, я вовсе не желалъ бы. Несмотря на искреннее стремленіе безпристрастно освѣтить затронутый вопросъ, я могъ въ томъ или иномъ отношеніи разойтись съ истиною, и буду очень радъ, если несогласные со мною внесутъ въ дѣло больше свѣта и обнаружатъ ошибочность или неполноту моихъ сужденій и выводовъ. Но я боюсь одного,—что имъ, какъ и мнѣ, придется испытать недостатокъ положительнаго, устойчиваго матеріала, подходить къ выводамъ окольнымъ путемъ, дѣлать заключенія на основаніи своихъ субъективныхъ наблюденій и воспріятій, базироваться на отрывочныхъ и потому, быть-можетъ, случайныхъ данныхъ. Безъ сомнѣнія, и такой путь имѣетъ свое значеніе, но мнѣ всегда казалось, что вопросъ объ отношеніи прогрессивнаго русскаго общества къ украинству заслуживаетъ того, чтобы его подвергнуть спеціальному и возможно объективному изслѣдованію тѣмъ способомъ, къ какому въ такихъ случаяхъ, обычно обращаются изслѣдователи общественныхъ явленій, не располагающіе достаточнымъ статистическимъ аппаратомъ. Этотъ путь—путь анкеты, и я рѣшилъ выработать ея основанія, съ тѣмъ, чтобы предложить самое осуществленіе ея какой-либо изъ научныхъ или культурно-общественныхъ организацій.

Теперь эта моя мысль—о выработкѣ основныхъ вопросовъ анкеты—осуществлена, и я хочу, въ заключеніе, удѣлить ей нѣсколько строкъ.

Вопросы анкеты были первоначально намѣчены мною однимъ, но затѣмъ они, по моей просьбѣ, были рассмотрѣны рядомъ компетентныхъ лицъ¹⁾ и, согласно ихъ замѣчаніямъ и указаніямъ, подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Въ окончательной редакціи анкетный листокъ получилъ слѣдующій видъ:

1. Интересовались ли вы украинскимъ вопросомъ? Въ чемъ выражался и выражается вашъ интересъ къ нему и что послужило толчкомъ къ его возникновенію?

¹⁾ Въ этомъ просмотрѣ вопросовъ принимали участіе: Н. П. Василенко, С. А. Ефремовъ, Л. Н. Жебуневъ, Б. А. Кистяковскій, Ф. П. Матушевскій и С. В. Петлюра.

2. Признаете ли вы наличность отличительныхъ особенностей, которыя выдѣляютъ украинцевъ изъ среды другихъ славянскихъ народовъ и, въ частности, отличаютъ ихъ отъ „державной народности“—великороссовъ; въ чемъ вы эти особенности усматриваете, и являются ли онѣ, по вашему мнѣнію, существенными?

3. Какъ относитесь вы къ вопросу объ ассимиляціи украинскаго народа: признаете ли вы желательнымъ поглощеніе и исчезновеніе его какъ національнаго коллектива, или, напротивъ, являетесь сторонникомъ дальнѣйшаго развитія его національныхъ чертъ? Если вы сторонникъ такого развитія, то почему, и какимъ, по вашему мнѣнію, путемъ должно это развитіе итти? Если—противникъ, то почему? Какой и для кого въ этомъ развитіи усматриваете вы вредъ?

4. Отдѣляете ли вы національно-политическое развитіе украинскаго народа отъ его культурнаго развитія; считаете ли вы возможнымъ для украинскихъ народныхъ массъ достиженіе высокаго культурнаго уровня при ихъ полной денационализациі?

5. Какъ вы относитесь къ вопросу объ украинской школѣ: признаете ли вы украинскую народную школу необходимой; видите ли вы нужду въ созданіи другихъ типовъ національной школы вплоть до университетовъ?

6. Каковъ вашъ взглядъ на употребленіе роднаго языка въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви?

7. Знакомы ли вы съ современною украинскою литературой и, въ частности, съ періодическою печатью, и если знакомы, то какое значеніе вы имъ придаете?

8. Извѣстна ли вамъ дѣятельность украинскихъ научныхъ и культурно-просвѣтительныхъ обществъ (какихъ именно?) и какое значеніе придаете вы этой дѣятельности?

9. Какое значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ украинскаго національнаго движенія въ Россіи можетъ имѣть ходъ этого движенія въ австрійской Украинѣ и относительно свободныя условія, въ какихъ оно тамъ находится?

10. Можетъ ли быть достигнута путемъ государственныхъ мѣропріятій денационализациія украинскаго народа и какое въ этомъ отношеніи значеніе придаете вы внѣшнимъ мѣрамъ воздѣйствія?

11. Какіе результаты приносили до сихъ поръ и какихъ можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ отъ мѣръ воздѣйствія, направленныхъ къ денационализациі украинскаго народа, въ видѣ: а) административныхъ мѣропріятій; б) вліянія общественныхъ организацій націоналистическаго (правильнѣе: „панруссистскаго“) характера и в) непріязненнаго отношенія къ національному украинскому движенію со стороны русскаго общества вообще (печать, интеллигенція)?

12. Усматриваете ли вы достаточныя основанія для высказываемыхъ иногда въ украинской печати по адресу представителей прогрессивнаго русскаго общества и прогрессивной русской печати обвиненій: а) въ равнодушномъ; б) въ пренебрежительномъ и г) въ непріязненномъ отношеніи къ украинскимъ національнымъ интересамъ? Если такое отношеніе (какое именно?) дѣйствительно существуетъ, то какъ оно значительно, въ какихъ именно кругахъ наблюдается и въ чемъ находитъ свое объясненіе?

13. Каковы должны быть, на вашъ взглядъ, ближайшія задачи современной украинской интеллигенціи?

14. Усматриваете ли вы въ существующихъ теченіяхъ общественно-политической мысли на Украинѣ тенденціи сепаратизма, „мазепинства“ и т. д.? Если, по вашему мнѣнію, такія теченія существуютъ, то въ чемъ они выражаются и откуда почерпнуты вами свѣдѣнія о нихъ?

15. Какія формы отношеній со стороны государства и русскаго общества къ Украинѣ представляются вамъ наиболѣе нормальными, справедливыми и желательными въ интересахъ Россіи, какъ цѣлаго, и Украины, какъ части?

Само собою разумѣется, что наиболѣе важнымъ и желательнымъ было бы полученіе отвѣтовъ на эти вопросы отъ тѣхъ лицъ, которыя по своему положенію въ обществѣ могутъ считаться носителями и руководителями общественнаго мнѣнія и представителями тѣхъ или иныхъ политическихъ партій, общественныхъ организацій и идейныхъ направленій. Правда, трудно ожидать, чтобы многія изъ этихъ лицъ согласились взять на себя трудъ хотя бы даже кратко отвѣтить на всѣ вопросы анкеты, но если бы удалось получить отъ значительнаго числа этихъ лицъ отвѣты только на нѣкоторыя вопросы, по ихъ собственному усмотрѣнію, то и въ такомъ случаѣ образовался бы въ высокой степени интересный и цѣнный матеріалъ для обоснованія нашихъ

суждений объ отношеніи къ украинству прогрессивныхъ круговъ русскаго общества.

Этимъ результатомъ значеніе анкеты не исчерпывалось бы. Многіе изъ полученныхъ отвѣтовъ могли бы также дать поводъ для выясненія въ печати отдѣльныхъ частныхъ интересующей насъ національной проблемы и вызвать литературную разработку тѣхъ сторонъ ея, относительно которыхъ анкетой были бы выявлены неточныя или ошибочныя представленія и мнѣнія. Первостепенная важность такого результата, разумѣется, разьясненій не требуетъ, и нужно только пожелать, чтобы предлагаемая анкета, если будетъ приступлено къ ея осуществленію, встрѣтила достаточно широкое сочувствіе въ великорусскомъ обществѣ, а затѣмъ подверглась достаточно объективной разработкѣ.

Ал. Саликовскій.

Къ спору объ украинской культурѣ.

П. Струве. Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ. Отвѣтъ Украинцу („Русская Мысль“, 1912 г., кн. 1).

Неизвѣстный авторъ, подписавшійся „Украинцемъ“, въ открытомъ письмѣ къ П. Б. Струве („Р. Мысль“, 1911, кн. 5), признавая себя практически слабо связаннымъ съ Украиной, такъ какъ воспитывался исключительно по-великорусски, тѣмъ не менѣе, побуждаемый не только сознаниемъ своего нравственного долга, а и бессознательной, инстинктивной любовью къ своему народу, вступаетъ за права украинскаго языка и самобытную роль украинства въ русской (не только великорусской и не только россійской) культурѣ. И вотъ, на это-то письмо почтенный редакторъ „Русской Мысли“, со свойственнымъ ему остроуміемъ и ученостью, даетъ рѣшительный отвѣтъ въ статьѣ, заглавіе которой выписано выше. Впрочемъ рѣшительнымъ можно назвать этотъ отвѣтъ почти только по его заключенію, въ которомъ авторъ взываетъ къ русскому прогрессивному общественному мнѣнію, побуждая его „энергично, безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ, вступить въ идейную борьбу съ „украинствомъ“, какъ съ тенденціей ослабить и отчасти упразднить великое пріобрѣтеніе нашей исторіи — общерусскую культуру“. Таковъ конечный выводъ автора, несомнѣнно, очень рѣшительный, который можетъ оказаться еще болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ онъ самъ ожидалъ и желалъ, такъ какъ идейная борьба у насъ нерѣдко выходитъ за предѣлы предположенныхъ сферъ и теряетъ свой первоначальный характеръ. Но путь, которымъ авторъ приходитъ къ этому идейному „Aux armes, citoyens!“, далеко не рѣшительный и опредѣленный, какъ могъ бы ожидать

тотъ, кто, прежде чѣмъ приступить къ чтенію его статьи, случайно заглянулъ бы въ ея конецъ. „Поблажекъ“ въ ней, правда, нѣтъ, по крайней мѣрѣ сознательныхъ, но „двусмысленности“ есть, хотя, конечно, также безсознательныя. Да и какъ обойтись безъ тѣхъ и другихъ русскому или какому-угодно публицисту, честному и гуманному, но, въ сущности, глубоко консервативному, когда онъ говоритъ объ явленіи новомъ, еще не вполне опредѣлившимся, но, очевидно, крупномъ? О такомъ явленіи обѣимъ сторонамъ,—и сочувствующей, и враждебной ему,—трудно говорить безпристрастно, потому что для этого нужно отрѣшиться отъ нихъ обѣихъ, отрѣшиться отъ самого себя настолько, чтобы, предавъ полному забвенію свои сердечныя и умственныя привычки, для воспріятія будущаго заключенія образовать въ своемъ сознаніи *tabula rasa*. Такова точка зрѣнія чисто научная. Но это—идеаль, къ которому дай Богъ подойти хоть поближе, чѣмъ на то способно большинство.

П. Б. Струве, какъ истинный ученый, и старается доказать свою мысль научными данными, не ограничиваясь предѣлами своей спеціальности, а пуская въ дѣло также свѣдѣнія,—и весьма основательныя, и разнообразныя,—изъ исторіи литературныхъ языковъ. И все-таки я не могу согласиться съ нимъ даже въ чисто научныхъ частяхъ его статьи, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя доступны моему сужденію.

Къ сожалѣнію, въ самомъ началѣ своего возраженія я наталкиваюсь на вопросъ, несравненно лучше извѣстный почтенному автору, нежели мнѣ. А именно: на стр. 66 онъ обуславливаетъ возможность самостоятельной украинской культуры ни болѣе, ни менѣе, чѣмъ разрушеніемъ всего государственнаго и общественнаго уклада Россіи. Ужели для того, чтобы російскіе украинцы получили право на свободное употребленіе своего языка, необходимо полное переустройство, если не конечное разрушеніе Россійской имперіи? При моей малой освѣдомленности въ политическихъ наукахъ, мнѣ остается ждать рѣшенія этого страшнаго вопроса отъ знатоковъ государственнаго права; но до тѣхъ поръ я позволю себѣ, хотя бы лишь для собственнаго успокоенія, предложить другой вопросъ и по-сильно на него отвѣтить: почему Петръ Великій переиме-

новаль царство Московское въ Россійскую имперію, а, напримѣръ, не въ Россійское королевство? Потому, что Россія гораздо больше западныхъ королевствъ,—это, конечно, было одной изъ причинъ присвоенія ей названія имперіи. Но не было ли и другой причины, болѣе глубокой? Ближайшимъ образцомъ ему служила въ этомъ случаѣ священная Римская имперія, т.-е. въ то время приблизительно, Австрія безъ польскихъ земель, но съ итальянскими, глава которой носилъ титулъ германскаго императора. Совпадавшая нѣкогда съ нею Германская имперія, отчасти фактически, отчасти юридически, охватывала нѣсколько самостоятельныхъ владѣній — королевскихъ, велико-герцогскихъ, герцогскихъ и друг. — и нѣсколько народностей. Такое разнообразіе составныхъ частей и давало государству право на званіе имперіи. Именно на этомъ основаніи король Пруссіи, занявшей послѣ войны 1870—1871 гг. первенствующее мѣсто въ ряду многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ, называется германскимъ императоромъ. Потому же и англійскій король, въ качествѣ властителя иноплеменной и разноплеменной Индіи, пользуется титуломъ императора. Къ началу XVIII в. Царь и Великій Князь всея Руси, владѣвшій Великой и Малой Россіей, царствами Казанскимъ, Астраханскимъ и Сибирскимъ и разными дикими „землями“ съ весьма пестрымъ населеніемъ, могъ поэтому безъ всякихъ натяжекъ заявить претензіи на императорскій титулъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Петръ, провозглашая себя императоромъ, ясно сознавалъ значеніе этого титула, указывающаго на такое разнообразіе составляющихъ Россійскую имперію областей, которое необходимо предполагаетъ и разнообразіе бытового, общественнаго, административнаго и отчасти даже государственнаго уклада. Во всякомъ случаѣ о томъ, что „историческое призваніе Россіи—обрусить все не-русское и оправославить все не-православное“, какъ было недавно заявлено въ Государственномъ Совѣтѣ, Петръ Великій не помышлялъ, да не думали объ этомъ и его преемники до половины 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, если не считать довольно скромной по размѣрамъ проповѣди христіанства между язычниками. Начавшіяся съ той поры и все усиливающіяся стара-

ніа о замѣнѣ всѣхъ народностей Россійскаго государства великорусской и всѣхъ вѣрѣ православіемъ, противорѣча идеѣ имперіализма, неминуемо должны вести къ разрушенію того кое-какъ складывавшагося общаго культурнаго тона, изъ котораго, при иномъ отношеніи къ составнымъ частямъ имперіи, могла бы въ самомъ дѣлѣ выработаться опредѣленная и прочная русская культура, не давящая племенные особенности, а непрестанно черпающая изъ нихъ свѣжія силы. Тогда разрѣшился бы самъ собою вопросъ объ обще-русскомъ литературномъ языкѣ, полагаемый П. Б. Струве во главу угла взаимныхъ культурныхъ отношеній двухъ многочисленнѣйшихъ вѣтвей русскаго племени.

Въ этомъ отношеніи многоуважаемый авторъ безусловно правъ, но онъ нѣсколько поторопился, признавъ такимъ общимъ языкомъ „языкъ Полнаго Собранія Законовъ, Пушкина, Гоголя и Льва Толстого“,—поторопился потому, что упустилъ изъ вида существованіе украинцевъ не-россійскихъ... Впрочемъ объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а теперь займемся взглядами автора на письменный языкъ.

Прежде всего указаніе на Полное Собраніе Законовъ не совсѣмъ удачно, потому что въ этомъ сборникѣ встрѣчаются документы, написанные отнюдь не на языкѣ Пушкина, Гоголя и т. д. Послѣдній языкъ авторъ приравниваетъ къ греческой *κοινή*, т.-е. „общему языку“, каковымъ, по его словамъ, было нѣкогда іоническое нарѣчіе, позже—аттическое, нѣсколько измѣненное. И это вѣрно, однако выбранное авторомъ сравненіе представляетъ собою, можно сказать, палку о двухъ концахъ. Ионическое нарѣчіе, правда, употреблялось на письмѣ не одними іонянами, но районъ этого употребленія почти не выходилъ за предѣлы Малой Азіи съ близкими къ ней островами. По крайней мѣрѣ, такъ обстояло дѣло съ исторической и философской прозой, но не съ законами, которые во всѣхъ греческихъ государствахъ писались,—что и естественно,—на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Что касается поэзіи,—о которой П. Б. Струве не говоритъ,—іоническое нарѣчіе служило у всѣхъ грековъ языкомъ эпоса и элегіи, но въ качествѣ языка не „общаго“ въ точномъ смыслѣ этого слова, а свойственнаго лишь опредѣленному литературному роду. Особенность искусственной греческой поэзіи относительно языка состоитъ въ томъ, что, развившись всецѣло изъ поэзіи на-

родной, она—за естественнымъ исключеніемъ чисто личной лирики—удержала для каждаго изъ отдѣльныхъ своихъ родовъ нарѣчіе того греческаго племени, среди котораго данный родъ возникъ или особенно процвѣлъ. Это правило соблюдалось и послѣ IV в. до Р. Х., во время господства настоящей *κοινή*, ставшей исключительнымъ языкомъ греческой прозы.

Это искусственное нарѣчіе образовалось изъ аттическаго путемъ примѣси къ нему изъ другихъ нарѣчій и его діалектическаго обезличенія, но никогда не доходило до полнаго однообразія: не говоря уже о томъ, что между языкомъ Плутарха и Діонисія Галикарнасскаго и языкомъ Евангелія отъ Іоанна лежитъ цѣлая пропасть, почти у каждаго представителя этого „общаго“ языка въ письменности замѣчаются личныя особенности не только стилистическаго свойства. Вообще можно сказать, что это былъ языкъ скорѣе умственнаго общенія, чѣмъ литературнаго творчества. Зато въ III—IV в. по Р. Х., когда въ греческомъ мірѣ вновь пробудился интересъ къ изящной литературѣ, возникла многочисленная школа „аттикистовъ“, ученіемъ и примѣромъ проповѣдывавшая употребленіе аттическаго нарѣчія въ качествѣ литературнаго языка. Но, такъ какъ область греческаго языка была въ то время гораздо обширнѣе, чѣмъ въ пору процвѣтанія греческой литературы, а Аѳины утратили свое прежнее культурное значеніе, само собою разумѣется, что пользованіе аттическимъ нарѣчіемъ, да еще въ формѣ давно минувшихъ эпохъ Аристофана, Исократы и Демосѳена, могло быть доступно лишь небольшой сравнительно кучкѣ ученыхъ, и попытка аттикистовъ, несмотря на всѣ ихъ дарованія, не повела къ прочнымъ результатамъ.

Истинно литературнымъ языкомъ, т.-е. единообразнымъ и притомъ живымъ орудіемъ мысли, былъ латинскій языкъ въ западной части Римской имперіи, но и то преимущественно къ сѣверу отъ Италіи, въ странѣ безнадежно дикихъ и этнографически неустойчивыхъ кельтовъ; а въ Африкѣ и онъ получилъ специфическую мѣстную окраску. Нельзя, конечно, спорить о государственно-національномъ значеніи главныхъ литературныхъ языковъ современной намъ Западной Европы, на которые ссылается П. Б. Струве въ доказательство своего положенія о лишь

мѣстномъ значеніи украинскаго языка. Но его сравненія, какъ и даже не упомянутые имъ примѣры изъ этой области, подлежатъ нѣкоторымъ оговоркамъ. Нѣмцы (независимо отъ школы) говорятъ на такихъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ, понятныхъ притомъ лишь довольно мелкимъ частямъ населенія Германіи, что общій, болѣе или менѣе условный языкъ тамъ необходимъ просто для взаимнаго пониманія мекленбуржца съ баварцемъ, эльзасца съ саксонцемъ и т. д. Таково же положеніе въ Англіи, во Франціи, въ Италіи и въ Испаніи, гдѣ поэтому и установились опредѣленно сложившіеся, общіе всему населенію письменные языки, основанные на одномъ изъ мѣстныхъ нарѣчій, но обогащенные заимствованиями изъ другихъ нарѣчій и даже изъ чужихъ языковъ, живыхъ и мертвыхъ, и сознательно произведенными или выдуманними словами и, такимъ образомъ, расширенные до пригодности къ свободному удовлетворенію общечеловѣческихъ умственныхъ потребностей. Стремленіе ко взаимному пониманію въ силу необходимости бываетъ такъ сильно, что, напримѣръ, на Кавказѣ, гдѣ невозможно остановиться на одномъ изъ коренныхъ мѣстныхъ языковъ, въ сношеніяхъ одного туземнаго народа съ другимъ прибѣгаютъ къ тамошнимъ языкамъ турецкимъ (ногайскому, кумыцкому и азербейджанскому) или, впрочемъ рѣдко, къ русскому.

Кое-гдѣ, кромѣ нарѣчій, есть или были и самостоятельные языки, родственные большинству мѣстныхъ нарѣчій, какъ ниже-нѣмецкій (Plattdeutsch) въ Германіи, провансальскій и каталанскій во Франціи и каталанскій же въ Испаніи, или совершенно иного происхожденія, а именно въ Англіи кельтскіе (кимрскій и шотландско-ирландскій), во Франціи кельтскій же (бретонскій) и баскскій, въ Испаніи баскскій. Изъ этихъ языковъ ниже-нѣмецкій Platt уже по числу говорящихъ на немъ не могъ выдержать борьбу съ книжнымъ верхне-нѣмецкимъ языкомъ, особенно послѣ Лютерава перевода Священнаго Писанія, который сдѣлалъ этотъ языкъ орудіемъ протестантства, распространившагося по всей сѣверной Германіи, въ томъ числѣ и по области языка ниже-нѣмецкаго. Но два другія ниже-нѣмецкія нарѣчія, внѣ Германіи, проникли и въ книгу: нидерландское стало самостоятельнымъ литературнымъ языкомъ Голландіи, а древнее англо-саксонское легло въ основу англійскаго

письменного языка. Провансальская и—въ меньшей степени—каталанская литературы на мѣстныхъ языкахъ существовали рядомъ съ французской почти до половины XIII в., въ началѣ котораго культура южной Франціи была сокрушена Альбигойскими войнами. Но испанскіе каталанцы пишутъ и теперь на своемъ родномъ языкѣ. Что касается кельтскихъ языковъ и баскаго, участь ихъ предрѣшена тѣмъ, что сами кельты и баски вымираютъ или перерождаются въ своихъ болѣе живучихъ сосѣдей, чего ужъ никакъ нельзя сказать объ украинцахъ (см., напр., статью проф. М. С. Грушевскаго „Украина и украинство“ въ № 1 „Украинской Жизни“).

Остается еще вопросъ о ново-греческомъ письменномъ языкѣ, такъ-называемомъ „чистомъ“ или, точнѣе, „содержащемъ себя въ чистотѣ“ (*καθαρεύουσα*). „Чистоты“ отъ варваризмовъ,—романскихъ, славянскихъ, турецкихъ, каковыми кишитъ живая ново-греческая рѣчь,—этотъ искусственный языкъ достигаетъ отчасти новообразованиями по древнему образцу (въ родѣ шишковскаго топталище—тротуаръ), отчасти сложными, болѣе или менѣ длинными и неуклюжими (какъ шишковское же мокроступы—калоши), отчасти приданіемъ условнаго значенія словамъ (какъ его же гуляка—фланеръ), а чаще всего употребленіемъ словъ давно забытыхъ (какъ его же омѣна—аллея). По беспомощности относительно иноязычныхъ словъ „чистый“ языкъ современныхъ намъ грековъ можно сравнить только съ книжными языками чеховъ, мадьяръ и финновъ (суоми). Но разговорная рѣчь этихъ народовъ, цѣняя прежде всего простоту и общепонятность, далеко отстаетъ отъ примѣра ученыхъ писателей.

Не можетъ быть и спора о томъ, что всякій народъ, дорожащій національнымъ характеромъ своего языка, не только письменнаго, а и устнаго, долженъ воздерживаться отъ употребленія по крайней мѣрѣ излишнихъ варваризмовъ, каковы доминировать и превалировать, которыми наши газетчики, повидимому, щеголяютъ, и, примѣръ, книжныя великорусскія предлагать и представлять, заимствованныя къ тому же изъ общаго всѣмъ православнымъ славянамъ церковно-славянскаго языка, идутъ къ украинской рѣчи гораздо лучше, нежели перенятая галичанами у поляковъ романскія по происхо-

жденію пропонувати и репрезентувати (вмѣсто которыхъ были бы также мыслимы во всякомъ случаѣ славянскія и даже употребительныя почти въ томъ же смыслѣ вносити и заступати). Но добиваться полнаго изгнанія иноязычныхъ словъ, особенно ставшихъ достояніемъ обще-европейской культуры, къ чему стремятся греческіе „чистотствующіе“, есть дѣло безцѣльное и бесполезное, потому что, хотя вліяніе книжнаго языка на разговорный или „выравниваніе по высшему уровню“, какъ выражается П. В. Струве (стр. 77), не подлежитъ никакому сомнѣнію, разговорный языкъ никогда не откажется отъ тѣхъ варваризмовъ, которые находятъ болѣе удобными, чѣмъ ихъ доморощенные замѣны. И тѣ письменныя языки, которымъ не предназначено замереть въ душной атмосферѣ ученаго кабинета, мало-по-малу демократизуясь (о чемъ говоритъ тамъ же почтенный авторъ), принимаютъ въ себя обратно кое-какіе изъ забракованныхъ книжниками варваризмовъ. А варваризмы бываютъ не только въ словарѣ, но и въ синтаксисѣ и во фразеологіи, и вотъ съ ними-то борьба особенно трудна. Но греческіе пуристы доводятъ свое рвеніе до того, что и новые обороты и формы стараются замѣнить древними, мечтая о возможно полномъ возвращеніи къ языку славныхъ, но, къ сожалѣнію, давно скончавшихся предковъ.

Сочувствовать приверженцамъ „чистаго“ ново-греческаго языка, зная его отношеніе къ разговорному, можетъ лишь тотъ, кто желалъ бы замѣнить нашъ нынѣшній литературный языкъ церковно-польско-русскимъ жаргономъ Симеона Полоцкаго. Впрочемъ это сравненіе еще слабо: наши грамотеи XVII вѣка не гонялись за правильнымъ употребленіемъ давнымъ-давно заглохшихъ юсовъ и не требовали безусловно придуманной ими разстановки „варій“ и „оксій“, а греки, даже изъ числа поборниковъ разговорнаго языка, удерживаютъ древнее правописаніе все цѣликомъ, несмотря на коренное звуковое отличіе новаго языка отъ древняго, и потому ни одинъ грекъ, за исключеніемъ ученыхъ, не можетъ писать на родномъ языкѣ правильно, что легко провѣрить по письмамъ хотя бы самыхъ рьяныхъ ратоборцевъ „чистаго“ языка, не принадлежащихъ къ узкому кругу хорошихъ знатоковъ языка древняго.

Еще въ началѣ прошлаго вѣка ученый врачъ-филологъ

Іоаннъ Вилара предлагалъ употребленіе живой рѣчи въ качествѣ орудія литературы и придумалъ правописаніе, близкое въ основѣ къ тому, которое введено въ украинскую письменность Кулішемъ. Большинство ново-греческихъ поэтовъ писало и пишетъ на разговорномъ языкѣ, находя „чистый“ мертвымъ. Противъ послѣдняго возставали самыя даровитыя представители ново-греческой изящной литературы,—напримѣръ, извѣстный и въ Западной Европѣ авторъ остроумнаго романа „Папесса Іоанна“ Роиди, написавшій по вопросу объ языкѣ цѣлую книгу „Идолы“. Но мечты о возвратѣ древне-эллинской славы такъ сильны между греками, что поборники скованнаго по возможности на древній ладъ „чистаго“ языка, пользуясь глубоко сидящимъ въ грекахъ націонализмомъ, успѣшно поддерживаютъ свои стремленія, особенно въ реакціонно-консервативныхъ кругахъ, между которыми видное мѣсто принадлежитъ духовенству. Послѣднее нигдѣ не расположено къ новшествамъ, а греческое сверхъ того привыкло къ древнему языку, хотя и не класическому, совершая на немъ богослуженіе. Бунтъ студентовъ аѳинскаго университета въ 1901 г. изъ-за перевода Св. Писанія на новый языкъ не былъ даже направленъ противъ просторѣчія, а исходилъ изъ враждебности къ самой идеѣ замѣны „эллинскаго“ подлинника какимъ бы то ни было переводомъ. Вызвано было это волненіе приверженцами профессора древне-греческаго языка Конда, стремившагося чуть не къ полному воскрешенію „языка предковъ“. Аѳинскій скандалъ 1910 года тѣмъ менѣе можетъ быть оправданъ, что ново-греческій переводъ Новаго Завѣта существуетъ давно и печатается лондонскимъ Библейскимъ обществомъ съ аѳинскаго изданія 1855 года.

Здѣсь не мѣсто говорить о нѣкоторыхъ ошибкахъ поборниковъ просторѣчія, какъ и о томъ, единственно вѣрномъ пути созданія письменнаго языка, который былъ указанъ гениальнымъ Адамандіемъ Кораемъ, и потому поспѣшимъ подвести итоги этого длиннаго экскурса въ область „языковаго вопроса“ у новѣйшихъ грековъ: 1) относительная крѣпость положенія „чистаго“ ново-греческаго языка объясняется сильными клерикально-націоналистическими теченіями въ верхнихъ слояхъ греческаго народа; 2) вопросъ о книжномъ ново-греческомъ языкѣ не можетъ счи-

таться разрѣшеннымъ; 3) запретъ перевода Св. Писанія на новый языкъ не стоитъ въ непосредственной связи со споромъ о преимуществахъ „чистаго“ или „народнаго“ языка; 4) относительно украинскаго языка примѣръ языка ново-греческаго не доказываетъ ровно ничего. Въ подтвержденіе послѣдняго вывода довольно было бы указать на то, что изъ ново-греческихъ нарѣчій нельзя выдѣлить такую однородную и притомъ огромную группу, какую представляютъ собою нарѣчія украинскія (малорусскія), которыя, вслѣдствіе обширности и разнообразія занимаемой ими территории, въ свою очередь распались на два крупныхъ отдѣла: сѣверо-западный и юго-восточный.

Доказывая неизбѣжность возникновенія обще-русскаго письменнаго языка, П. Б. Струве не сомнѣвается въ томъ, что, если бы Петръ Великій перенесъ центръ управленія изъ Москвы не въ Петербургъ, а въ Кіевъ, такой общій языкъ все-таки образовался бы, хотя не такой, какъ нынѣшній, а „съ гораздо большей примѣсью малорусскихъ элементовъ“ (стр. 68). Если такъ, не было бы, пожалуй, и „украинскаго вопроса“. Но любопытно узнать, каковы были бы эти примѣси: только ли лексическія, или также фонетическія, морфологическія и синтаксическія. Первые сравнительно безразличны, и при нихъ дѣло представилось бы приблизительно въ его настоящемъ положеніи, но прочія подвергли бы опасности весь характеръ языка, его національную, т.-е. великорусскую, фізіономію, противъ чего возстала бы вся великорусская часть населенія и, создавъ себѣ особый письменный языкъ, предоставила бы Украину въ этомъ отношеніи самой себѣ, чѣмъ послѣдняя и воспользовалась бы для освобожденія своей рѣчи отъ сѣвернаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, изъ помѣси великорусскаго языка съ украинскимъ вышло нѣчто въ родѣ того „отвратительнаго русско-малорусскаго волапука“ (стр. 67), все шире разливающагося по городамъ нашихъ южныхъ губерній, въ которомъ насъ удивляютъ не только чуждыя намъ слова и странные обороты, а и превратное значеніе хорошо извѣстныхъ намъ словъ, объяснимое уже не украинскимъ вліяніемъ самимъ по себѣ, а разными иноязычными воздѣйствіями на сбитое съ толку сознание своего и чужого въ рѣчи; таковы новороссійскія *н а н я т ь*—отдать въ наймы (малор. *в і д д а т и в ѣ н а й м и*, но франц. *louer*—1) *нани-*

мать, 2) отдавать въ наймы), з а н я т ь=дать въ долгъ (малор. позичити), з а п о м н и т ь=запамятовать, забыть (малор. з а б у т и, но польское *zaropnieé*), о д ь т ь=надѣть (малор. н а д я г т и, но часто уже и одягти въ томъ же смыслѣ), г у л я т ь=вести себя безъ стѣсненія, какъ дома (значеніе, на Украинѣ, кажется, неизвѣстное), с р я д у = непосредственно, тотчасъ (малор. п р о с т о, з а р а з).

Такой обезличенный, варварскій языкъ-ублюдокъ способенъ не обогащать „обще-русскій“ языкъ, какъ думаетъ П. Б. Струве (стр. 67), а лишь портить оба русскіе языка,—и сѣверный, и южный,—что и замѣчается на дѣлѣ. Языкъ Чехова и Короленко, на которыхъ онъ ссылается, вездѣ, гдѣ они не отступали сознательно отъ принятой ими нормы, есть чистый великорусскій, не менѣе правильный, но болѣе обработанный, чѣмъ у Достоевскаго и у Толстого, чего нельзя сказать объ языкѣ Гоголя, поставленномъ почтеннымъ авторомъ на одну доску съ языками Пушкина и Тургенева. Во всякомъ случаѣ, бессарабско-херсонская мѣшанина, на которую неизбѣжно былъ бы похожъ великорусскій языкъ „съ гораздо большей примѣсью малорусскихъ элементовъ“, не могла бы служить орудіемъ истинной культуры, потому что черезчуръ сильно пахнетъ безсознательнымъ и бессмысленнымъ „выравниваніемъ по высшему уровню“, равнодушнымъ не только къ мѣстнымъ различіямъ внутри той же національности, а къ національности вообще.

То единеніе Сѣвера и Юга Россіи въ письменномъ языкѣ, которое нашло себѣ краснорѣчиваго защитника въ лицѣ П. Б. Струве, затрещало по шву уже тогда, когда И. П. Котляревскій написалъ свою „Энеиду“. Съ тѣхъ поръ шевъ распозлся такъ, что внушаетъ опасенія за свою цѣлость. Причины этого, можетъ-быть, прискорбнаго, но безусловно естественнаго явленія довольно извѣстны, да о нихъ еще придется поговорить ниже. Въ данномъ случаѣ нельзя возлагать надежды на то, что, какъ справедливо говоритъ авторъ (стр. 71), поглощеніе „діалектовъ“ есть процессъ стихійный по условіямъ государственнымъ, культурнымъ и экономическимъ. Языкъ Малой Россіи можетъ быть названъ діалектомъ лишь по отношенію къ тому доисторическому языку, на которомъ говорили русскіе славяне до своего рѣшительнаго раздѣленія на три вѣтви. Относительно

этого русскаго пра-языка и великорусскій языкъ есть диалектъ. По отношенію къ послѣднему малорусскій языкъ есть языкъ. Какъ таковой, онъ, въ свою очередь, раздѣляется на нарѣчія и говоры, совершенно независимые отъ нарѣчій и говоровъ великорусскихъ. При этомъ число говорящихъ доходитъ почти до 30,000,000, и эти люди,—что весьма важно,—находятся въ отличныхъ отъ великороссовъ политическихъ условіяхъ, такъ какъ живутъ не въ одномъ государствѣ. Была у нихъ и собственная культура, и не въ незапамятныя времена, а приблизительно до половины XVIII вѣка. Былъ у нихъ и свой письменный языкъ, первоначально какъ у нѣмцевъ и великороссовъ, языкъ приказный, но впослѣдствіи перешедшій и въ богословіе, и въ лѣтопись, и даже въ поэзію и въ разговоръ образованныхъ слоевъ общества. Правда, въ этомъ языкѣ было немало бѣлорусской и польской примѣси, отъ которой, на примѣръ, Мазепа не могъ отдѣлаться ни въ стихахъ, какъ въ извѣстной думѣ „Всі покою широ прагнуть“ (польск. *pragną* = жаждаютъ), ни въ любовныхъ посланіяхъ къ Мотрѣ Кочубіевнѣ, заканчивавшихся перепиской: „Цілую всі твоі члонки“ (польск. *członki* = члены). Этотъ условный языкъ съ національной точки зрѣнія долженъ быть поставленъ ниже приказнаго языка Московскаго государства, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, т.-е. хотя бы такихъ, чтобы весь украинскій народъ входилъ въ составъ одной державы, языкъ украинской письменности XVI—XVIII вв. очистился бы такъ же, какъ языкъ Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ. Зато культура малорусская стояла нѣкогда настолько выше великорусской, что въ XVII вѣкѣ ученые выписывались въ Москву изъ Украины.

Мы, господствующее племя, все это забыли или, точнѣе говоря, предпочитаемъ забывать каждый разъ, какъ отъ исторіи переходимъ къ выводамъ изъ нея; а украинцы помнятъ. Помнить, конечно, не безграмотное крестьянство, а интеллигенція; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что заостреніе вопроса о самостоятельной украинской культурѣ есть дѣло только интеллигенціи, какъ увѣряетъ авторъ (стр. 70): что такое интеллигенція, особенно такая демократичная, какъ наша? Какъ бы ни казалась она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаленной отъ народнаго большинства, ея отличіе отъ него

состоить лишь въ большей культурности и, слѣдовательно, сознательности, а характеръ этой культурности и направленіе этой сознательности идутъ изъ низовъ.

И вотъ украинская интеллигенція подноситъ намъ грозный счетъ: „Въ XVII в. Павелъ алеппскій былъ пораженъ множествомъ грамотныхъ на Украинѣ, а въ XX в. военное министерство свидѣтельствуетъ, что процентъ безграмотности между украинскими новобранцами доходитъ до 75“. Послѣ этого какъ-то совѣстно повторить за авторомъ, что начальная школа должна „пріобщить къ органу русской культуры, русскому языку“ (стр. 71). Это понимаютъ и всѣ російскіе украинцы, отъ профессора до послѣдняго мужика; но, не говоря уже о томъ, что главная задача начальной школы состоитъ въ развитіи человѣческихъ способностей учениковъ, при такомъ паденіи какой бы то ни было грамотности въ пору говорить не о „пріобщеніи къ органу русской культуры“, а скорѣе о сомнительности существованія „русской культуры“, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ культуры обще-русской. Вѣрно, что культурное объединеніе Малороссіи съ московско-петербургской Россіей основано не на одномъ политическомъ насиліи (стр. 74); но вѣдь не менѣе вѣрно и то, что толчкомъ къ такому объединенію послужило объединеніе политическое, въ которомъ роль свободной воли была значительно ограничена тогдашнимъ положеніемъ Украины. „Культурное объединеніе“ Великой и Малой Россіи, въ которомъ первая взяла верхъ, началось лѣтъ черезъ сто послѣ политическаго, когда прежняя украинская культура,—не только духовная, а и бытовая и экономическая,—была подавлена московско-петербургской государственностью. Что здѣсь не обошлось безъ насилія, о томъ и спора не можетъ быть, а эта доля насилія, какъ бы наши историки и публицисты ни старались уменьшить ее въ своихъ писаніяхъ, повела и къ пригнетенію нравственному, послѣдствія котораго для украинскихъ торговли и промышленности ярко изображены И. Аксаковымъ въ обширныхъ выпискахъ изъ его книги объ украинскихъ ярмаркахъ, приведенныхъ авторомъ на трехъ страницахъ (72—74).

Аксаковъ правъ, конечно, въ томъ, что великороссъ по этой части заткнулъ „хохла“ за поясъ; но не слѣдуетъ забывать то, что первый развилъ свои промышленныя спо-

собности на племенахъ низшей культуры, а второй, прежде чѣмъ дошелъ до сколько-нибудь прочной общественной организаци, былъ парализованъ въ своей предпримчивости предложеніемъ со стороны поляковъ и нѣмцевъ, превосходившихъ его культурою, и со стороны изворотливыхъ и выносливыхъ евреевъ, отъ которыхъ великороссы даже въ наше время считаютъ нужнымъ защищать свои экономическіе интересы чертой еврейской 'осѣдлости. Останется ли украинецъ такъ же слабъ въ этомъ отношеніи на вѣчныя времена,—это такой вопросъ, на который едва ли кто сумѣетъ отвѣтить. Что же сказать о такомъ ходѣ мыслей, при которомъ не только дается на него отвѣтъ утвердительный, но и строится на этомъ отвѣтѣ заключеніе для дальнѣйшаго непризнанія духовныхъ потребностей чуть не 25,000,000 людей? Для удовлетворенія этихъ потребностей П. Б. Струве считаетъ за глаза достаточнымъ кое-какія поправки употребленію мѣстнаго языка въ украинскихъ школахъ (стр. 84) и „украинофильство“ въ противоположность „украинству“ (тамъ же).

Объ украинофильствѣ, какъ его понимаетъ авторъ, я не считаю нужнымъ говорить послѣ того, что сказано Старымъ Украинцемъ въ январской книжкѣ „Украинской Жизни“, стр. 48—49. Можетъ быть, въ виду того же продуманнаго и остроумнаго отвѣта на статью П. Б. Струве мнѣ было бы лучше оставить безъ возраженій и нѣкоторые другіе вопросы, задѣтые этимъ ученымъ публицистомъ. По вопросу о мѣстномъ языкѣ въ украинскихъ начальныхъ училищахъ я прибавлю къ уже высказаннымъ другими соображеніямъ только слѣдующее. П. Б. Струве отказывается отъ сужденія въ этомъ дѣлѣ по той причинѣ, что онъ не педагогъ. Объ этомъ отказѣ слѣдуетъ очень и очень пожалѣть, потому что вопросъ объ языкѣ преподаванія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей украинскаго вопроса вообще, а причина отказа едва ли существенна: нѣтъ необходимости въ педагогической опытности тамъ, гдѣ нужно лишь знаніе отличій украинскаго языка отъ письменнаго великорусскаго и нѣкоторое воображеніе, которое поможетъ представить себѣ недоразумѣнія отъ „качки“ (утки), отъ „веселья“ (свадьбы), отъ „дурного“ (глупаго, напраснаго), отъ „бани“ (купола), отъ „мѣста“ (города), отъ „плота“ (забора) и отъ многаго другого, отчасти худшаго.

Духовныя потребности украинскаго народа не выдуманы его новѣйшей интеллигенціей. Какъ уже было замѣчено выше, не по силамъ ей одной, да и незачѣмъ „сознательно работать надъ созданиемъ національности и широкой національной культуры“ (П. Б. Струве, стр. 82); шире ли будетъ украинская культура, чѣмъ была при Богданѣ Хмельницкомъ,—вопросъ особый, а наличность украинской національности можетъ казаться сомнительной только тому, кто не имѣетъ о ней никакого понятія. Какъ сознательно и какъ любовно относились украинцы къ своей національности еще въ давнее время, видно, напримѣръ, изъ того, что Евангеліе переведено у нихъ на народный языкъ въ XVI в. Впрочемъ, авторъ, повидимому, вмѣняетъ грекамъ въ заслугу запретъ такого вольнодумства...

Статья глубокоуважаемаго П. Б. Струве такъ богата содержаніемъ, что о ней можно написать цѣлую книгу. Но авторъ самъ себѣ возразилъ косвенно на многое тѣмъ, что вспомнилъ о Галиціи лишь за три страницы до конца своего обширнаго разсужденія, а не прежде, чѣмъ началъ писать его. На стр. 83 онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что въ Галиціи малорусскій языкъ имѣетъ, правда, самостоятельное значеніе, но это лишь потому, что тамъ нѣтъ почвы для „общерусскаго языка“. Какой ударъ москалефиламъ! И отъ кого же? Отъ убѣжденнаго рыцаря того самага языка, за который они ссорятся со всѣми своими соплеменниками! Въ томъ-то и бѣда безусловныхъ проповѣдниковъ московско-петербургскаго „общерусскаго“ языка, что подъ-бокомъ у россійской Украины, за едва замѣтной чертой австрійскаго рубежа, украинскій языкъ пользуется совершенной самостоятельностью, служитъ орудіемъ не какой-нибудь бытовой, а полной литературы, употребляется для преподаванія всякихъ наукъ не только въ низшихъ, а и въ среднихъ и даже высшихъ училищахъ и все болѣе проникаетъ въ официальный обиходъ. При такомъ положеніи дѣла трудно говорить о малорусской культурѣ какъ о „мѣстной, областной“ (стр. 66), понятенъ „воинствующій характеръ нашего украинскаго „партикуляризма“ (стр. 69), не кажутся чѣмъ-то похожимъ на бредъ университетскіе курсы на украинскомъ языкѣ (стр. 71), объяснима перемѣна во взглядахъ Драгоманова по переселеніи въ Галицію (стр. 74—75). Все это и многое

другое въ томъ же родѣ представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что мы сами, великороссы, своимъ несправедливымъ отношеніемъ къ малороссамъ придали Галиціи ореолъ обѣтованной земли украинства.

Сваливать всю вину въ этомъ на правительство было бы клеветою: къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ либераловъ, готовые всегда заступиться за права любой не-русской народности въ Россійскомъ государствѣ, словно не могутъ признать такія же права за народностью украинской, малорусской. Статья П. Б. Струве тѣмъ и заслуживаетъ особаго вниманія, что между нашими передовыми людьми такъ думаетъ не одинъ онъ. По этой же причинѣ она можетъ лишь усилить недовѣріе украинцевъ къ нашей интеллигенціи и ихъ преклоненіе передъ всѣмъ австрійско-украинскимъ, не исключая тамошняго письменнаго языка съ его чуждыми нашей украинской рѣчи особенностями. Намъ, господствующей россійской народности, это прискорбно и само по себѣ, и потому, что мы сами виноваты въ появленіи той опасности, къ отраженію которой насъ призываетъ П. Б. Струве. Но тѣмъ, что онъ предлагаетъ, ее можно не отразить, а лишь увеличить.

Что же дѣлать съ украинцами? Остается одно: дать имъ культурную свободу. Образуютъ они свою собственную культуру, не боящуюся напора культуры великорусской,— ихъ счастье, а въ противномъ случаѣ они подчинятся великорусской культурѣ, но уже добровольно, сознательно, безъ всякаго озлобленія.

Ө. Коршъ.

Украинская пресса.

Зачатки прессы, посвященной культурнымъ интересамъ Украины, относятся еще къ первой четверти минувшаго столѣтія, когда въ Харьковѣ возникли періодическія изданія, „Украинскій Вѣстникъ“ и „Украинскій Журналъ“, существовавшія, однако, недолго и для ознакомленія съ украинскою жизнью успѣвшія сдѣлать немного. Суровое тридцатилѣтіе николаевского царствованія не было благопріятно развитію прессы вообще, а украинской въ особенности. Общественное оживленіе шестидесятыхъ годовъ вызвало къ жизни петербургскій ежемѣсячникъ „Основу“, который и слѣдуетъ считать, собственно, первымъ органомъ печати съ опредѣленной культурно - національной украинской программой. По причинамъ внутренняго, организаціоннаго характера „Основа“ просуществовала всего два года, 1861—1862 гг., но благодаря участію такихъ выдающихся литературныхъ силъ, какъ Костомаровъ, Кулишъ, Марко-Вовчокъ, Антоновичъ и др., успѣла за это время обезпечить себѣ почетное мѣсто въ исторіи украинскаго движенія. Вся беллетристика и часть публицистическихъ и научныхъ статей въ „Основѣ“ печатались на украинскомъ языкѣ. Между тѣмъ, съ 1863 г., подъ вліяніемъ вызваннаго польскимъ возстаніемъ націоналистическаго подъема, наступилъ періодъ стѣсненій украинскаго слова, пріостановившій развитіе украинской журналистики, а въ 1876 г. спеціальнымъ секретнымъ указомъ (такъ-называемымъ *lex josephoviana*), запретившимъ печатаніе на украинскомъ языкѣ иныхъ произведеній, кромѣ беллетристики, окончательно были парализованы всякія попытки украинскихъ литераторовъ создать свой органъ печати. Единственнымъ исключеніемъ былъ ежемѣсячникъ „Кіевская Старина“, выходившій съ 1882 г. по 1905 г., но, будучи спеціальнымъ историко - этнографическимъ изда-

ніемъ, журналъ этотъ не могъ обслуживать текущихъ вопросовъ украинской жизни и даже право помѣщать беллетристику на украинскомъ языкѣ получилъ только въ послѣдніе годы своего существованія.

Въ это новое тяжелое тридцатилѣтіе украинская общественная мысль находила себѣ выраженіе частью на страницахъ общей русской прессы, частью въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ. Эти послѣднія, однако, въ силу того же исключительнаго цензурнаго режима, не имѣли свободнаго обращенія въ предѣлахъ Россіи; лишь случайно, въ теченіе короткаго времени, цензура пропускала львовскій иллюстрированный еженедѣльникъ „Зорю“ и замѣнившій ее ежемѣсячникъ „Литературно-Науковий Вістникъ“,—но эти исключенія только подчеркивали тяжесть общихъ условій, переживаемыхъ украинской литературой. Оставалось ждать ихъ измѣненія.

Манифестъ 17-го октября 1905 г. снялъ оковы съ украинскаго слова и вызвалъ къ жизни періодическую печать,—украинскую уже не только по своему направленію, но и по языку. Съ конца 1905 г. по конецъ 1906 г. въ разныхъ городахъ Украины народилось до 40 газетъ и журналовъ различнаго типа, печатавшихся только по-украински,—настолько велика была въ украинскомъ обществѣ потребность облечь свои мнѣнія въ формы родной рѣчи. До нашего времени, однако, изъ этихъ изданій перваго года свободы слова продержалась очень небольшая часть. Нѣкоторыя изданія, будучи органами отдѣльныхъ лицъ или мелкихъ, обособленныхъ интеллигентныхъ группъ, прекратились на первыхъ же выпускахъ, по слабости внутренней организациі. Болѣе же солиднымъ изданіямъ, представлявшимъ мнѣнія широкихъ слоевъ украинской интеллигенціи или ея партійныя теченія, пришлось съ первыхъ же шаговъ столкнуться съ „независящими обстоятельствами“, воздѣйствію которыхъ многіе живые и серьезные органы украинской прессы обязаны преждевременной смертью.

Первою ласточкой украинской журналистики была народная газета „Хлібороб“, начавшая выходить въ ноябрѣ 1905 г. „явочнымъ порядкомъ“ въ Лубнахъ Полтавской губ. Очень бойкая и талантливая, газета эта имѣла всѣ данныя для широкаго распространенія среди украинскаго крестьянства, но уже пятый ея номеръ подвергся конфискаціи, и

изданіе было приостановлено,—повидимому, за сочувствіе идеямъ крестьянскаго союза. Послѣдующія періодическія изданія на украинскомъ языкѣ возникали уже на основаніи временныхъ правилъ о печати 24-го ноября 1905 г., какъ одинъ изъ видовъ „инородческой“ прессы. Съ конца 1905 г. въ Полтавѣ начала выходить народная газета „Рідний Край“, въ первые годы своего существованія пользовавшаяся значительною популярностью; впоследствии изданіе ея перешло въ другія руки и перенесено въ Кіевъ, гдѣ она продолжаетъ выходить и въ настоящее время. Къ началу 1906 г. въ Кіевѣ появилось сразу нѣсколько крупныхъ органовъ печати, предназначенныхъ преимущественно для интеллигенціи: ежедневная газета „Громадська Думка“, которая, впрочемъ, очень скоро навлекла на себя преслѣдованіе администраціи и должна была уступить свое мѣсто ежедневной же „Радѣ“, существующей и до сихъ поръ; ежемѣсячникъ „Нова Громада“, просуществовавшій только одинъ годъ, и ежемѣсячникъ „Україна“,—бывшая „Кіевская Старина“, которую редакція преобразовала, соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, изъ спеціальнаго историческаго въ журналъ общаго типа, съ украинскимъ языкомъ изложенія. Въ преобразованномъ видѣ журналъ этотъ выходилъ въ 1907 г.

Изъ перечисленныхъ изданій „Україна“ продолжала старую традицію національнаго направленія безъ опредѣленной партійной программы; остальные же тяготѣли къ программѣ радикально-демократической партіи, которая въ то время доминировала въ старшемъ поколѣннн украинской интеллигенціи. Тѣмъ временемъ младшая ея генерация, поставившая на своемъ знамени защиту интересовъ пролетаріата, сгруппировалась около петербургскаго ежемѣсячника „Вільна Україна“, но, конечно, только на короткое время: чрезъ полгода журналъ этотъ былъ закрытъ внѣшнею силою, и представительство крайней лѣвой въ украинской интеллигенціи перешло къ еженедѣльной кіевской газетѣ „Слово“, которой удалось просуществовать свыше года. Къ этому же теченію отчасти примыкалъ кіевскій сатирическій еженедѣльникъ „Шершень“, не дожившій до конца 1906 года. Наконецъ, изъ изданій этого періода заслуживаютъ упоминанія два безпартійныхъ органа: иллюстрированный еженедѣльникъ „Зоря“, непродолжительное время выходившій въ Москвѣ, и еженедѣльная „Світова Зірниця“,—народная

газета інформаційного и частью дидактическаго характера, виходившая сперва въ Могилевѣ, Подольской губ., а затѣмъ перенесенная въ Кіевъ, гдѣ она существуетъ и въ настоящее время.

Возникновеніе новыхъ законодательныхъ учреждений, которымъ предстояло разобраться въ выдвинутыхъ революціоннымъ движеніемъ государственныхъ вопросахъ, поставило предъ украинскою интеллигенціею задачу — способствовать рѣшенію національнаго вопроса въ смыслѣ, благопріятномъ интересамъ украинской народности. Этой задачѣ было посвящено изданіе еженедѣльнаго журнала на русскомъ языкѣ, — „Украинскій Вѣстникъ“, — выходившаго въ Петербургѣ при участіи украинскихъ депутатовъ 1-й Государственной Думы. Краткая, но бурная жизнь первой Думы указала однако, что для широкой постановки національной проблемы въ Россіи еще не настала очередь; вскорѣ послѣ роспуска Думы пересталъ выходить и „Украинскій Вѣстникъ“, успѣвъ, впрочемъ, помѣстити на своихъ страницахъ немало статей, дающихъ цѣнный матеріалъ для характеристики украинскаго національнаго движенія и его основныхъ постулатовъ.

Вторая Государственная Дума, съ ея демократическимъ обликомъ, принесла съ собою инья настроенія. Украинцы-депутаты сплотились въ довольно многочисленную фракцію, объединенную экономическою и культурно-національною программю. Явилась потребность въ общеніи депутатовъ съ избравшимъ ихъ населеніемъ, — и для удовлетворенія этой потребности возникла въ Петербургѣ народная газета „Рідна Справа“, служившая, такимъ образомъ, органомъ украинской фракціи второй Думы; газета эта успѣла пріобрѣсти значительную популярность, но роспускъ Думы повелъ за собою пріостановку и этого изданія. Одновременно съ „Рідною Справою“ выходилъ въ Петербургѣ и другой листъ, „Думскі Вісти“, имѣвшей аналогичную цѣль — освѣщеніе текущей работы законодательныхъ учреждений, — но выполнявшій эту задачу преимущественно съ точки зрѣнія пролетарскихъ интересовъ; онъ также не пережилъ конца второй Думы.

Третья Государственная Дума, конечно, не могла вызвать къ жизни новыхъ органовъ украинской прессы. Напротивъ, она создала, какъ извѣстно, благопріятную почву для воинствующаго великорусскаго націонализма, быстрый ростъ

котораго въ наше время является серьезною угрозою именно украинскому движенію. При такихъ условіяхъ, если русская печать въ теченіе пятилѣтняго существованія третьей Думы не только не получила давно ожидаемой „дѣйствительной свободы слова“, но испытала постепенное ухудшеніе цензурно-административнаго режима, то къ украинскимъ періодическимъ изданіямъ этотъ режимъ примѣнялъ особенно чувствительные и разнообразныя способы воздѣйствія.

Въ самомъ дѣлѣ, крупныя и частыя штрафы, аресты редакторовъ, конфискаціи отдѣльныхъ номеровъ съ привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности,—весь этотъ арсеналъ мѣропріятій, воспринимаемыхъ украинскими изданіями, знакомъ и русской прессѣ. Но ей неизвѣстны такія мѣры, какъ циркуляры инспекторовъ народныхъ училищъ съ запросами о томъ, кто изъ учителей получаетъ украинскія газеты; распоряженія попечителей учебныхъ округовъ и губернской власти о запрещеніи школамъ и читальнямъ выписывать то или другое украинское изданіе; запрещеніе со стороны желѣзнодорожныхъ властей включать украинскую газету въ списокъ изданій, получаемыхъ библіотекою служащихъ дороги; предложеніе почтовымъ учрежденіямъ всячески затруднять выдачу украинскихъ газетъ подписчикамъ-крестьянамъ. Всѣ подобныя мѣропріятія создали особенно душливую атмосферу вокругъ молодой украинской прессы.

И, тѣмъ не менѣе, украинская печать продолжаетъ существовать и крѣпнуть. Съ 1907 г., кромѣ перечисленныхъ выше, народилось еще до десяти новыхъ изданій, существующихъ и по настоящее время. Именно, въ Кіевѣ началъ издаваться выходившій прежде во Львовѣ ежемѣсячникъ „Литературно-Науковий Вістник“. Въ 1909 г. тамъ же возникла народная еженедѣльная газета „Село“,—одно изъ наиболѣе талантливо веденныхъ изданій этого типа; къ сожалѣнію, рядъ административныхъ каръ и спеціальныя мѣры противъ распространенія этой газеты среди крестьянства вынудили издателей въ 1911 г. прекратить изданіе. Взамѣнъ „Села“ началъ выходить близкій по характеру еженедѣльникъ „Засів“. Съ 1909 г. въ Кіевѣ же издается второй литературный ежемѣсячникъ, „Українська Хата“, служащій органомъ группы молодыхъ литераторовъ-модернистовъ. Съ 1911 г. въ Екатеринославѣ возникаетъ еженедѣльникъ „Дніпрові Хвилі“, и, наконецъ, съ текущаго года въ Харьковѣ

выходить еженедѣльная же газета „Сніпъ“,—оба послѣднія изданія являются органами мѣстныхъ интеллигентскихъ группъ.

Особое мѣсто занимаютъ спеціальныя періодическія изданія научнаго или прикладнаго характера. Съ 1907 г. началъ выходить въ Петербургѣ пчеловодный журналъ „Українське Бжільництво“, который затѣмъ былъ перенесенъ въ Кіевъ и преобразованъ въ журналъ сельскаго хозяйства и коопераціи „Рілля“; благодаря живому и умѣлому веденію журналъ этотъ въ короткое время заслужилъ въ украинской деревнѣ большія симпатіи. Съ 1908 г. въ Кіевѣ выходятъ „Записки Украинського Наукового Товариства“,—органъ мѣстнаго ученаго общества съ нѣсколькими спеціальными секціями. Къ этой же группѣ можно причислить выходящій въ Кіевѣ съ 1910 года педагогическій журналъ „Світло“, посвященный вопросамъ національной школы, и практически служащій задачамъ украинской школы дѣтскій журналъ „Молода Украина“, уже нѣсколько лѣтъ издаваемый въ Кіевѣ при редакціи „Рідного Края“.

Въ итогѣ въ настоящее время выходитъ свыше десяти періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ, приче́мъ средоточіемъ украинской прессы является Кіевъ; изъ другихъ городовъ Украины имѣютъ свои органы печати теперь только Екатеринославъ и Харьковъ. Изъ общаго числа три еженедѣльныхъ газеты („Засів“, „Світова Зірниця“ и „Рілля“) предназначены для крестьянства, остальные изданія имѣютъ смѣшанный или чисто интеллигентскій характеръ. Вообще, народная газета является любимымъ типомъ украинскаго періодическаго изданія, что и естественно при ярко выраженномъ демократическомъ характерѣ всего украинскаго движенія и основной его тенденціи—пріобщенія широкихъ народныхъ массъ къ общечеловѣческой культурѣ кратчайшимъ, національнымъ путемъ.

Но помимо этой культурно-просвѣтительной задачи, лежащей на народныхъ изданіяхъ, помимо той общественной работы, которую выполняютъ украинскіе газеты и журналы, предназначенныя для интеллигенціи, украинская пресса имѣетъ передъ собою еще одну важную задачу,—освѣдомленіе русскаго общества объ украинскомъ движеніи и роли украинскаго вопроса въ общемъ комплексѣ

очередныхъ вопросовъ русской общественной жизни. Практика указала, что задача эта не можетъ выполняться изданіями на украинскомъ языкѣ, такъ какъ русская печать ихъ не знаетъ и не слѣдитъ за ними, а слѣдовательно, являются необходимыми органы съ украинскою программю, но на русскомъ языкѣ. Такимъ органомъ былъ упомянутый выше „Украинскій Вѣстникъ“ въ 1906 году; ту же задачу беретъ на себя и наша „Украинская Жизнь“,— послѣдній по времени органъ украинской прессы.

П. Смукъ

Соединеніе Украины съ Москвою.

(Проф. бар. Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права, Спб., 1911 г.).

Въ недавно вышедшемъ сочиненіи проф. бар. Б. Э. Нольде отводитъ вопросу объ образованіи государственной территоріи Россіи обширную главу, въ которой имѣется отдѣлъ объ Украинѣ, ея соединеніи съ Москвою и взаимныхъ ихъ отношеніяхъ въ теченіе XVII—XVIII ст. Эта часть труда, составленная преимущественно на основаніи законодательныхъ актовъ того времени, интересна для украинцевъ и сама по себѣ, давая сжатый очеркъ внѣшнихъ фактовъ этого соединенія, и какъ юридическое изслѣдованіе извѣстнаго въ наукѣ государственнаго права специалиста. Этотъ отдѣлъ заслуживаетъ того, чтобы передать вкратцѣ его содержаніе и подѣлиться выводами.

Соединеніе Украины и Москвы началось съ „недоразумѣній“. Прибывшее изъ Москвы въ Переяславль, тогдашній административный центръ Украины, московское посольство было 8-го января 1654 г. приглашено Богданомъ Хмельницкимъ въ соборъ „дать вѣру“ (присягнуть) отъ имени царя Алексѣя Михайловича въ томъ, что царь будетъ защищать украинскій народъ отъ Польши, „на вѣкъ“ гарантируетъ права и вольности народа и подтвердитъ письменно, грамотами, права и „маетности“ всего населенія Украины. Представители украинскаго народа,—гетманъ „со старшиною“ съ одной стоорны, а съ другой—представители московскаго царя В. Бутурлинъ съ посольствомъ,—отправились въ соборную церковь.

Однако, въ церкви, въ послѣдній моментъ, московское посольство отказалось присягать. Хмельницкій удалился изъ церкви. Московскіе источники (украинскихъ почти не сохранилось) такъ описываютъ этотъ историческій моментъ:

... „А какъ вошли въ церковь и архимандритъ Прохоръ, и протопопъ Адрианъ... со всѣмъ священствомъ со-

боромъ, облачась въ ризы, хотѣли начати обѣщаніе къ вѣрѣ (присягу) по чиновной книгѣ, какова отъ государя прислана къ нимъ, и гетманъ Богданъ Хмельницкій говорилъ имъ: „чтобъ имъ, боярину Василю Васильевичу (Бутурлину) съ товарищи учинити вѣру (присягнуть) за Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, что ему, государю, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско Запорожское польскому королю не выдавать и за нихъ стоять, и вольностей не нарушать, и кто былъ шляхтичъ или козакъ, или мѣщанинъ, и кто въ какомъ чину... томубъ всему быть по прежнему“. И бояринъ Василій Васильевичъ съ товарищи гетману говорили: „...того, чтобъ за великаго государя вѣру учинити, николи не бывало... и ему, гетману, и говорить о томъ непристойно“... И гетманъ, вышедъ изъ церкви, пошелъ на дворъ къ Переяславскому полковнику къ Павлу Тетерѣ и говорилъ о томъ съ полковники и со всѣми людьми многое время, а они стояли въ церквѣ; изъ двора прислалъ въ церковь къ нимъ полковниковъ Переяславскаго Павла Тетерю да Миргородскаго Григорія Сахновича, а пришедъ къ нимъ полковники говорили тѣжъ рѣчи: „чтобъ имъ учинити вѣру за государя“... ¹⁾).

Продолжительныя пререканія о присягѣ со стороны московскаго царя окончились, согласно тѣхъ же источниковъ, ничѣмъ: отъ имени царя присяги не было дано, такъ какъ, по увѣренію Василя Бутурлина, „слово царское нерушимо, а премѣны не бываетъ“. Извѣстный историкъ Костомаровъ, на основаніи иныхъ источниковъ, утверждаетъ, напротивъ, что присяга отъ имени царя, была принесена ²⁾).

Черезъ мѣсяцъ гетманъ Украины отправилъ посольство въ Москву выработать условія соединенія. Письмо гетмана къ царю, доставленное посольствомъ, гласитъ: „Изволь... права, уставы, привилеи и всякія свободы и державы добръ (имуществовъ) духовныхъ и мирныхъ людей... изволь, Твое Царское Величество, утвердить и своими грамотами укрѣпити на вѣки“ ³⁾). Въ результатѣ полити-

1) Моск. Архивъ Кол. Иностр. Дѣлъ, дѣла Малороссійскія, № 1. Приведено у Д. Бантышъ-Каменскаго I, стр. 96—112: „выписка изъ статейнаго списка бывшихъ въ Переяславлѣ у гетмана Богдана Хмельницкаго россійскихъ пословъ: ближняго боярина Василя Бутурлина, околничаго Ивана Алферьева и думнаго дьяка Ларіона Лопухина“.

2) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, соч., III, стр. 132—141.

3) Бантышъ-Каменскій, I, стр. 50.

ческое соединеніе обоихъ государствъ выразилось въ двухъ актахъ,—то были: грамота царя гетману, войску и народу украинскому и, сверхъ того, письменный договоръ, такъ наз. „статьи Богдана Хмельницкаго“. Эти „статьи“, числомъ 11, до сихъ поръ значатся въ числѣ законовъ Россійской имперіи ¹⁾. Важность этихъ „статей“, именно какъ основного юридическаго договора между обоими государствами, признавало всегда правительство московское и позднѣе петербургское, вплоть до Екатерины II, называя всегда эти статьи въ законахъ и манифестахъ „трактатомъ“ съ Україною.

Сущность этого „трактата“ сводилась къ тому, что Украина сохранила за собою права: 1) собственной военной организациі (60.000 войска), 2) собственное законодательство, судъ, управленіе и финансы, 3) собственного главу, выборного гетмана, объ избраніи котораго народомъ сообщалось Москвѣ, 4) самостоятельныя сношенія съ иностранными государствами, приѣмъ иностранныхъ посланниковъ и пр. Царь подтвердилъ и гарантировалъ все это „на вѣки“, обѣщая „защищать права и вольности“ и обязывая Украину помогать ему только войскомъ и деньгами; изъ московскихъ властей на Украину допускались только приказные да воевода въ Кіевѣ для полученія денегъ и сношеній ²⁾.

Профессоръ Б. Э. Нольде замѣчаетъ, что этотъ „основной законъ“ соединенія съ Україною Москва спѣшила подтвердить каждый разъ, какъ власть на Украинѣ переходила въ руки новаго гетмана. Такъ, по случаю избранія въ 1657 году новаго гетмана Выговскаго, царь обязался охранять украинцевъ во всѣхъ „вольностяхъ по прежнему, безъ всякаго умаленія“, а когда, затѣмъ, въ 1659 г. былъ избранъ гетманомъ Юрій Хмельницкій, те тѣ же „статьи“ повторены: „а какъ обрали гетмана... на радѣ, прежнія прочтены статьи, каковы даны прежнему Гетману, отцу его Богдану Хмельницкому“. Преемникъ Хмельницкаго, гетманъ Брюховецкій, сначала „постановилъ“ съ Москвою статьи въ Батуринѣ, а затѣмъ состоялось торжественное подтвержденіе въ Москвѣ всѣхъ „статей“ Хмель-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., ст. 119.

²⁾ См. статьи въ Полн. Собр. Зак.; Трачевскій, Русск. исторія, II, стр. 33; Костомаровъ, *ibid.*, стр. 135 и сл.; М. Грушевскій, Ил. исторія Украины, стр. 343 и др.

ническаго,—что, опять-таки, содержится въ російскихъ законахъ ¹⁾. При избраніи на радѣ въ Глуховѣ въ 1669 г. слѣдующаго гетмана Многогрѣшнаго присутствовало посольство отъ царя, которое прочитало на радѣ „прежнія статьи... каковы даны прежнему гетману Богдану Хмельницкому“. Точно такъ же послѣ избранія послѣдующихъ гетмановъ украинскихъ—Самойловича и затѣмъ Ивана Мазепы въ 1687 г.—кромѣ новыхъ статей и подробностей, вызывавшихся сосѣдскою жизнью, прежнія каждый разъ торжественно подтверждались „на-крѣпко“, „на-вѣки“ ²⁾.

При такой, казалось бы, „вѣчной“ силѣ и твердости основного „трактата“ обѣ договорившіяся стороны, тѣмъ не менѣе, по справедливому замѣчанію проф. Нольде, мало довѣряли другъ другу, а часто были исполнены взаимнаго подозрѣнія. Москва не представляла себѣ иныхъ государственныхъ и общественныхъ стремленій, кромѣ своихъ, и не сочувствовала, конечно, ничѣмъ интересамъ, кромѣ собственныхъ. Стремленіе гетмановъ сохранить свою государственную самостоятельность считалось въ Москвѣ „измѣною“, которая терпѣлась лишь до поры, до времени, пока Московское государство было слабо. Казаки изъ „вольныхъ“ считались „вѣчными“ подданными, а неудачныя попытки московскаго патріарха подчинить себѣ кіевскаго митрополита и все украинское духовенство,—что вызвало естественный отпоръ всего духовенства Украины,—вызвали въ Москвѣ нескрываемое раздраженіе ³⁾.

Полтавскою битвою заканчивается первый періодъ союзническихъ отношеній Украины и Москвы,—отношеній сравнительно лояльныхъ, несмотря на постоянную примѣсь недовѣрія украинцевъ къ захватной политикѣ Москвы. Слабая еще Москва не рѣшалась односторонне и самовластно нарушить „трактатъ“, подписанный двумя

¹⁾ Полное Собр. Законовъ, ст. 368, 376.

²⁾ См. Полн. Собр. Законовъ, ст. 447: „по указу... тѣ статьи объявить и подтвердить“, тоже при избраніи гетманомъ Ивана Самуиловича въ Полн. Собр. Зак., ст. 519. Тоже „актъ о приведеніи той стороны Днѣпра десяти полковъ казацкихъ къ вѣчному Россіи подданству“. въ Полн. Собр. Зак., ст. 573. Тоже при избраніи Ивана Мазепы см. Полн. Собр. Зак., ст. 1254: „какъ написано въ статьяхъ гетмана Богдана Хмельницкаго“... „повелѣли... тотъ Указъ подтвердить и быть ему непермѣнно“.

³⁾ Сравн. Трачевскій, *ibid.*, стр. 35 и слѣд.

сторонами. Наступаетъ второй періодъ—отнятія правъ, прежде всего политическихъ.

Петербургскій періодъ русской исторіи знаменуется постепеннымъ укрѣпленіемъ російскаго самодержавія и ослабленіемъ сосѣдей - соперниковъ: Швеціи, Польши, Турціи. При такихъ условіяхъ не мѣсто было демократическимъ „вольностямъ“ Украины рядомъ съ централизмомъ петербургскихъ бюрократовъ. Петръ I, несмотря на опредѣленные свои намѣренія, не рѣшился нарушить круто и внезапно вѣковыя отношенія къ Украинѣ и ея права. Напротивъ, въ грамотѣ и манифестахъ 1709 г., данныхъ по случаю избранія гетмана Скоропадскаго, Петръ обѣщаетъ „свято, нерушимо и цѣло содержать всѣ вольности, права и привилегіи Украины ¹⁾), но „статей“ Хмельницкаго формально новому гетману не подтвердилъ, а когда Скоропадскій напоминалъ, то царь уклончиво отговаривался „краткостью времени и походами“.

Обѣщаніе содержать всѣ права „свято, нерушимо и цѣло“ исполнено не было. Въ 1722 году царь послалъ въ Глуховъ „брегадира“ Вельяминова съ 6 офицерами, чтобы они состояли при гетманѣ, образовали бы изъ себя „малороссійскую коллегію“, подчиненную, какъ и вся вообще російская администрація, сенату. Хотя эта коллегія и обязана была формально „все чинить по трактату, учиненному Хмельницкимъ“, но на дѣлѣ власть гетмана была ограничена надзоромъ, недоувѣриемъ и постояннымъ вмѣшательствомъ московской коллегіи; введены налоги въ пользу Великороссіи ²⁾). Со смертию же Скоропадскаго избраніе новаго гетмана не дозволено царемъ, а назначень черниговскій полковникъ Полуботокъ замѣститель (наказной гетманъ), на просьбы же Полуботка объ избраніи гетмана, приказано „не докучать“. Вдова Петра I и затѣмъ Петра II, въ виду раздраженія на Украинѣ и осложненій во внѣшней политикѣ (съ турками), рѣшили отложить начатыя Петромъ I мѣры, и въ 1727 г. повелѣно дѣла малороссійскія вновь вернуть въ коллегію иностранныхъ

1) Полн. Собр. Зак., ст. 2212: „а мы, Наше Царское Величество, обѣщаемъ вамъ... тому вольными гласы новобранному гетману, такожъ генеральной старшинѣ, полковникамъ... словомъ всѣ вольности, права и привилей, которыя вы отъ времени... принятія гетмана Богдана Хмельницкаго... имѣли, свято, нарушимо и цѣло содержать“. Сравн. также Полн. Собр. Зак., ст. 2243.

2) См. Полн. Собр. Зак., ст. 4010 и 3989.

дѣлъ и избрать гетмана (Апостола) „по трактату гетмана Богдана Хмельницкаго“ ¹⁾). Сознаніе обязанности договора съ Украиной, „трактата“ Хмельницкаго, продолжаетъ формально оставаться, но самый характеръ и смыслъ договорныхъ отношеній, а также равенство договорившихся сторонъ утрачены: Украина уже не выбираетъ себѣ гетмана самостоятельно, по своимъ „стариннымъ правамъ и вольностямъ“, съ послѣдующимъ извѣщеніемъ царя, но лишь получаетъ дозволеніе избрать. А потому, если не дано дозволеніе, какъ было при Петрѣ I, то нѣтъ ни правъ, ни „трактата“. Не трактатъ уже порождаетъ права, а дозволеніе. Послѣ смерти Дан. Апостола такого дозволенія долго не было, а въ Глуховѣ былъ отправленъ кн. Шаховскій съ инструкціей надзора за „малороссійскимъ народомъ“, дабы онъ... „пріобыкалъ къ великороссійскому правленію“. Наступаетъ вообще періодъ колебаній съ явно усиливающеюся централистическою тенденціею петербургскаго кабинета ²⁾). Украинцы старались добиться возстановленія своихъ правъ и вольностей путемъ просьбъ, челобитныхъ и пр. Императрица Елисавета Петровна разрѣшила избраніе гетмана, и гетманомъ былъ избранъ Кирила Разумовскій, причемъ состоялось и подтвержденіе древнихъ правъ Украины, а дѣла ея вновь изъ сената переданы коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Екатерина II заставила Разумовскаго просить увольненія, вновь учредили малороссійскую коллегію изъ 4 офицеровъ-великороссовъ и 4 украинскихъ старшинъ ³⁾).

¹⁾ Именный, объявленный сенату изъ Верх. Тайн. Совѣта. О сборѣ съ Малороссіянъ доходовъ, по пунктамъ Гетмана Богдана Хмельницкаго, и объ отмѣнѣ положенія Военной Коллегіи.—„Пожаловали мы, милосердья о своихъ подданныхъ Малороссійскаго народа, указали: доходы съ нихъ денежные и хлѣбные собирать тѣ, которые надлежатъ по пунктамъ Гетмана Богдана Хмельницкаго, и которые сбираны при бытности бывшихъ потомъ гетмановъ. А которые всякіе доходы положены съ опредѣленія коллегіи по доношеніямъ генераль-маіора Вельямина вновъ, тѣ оставить вовсе, а впредь съ нихъ не собирать, и о томъ въ Малую Россію къ тамошнимъ старшинѣ и во всѣ полки послать указы изъ Сената съ нарочнымъ курьеромъ, и при томъ ихъ обнадежить Нашею Императорскаго Величества милостію, что къ нимъ въ Малую Россію Гетманъ и Старшина будутъ опредѣлены впредь вскорѣ, какъ прежде было по договору Гетмана Богдана Хмельницкаго. А вышеписанные посланные Наши указы по полкамъ разослать изъ Коллегіи Малороссійской съ нарочными посланными“... (Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, 12 мая 1727 г., ст. 5073).

²⁾ Въ отдѣльной запискѣ членъ верховнаго тайнаго совѣта гр. Толстой въ 1726 г. доказывалъ, что позволять въ Малой Россіи гетману быть отнюдь не должно, дабы... „Малую Россію къ рукамъ прибрать“. См. сборникъ И. Русск. Ист. Общ., 55. Сравн. Полн. Собр. Зак. № 348.

³⁾ Полн. Собр. Зак. 1764 г., ст. 12277.

Екатерина II отмѣнила гетманство въ 1764 г. окончательно. „Сии провинці,—писала она генераль-прокурору кн. Вяземскому въ томъ же году объ Украинѣ,—надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли“... „и чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо-бъ персона какая была произведена въ оное достоинство“. Въ связи съ укрѣпленіемъ власти внутри государства и ослабленіемъ наиболѣе опасныхъ сосѣдей (упадокъ Польши, слабость Турціи, завоеваніе Новороссіи, Крыма и др.), централистическая увѣренность просвѣщенной царицы имѣла, безусловно, прочную подкладку въ фактическомъ соотношеніи реальныхъ силъ обоихъ бывшихъ союзниковъ—Украины и Москвы. При безпрестанныхъ ранѣ войнахъ съ Турціею и Крымомъ, сосѣдями Украины, было разумно и полезно для слабой Москвы сохранить добрыя отношенія съ украинскимъ народомъ, силы котораго всецѣло можно было утилизировать въ этой борьбѣ, а при нападеніи турокъ либо татаръ—пользоваться Україною какъ буферомъ. Когда же Новороссійскій край, а за нимъ и Крымъ были присоединены къ имперіи, Украина оказалась въ значительной степени окруженною россійскими владѣніями. Къ тому же россійскіе самодержцы нуждались въ рекрутахъ и деньгахъ для постоянныхъ войнъ,—а все это могла дать богатая тогда Украина, не говоря уже о полномъ противорѣчій съ самодержавіемъ идеаловъ демократической „вольницы“,—какою, по мнѣнію петербургскихъ канцелярій, всегда была Украина съ ея Запорожскою Сѣчью. Мѣры въ этомъ направленіи не заставили себя ждать. Съ уничтоженіемъ гетманства и Сѣчи оставались еще мѣстныя особенности: отдѣльное мѣстное административное управленіе („полки), отдѣльный судъ (выборный), отдѣльная налоговая система, отдѣльные гражданскіе законы—Литовскій Статутъ въ связи съ обычаями украинскаго народа, судебною практикою повелѣніями („универсалами“) гетмановъ.

Все это постепенно было уничтожено. Основные земли Украины или, по словамъ законодательныхъ источниковъ, земли „гетманскаго регимента“ были раздѣлены на три губерніи—Кіевскую, Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую и на нихъ распространено общероссійское учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. (сюда не вошла территорія украинскаго народа, нынѣшнія губерніи—Харь-

ковская, Воронежская, Волынская и Херсонская, впоследствии сопричисленными къ общероссійскимъ, не украинскимъ), а въ 1783 г. введена въ Украинѣ подушная подать и другіе общеимперскіе налоги. Что же касается таможенной границы, то она была уничтожена ранѣе. Украина и Москва (впоследствии Россія) были точно отграничены въ своихъ территорияхъ; Украина содержала на границѣ съ Россіей свои таможи, взимавшія пошлину съ московскихъ купцовъ въ пользу украинскаго „скарба“ (казны). Таможи между Россіей и Украиной уничтожены при императрицѣ Елисаветѣ, несмотря на возраженія гетмана Разумовскаго ¹⁾).

Отдѣльные гражданскіе законы и правоотношенія продолжали дѣйствовать на Украинѣ еще около столѣтія и были отмѣнены, со введеніемъ нынѣшняго Свода Законовъ, въ царствованіе Николая I.

Приведенный выше общій обзоръ изложенія и матеріаловъ проф. Б. Э. Нольде не даетъ, однако, яснаго юридическаго вывода о томъ, каковъ же былъ характеръ соединенія Москвы съ Украиною, согласно „трактату, учиненному гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ“? Что это такое было: союзъ ли равноправныхъ государствъ, или это соединеніе слѣдуетъ разсматривать, съ современной

¹⁾ ... „въ Московскомъ Государствѣ... oprичъ насъ, великаго Государя, кабаковъ, никто не торговали, а табуку бъ и не держали, учиненъ заказъ крѣпкой, а которые люди въ такихъ проступкахъ обявятся, тѣмъ чинять жестокое наказанье. А нынѣ Малороссійскихъ городовъ многіе жители съ виномъ и съ табакомъ въ Московское государство ѣздятъ и продаютъ всякимъ людемъ для своей корысти, и отъ того кабацкимъ сборамъ чинится поруха и недоборъ, а межъ людьми смута. И тебѣ бъ, Гетману, учинить заказъ крѣпкой подь жестокимъ караньемъ, чтобъ Малороссійскихъ городовъ жители вина и табуку къ Москвѣ... отнюдь не возили и не продавали... и казнѣ порухи не чинили, писалъ царь гетману“ (Полн. Собр. Зак., ст. 368).— Объ отмѣнѣ нѣк. сборовъ на Украинѣ, вопреки трактату Б. Хмельницкаго, см. также указы 9 янв. 1727 г. и 12 мая 1727, Полн. Собр. Зак., ст. 5073.

... „вѣрноподанные наши... отъ платежа внутри государства таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ освобождены... почему во всей Великороссіи подданные дѣйствительно тою милостью пользуются, а въ Малороссіи собирается индукта и эвекта. Сверхъ того съ провоза изъ Великой въ Малую Россію со всякаго товара, не исключая отъ внутренней и скота, портовая и внутренняя 13 коп. сполна, равнымъ образомъ и съ провозимаго изъ Великой въ Малую Россію товара собирается же. А по Малороссійскимъ правамъ, яко то по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подь державу Гетманъ Богданъ Хмельницкій,... всѣ въ Малороссіи сборы, выбирая Малороссійскими людьми, подь смотрѣніемъ Воеводъ... повелѣваемъ въ Малой Россіи таковыя пошлины, называемыя индукта и эвекта, отставить и оныя... ни съ кого не брать,... а учредить однѣ по Польской и Турецкой границамъ пограничныя таможи“ (Полн. Собр. Зак. 15 іюля 1854 г., ст. 10,258).—См. также Л о д ы ж е н с к і й. Исторія русск. тамож. тарифа, стр. 82—91, 112 и др.

юридической точки зрѣнія, какъ унию двухъ отдѣльныхъ государствъ подѣ главенствомъ общаго монарха, или же, наконецъ, ни то, ни другое,—а Украина подчинилась всецѣло Москвѣ, въ качествѣ какъ бы завоеванной провинціи, въ пользу которой сохранены нѣкоторыя мѣстныя особенности?

Эти вопросы возникаютъ неизбѣжно при чтеніи интересныхъ „очерковъ русскаго государственнаго права“, и читатель въ правѣ разсчитывать на опредѣленный отвѣтъ почтеннаго профессора-юриста, подвергшаго юридическому анализу именно этотъ вопросъ на основаніи историческихъ фактовъ и законодательныхъ актовъ. Опредѣленнаго отвѣта, однако, авторъ не даетъ, но основная аргументація его, дающая всѣ посылки и положенія для правильнаго вывода, вполне заслуживаетъ вниманія.

Вопросъ о политической самостоятельности послѣ „соединенія“ можетъ возникнуть, очевидно, только относительно Украины, но никакъ не Москвы. Итакъ, каково было государственное положеніе Украины послѣ „трактата“ 1654 года?

Ни этотъ „трактатъ“, ни послѣдующія соглашенія о болѣе мелочныхъ вопросахъ не могли или не сумѣли точно и ясно формулировать взаимныя отношенія, права и обязанности Москвы и Украины, а можетъ-быть, обѣ стороны при взаимномъ недоувѣрїи и боялись касаться основныхъ вопросовъ, крайне острыхъ и абсолютно несомѣстимыхъ. Отсюда выводъ, что каждая изъ договорившихся сторонъ всецѣло оставалась на своей точкѣ зрѣнія, ни въ чемъ ею не поступаясь. Каждая сторона въ этомъ договорѣ проводитъ полностью свой взглядъ и свой интересъ, не смущаясь несогласованностью его съ положеніемъ другой стороны: бумага все терпитъ. Современныя логическія понятія имъ, конечно, чужды. Съ точки зрѣнія монархической Москвы, не знавшей иныхъ отношеній къ царю, кромѣ „подданства“, „милости“, „пожалованія“, — письменный трактатъ 1654 г. и послѣдующіе были вполне удовлетворительны: гетманъ съ войскомъ и народомъ „присягаетъ“ царю, а послѣдній „жалуетъ“ ихъ грамотами, утверждаетъ права, вольности и маетности. Съ точки же зрѣнія демократической Украины также все было болѣе или менѣе

благополучно, ибо царь обязывался каждый разъ свято и нерушимо на-вѣки охранять „всѣ права и вольности“ народа украинскаго, не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Украины и проч.

Бумажное разнорѣчіе, допущенное контрагентами договора, не придававшими, можетъ-быть, особаго значенія бумагѣ, либо не вѣрившими тогда въ долговѣчность соединенія, устраняется при анализѣ фактистическихъ отношеній обоихъ государствъ.

Украина, какъ государство, заключившее договоръ съ другимъ государствомъ, обусловила въ свою пользу, какъ изложено выше, слѣдующія права: а) право самостоятельно избирать пожизненнаго главу государства, гетмана; б) право имѣть самостоятельныя сношенія съ иностранными государствами, самостоятельность во внутреннемъ управленіи: военномъ, церковномъ, административномъ, судебномъ, финансовомъ и проч.; в) самостоятельное законодательство и проч. Къ этому можно прибавить, съ точки зрѣнія современной науки, еще самостоятельную государственную территорію и населеніе.

Каждое государство, по современнымъ научнымъ понятіямъ, слагается изъ трехъ элементовъ: народа, его составляющаго; власти, организующей этотъ народъ въ одно государственное цѣлое и, наконецъ, его государственной территоріи. Главный вопросъ, здѣсь возникающій, касается организациі власти на Украинѣ послѣ 1654 года, ибо, какъ уже сказано, гетманъ и весь украинскій народъ „присягаль“ московскому царю на подданство и какія обязанности налагалъ московскому царю на подданство, но въ чемъ собственно заключалось это подданство и какія обязанности налагало, въ актахъ либо вовсе не указывалось, либо опредѣлялось крайне неопредѣленно: „служить вѣрно и противъ непріятеля стояти, не щадя головъ своихъ“ присягаль Многогрѣшный; „государю... и наслѣдникамъ служити, прямити, всякаго добра хотѣти... и на непріятелей ходити“ (Б. Хмельницкій); „служити государю вѣрно и противъ непріятелей стояти“ (Выговскій, Ю. Хмельницкій, Брюховецкій) и проч. Во всѣхъ этихъ присягахъ одна обязанность гетмана и украинскаго народа опредѣляется каждый разъ точно и ясно, это—обязанность оказывать

военную помощь царю. Всѣ остальные отношенія опредѣлялись чаще всего расплывчатымъ терминомъ „служити“, „служити вѣрно“.

Если таково отношеніе повелителя Украины къ царю, то у себя дома, въ предѣлахъ своего государства, гетманъ обладалъ всею полнотою власти безъ всякаго вмѣшательства царя, сосредоточивая въ своихъ рукахъ (въ необходимыхъ случаяхъ вмѣстѣ съ радю) власть законодательную, военную и административную. Всѣ государственныя учрежденія Украины и административныя лица, не взирая на выборный ихъ характеръ, подчинялись только ему, получали отъ него „ниверсалы“ (повелѣнія); гетманъ—верховный вождь арміи, „а безъ гетманскаго вѣдома пойдетъ кто на войну самовольствомъ—и тѣхъ казнить смертю“. Церковное управление долго оставалось внѣ всякой зависимости отъ московской іерархіи ¹⁾, а финансы и вся система податного обложенія украинскаго государства оставались самостоятельными и въ петербургскій періодъ. Иностранныхъ посланниковъ гетману Б. Хмельницкому „вольно принять“, а только, если „что противъ Царскаго Величества, то долженъ онъ извѣщать“, т.-е. увѣдомлять царя о возможной опасности. Власть же гетмана самостоятельно сносятся съ иностранными державами, безусловно признаваемая актомъ 1654 г., Москва, не довѣряя гетманамъ, постепенно старается ограничить: дополнительные статьи Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и послѣдующихъ.

Тогдашняя конституція украинскаго государства устанавливала организацію древней вѣчевой власти самого народа. Народная „рада“, состоящая изъ старшины, казаковъ и черни (народа), избирала „по стариннымъ правамъ и вольностямъ“ главу государства—гетмана, одобряла или отвергала условія соглашенія съ царемъ и проч.

Что касается территоріи украинскаго государства, которая до середины XVIII ст. была отмежевана отъ Россіи особенной таможенной линіей, то въ этомъ отношеніи

¹⁾ Кіевскій митрополитъ съ подчиненнымъ ему украинскимъ духовенствомъ зависѣлъ всегда отъ константинопольскаго патріарха, не признавая иногда надъ собою свѣтской власти гетмана. Подчиненіе кіевской митрополіи свѣтской власти гетмана съ 1685 г., см. грамота моск. царя на имя кіевскаго митрополита Арх., Ю.-з. Россіи, т. 128, стр. 304 и сл. О подчиненіи кіевск. митрополіи московскому патріарху, тамъ же, т. 16.

въ законодательныхъ памятникахъ имѣются характерные бытовые факты,—напр., какъ великороссійскіе купцы жаловались своему правительству на пошлины и налоги въ Украинѣ: „они платятъ гетману въ черкасскихъ городѣхъ пошлины съ своихъ товаровъ и съ соли“. Наличность отдѣльной государственной территоріи также несомнѣнна.

Возвращаясь къ поставленному выше вопросу, видимъ, что тогдашняя Украина, съ точки зрѣнія современной правовой науки, являлась, на основаніи даже не всегда точныхъ и безпристрастныхъ московскихъ источниковъ, самостоятельнымъ государствомъ послѣ „трактата 1654 г., возобновляя, какъ самостоятельная въ договорѣ сторона, этотъ трактатъ, измѣняя и дополняя его. То обстоятельство, что, по историческимъ судьбамъ, украинское государство утратило впослѣдствіи свою самостоятельность, не можетъ, очевидно, препятствовать ни правильности юридическаго анализа ко времени самостоятельности этого государства, ни логичности научныхъ выводовъ изъ него. Что же касается того, какое названіе современная наука дала бы подобному союзу двухъ государствъ, то едва ли это можно разрѣшить нынѣ на основаніи только этихъ данныхъ. Да это, можетъ-быть, и не нужно: современная государственная наука знаетъ только данные типы союзовъ и сочетаній государствъ, не изучивъ сказаннаго союза, но придетъ время, возникнетъ возможность полнѣе и безпристрастнѣе изучить государственныя отношенія Украины и Москвы,—и этотъ вопросъ будетъ, конечно, правильно рѣшенъ наукою путемъ подведенія этого союза либо къ нынѣ извѣстному типу, либо къ новому.

Таковы схема изложенія автора и мысли, возбужденныя этимъ, во всякомъ случаѣ, интереснымъ сочиненіемъ.

Почтенный профессоръ близко подошелъ къ вопросу, изучилъ обширный законодательный и научный матеріалъ и не постѣснялся поставить юридическій анализъ съ такою прямою, которая только и можетъ гарантировать научное безпристрастіе и вѣрность выводовъ,—что мы, украинцы, такъ рѣдко видимъ у представителей російской казенной науки. Очень жаль, впрочемъ, что, посвятивъ значительную часть своего труда именно государственнымъ отношеніямъ Украины и Москвы XVII—XVIII ст., авторъ не пожелалъ (или не могъ по незнанію украин-

скаго языка воспользоваться ни столь цѣннымъ историческимъ изслѣдованіемъ, какъ сочиненіе проф. М. Грушевскаго „Історія України—Руси“, гдѣ изложены данныя не только на основаніи однихъ правительственныхъ московскихъ источниковъ, ни другими изслѣдованіями въ этой области. Это тѣмъ болѣе удивительно, что, изслѣдуя въ томъ же сочиненіи государственныя отношенія, напр., Польши и Россіи, авторъ пользуется вовсе не одними только официальными источниками россійскаго правительства, но и польскими, нѣмецкими и др. Вслѣдствіе этого характеръ его изслѣдованія по отношенію къ Украинѣ страдаетъ очевидно неполнотою; получается неизбѣжно однобокая картина, освѣщенная не всегда безпристрастно только съ одной стороны, съ умолчаніемъ объ остальныхъ.

Авторъ, какъ указано выше, не рѣшаетъ вопроса о типѣ соединенія Украины и Москвы, о научномъ его названіи. Странно, однако, видѣть у профессора-юриста, точность юридическаго языка для котораго, казалось бы, обязательна, нетождественные термины для выраженія одного и того же понятія, либо взаимное перемѣщеніе несходныхъ терминовъ. Все изслѣдованіе проф. Б. Э. Нольде трактуетъ о „соединеніи“ Украины и Москвы,—выраженіе достаточно общее и осторожное, чтобы авторъ уберегся отъ ошибки при болѣе тѣсномъ и точномъ опредѣленіи; весь отдѣлъ книги, посвященный Украинѣ, излагаетъ исторію именно „соединенія“. Между тѣмъ, авторъ-юристъ тутъ же, рядомъ, называетъ этотъ историческій фактъ „объединеніемъ“,—что, очевидно, вовсе не одно и то же, особенно, если его относить къ 1654 году (напр., стр. 287).

Неправильное и неточное пользованіе терминами особенно замѣтно по отношенію къ слову „автономія“. Профессору болѣе, чѣмъ простому смертному, извѣстно, что автономія бываетъ различная: начиная отъ политической или государственной автономіи (типъ: государства, входящія въ составъ нынѣшней Германской имперіи путемъ вѣчнаго союза) вплоть до областной автономіи либо мѣстныхъ отличій,—напр., управленіе инородцевъ въ Россіи. Однако, для автора всюду одинаковая „автономія“ по отношенію къ Украинѣ, безъ всякихъ поясненій смысла этого термина: автономія въ Украинѣ 1654 г., автономія при гетманѣ Б. Хмельницкомъ, тотъ же терминъ опредѣляетъ по-

ложение края и послѣ мѣропріятій Петра I, при Екатеринѣ II и т. д.,—пожалуй, не автономія ли и нынѣ, ибо въ Зак. Гражд. еще сохранились какіе-то остатки прежняго Литовскаго Статута? Слишкомъ неразборчивое отношеніе почтеннаго автора и къ неодинаковымъ состояніямъ, которыя, однако, называются однимъ и тѣмъ же словомъ, и къ научнымъ опредѣленіямъ, одинаково и въ тѣхъ же выраженіяхъ прикладываемымъ къ совершенно не сходнымъ понятіямъ, вызвали у бар. Б. Э. Нольде серьезную путаницу. Москва и Россія; по автору, одно и то же: „договоръ о соединеніи Малороссіи съ Москвою былъ, такимъ образомъ, заключенъ (1654 г.), но условія, на какихъ Малороссія входила въ составъ Россіи, оставались окончателно не установленными“ (стр. 288—289). Неточность мысли и выраженій автора вызываетъ часто очевидныя недоумѣнія. На стр. 314 читаемъ: „Москва... никогда не пыталась ограничить свободу избранія гетмановъ“, а на стр. 292 напечатано: „можно сказать, что на дѣлѣ именно она (Москва), главнымъ образомъ, смѣщала и назначала гетмановъ“ и т. д.

Если бы эта разница смысла не была почему-то фатально упущена, а матеріаль взяты не исключительно правительственный (да и тотъ не весь), то авторъ могъ бы намъ освѣтить, съ точки зрѣнія науки права, одинъ изъ самыхъ интересныхъ процессовъ образованія нынѣшняго російскаго государства: сначала два государства-союзники, затѣмъ усиленіе одного и систематическое „прибираніе къ рукамъ“ другого, со сведеніемъ государственной автономіи послѣдняго на областную и, наконецъ, упраздненіе и этой областной автономіи.

Возможныя, въ предѣлахъ краткой журнальной статьи, поправки изложены выше; ограниченный мѣстомъ, позволю себѣ не касаться менѣе важныхъ недочетовъ и пропусковъ (помянуты далеко не всѣ государственные акты и проч.), не вліяющихъ на общій нашъ выводъ.

Д. Сиромаха.

Россійскіе марксисты объ украинскомъ движеніи.

Среди русской интеллигенціи пользуется довольно большимъ распространеніемъ и популярностью коллективный марксистскій трудъ по исторіи русской революціи „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX столѣтія“. Безусловной заслугой редакторовъ этой работы является то, что они первые взяли на себя инициативу систематизации и научной обработки событій 1905—1906 г. Но предпринятая задача исполнена отнюдь не вездѣ и не во всѣхъ частяхъ съ одинаковымъ успѣхомъ и совершенствомъ. Въ частности, особенно слабъ отдѣлъ, посвященный національнымъ движеніямъ. Неполнота, незнаніе элементарныхъ фактовъ изъ освободительной борьбы негосударственныхъ народностей Россіи встрѣчаются на каждомъ шагу въ тѣхъ двухъ небольшихъ статьяхъ, которыя посвящены этому вопросу: въ статьѣ З. Ленскаго во второй части I тома и статьѣ К. Залевскаго въ недавно вышедшей второй части IV тома.

Едва ли не наибольшихъ размѣровъ достигаетъ эта неполнота и это незнаніе въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ украинскому движенію, и мы считаемъ долгомъ предостеречь читателей, которые желали бы познакомиться съ украинствомъ по этому источнику: онъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія.

З. Ленскій посвящаетъ украинскому движенію 10 строчекъ; К. Залевскій удѣляетъ вопросу гораздо больше мѣста—6 страницъ. Несмотря на то, что первый авторъ излагаетъ вопросъ болѣе чѣмъ конспективно, все-таки и въ 10 строчкахъ онъ успѣваетъ сдѣлать грубую ошибку: онъ констатируетъ тотъ фактъ, что малорусское населеніе испытывало на себѣ тяжесть руссификаторской политики въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другія національности. И здѣсь же, рядомъ, авторъ приводитъ содержаніе указовъ 1863 и 1876 го-

довъ, этихъ драконовскихъ мѣропріятій, не имѣющихъ ничего подобнаго въ политикѣ по отношенію къ другимъ національностямъ. Второй авторъ, соотвѣтственно съ бѣльшимъ числомъ страницъ, посвященныхъ украинскому движенію, дѣлаетъ и большее число ошибокъ. Исчерпать всѣ промахи и нелѣпости статьи К. Залевскаго трудно, — ихъ слишкомъ много; мы отмѣтимъ только нѣкоторыя. Изложенію украинскаго движенія въ революціонные годы авторъ предпо-сылаетъ нѣсколько фразъ объ историческомъ развитіи украинства и о формахъ проявленія національнаго гнета на Украинѣ. Касается здѣсь онъ между прочимъ „Кирилло-Меѳодіевскаго братства“, исторія котораго въ достаточной мѣрѣ освѣщена и въ русской литературѣ. Но автору это не мѣшаетъ дѣлать непростительныя ошибки. По К. Залевскому, братство ставило своей задачей „самую легальную дѣятельность на пользу національнаго развитія украинцевъ“; въ дѣйствительности это было далеко не такъ, и члены его заплатились не однимъ только тюремнымъ заключеніемъ, какъ это кажется К. Залевскому. Узнали они и прелести Петропавловской крѣпости, и высылку, и отдачу въ солдаты (подневольная служба Шевченка—фактъ слишкомъ общеизвѣстный!), и запрещеніе печататься долгіе годы. Характеризуя современныя отношенія правительства къ Украинѣ, К. Залевскій приводитъ рядъ цифръ съ туманной ссылкой на какія-то украинскія изданія. Трудно опредѣлить, какими изданіями пользовался К. Залевскій; можно констатировать только то, что онъ взялъ именно не тѣ, которыя слѣдовало. Цифры, сообщаемыя имъ, совершенно не заслуживаютъ довѣрія. По К. Залевскому, расходъ казны на украинскія губерніи за 10 лѣтъ съ 1882 по 1892 г. равнялся 701.588.000 руб., а по проф. Яснопольскому („Географ. рас-предѣл. государ. доход. и расход. Россіи“), расходъ на тѣ же губерніи только за 9 лѣтъ 1882—1891 гг. составлялъ 737.780,000 руб.; съ 1898 по 1906 г., по К. Залевскому, доходъ казны съ Украины равнялся 3.548.030,000 руб.; а по даннымъ, не использованнымъ до конца авторомъ украинскаго изслѣдованія (М. Поршъ „Украина въ держав. бюджеті Россіи“), этотъ доходъ равнялся 3.595,9 милл. руб. По даннымъ переписи 1897 г., производимымъ г. Залевскимъ, процентъ грамотныхъ въ малорусскихъ губерніяхъ колеблется между 9 и 22; а по даннымъ той же переписи, приводимымъ полтавскимъ земскимъ статистическимъ бюро, тотъ же процентъ колеблется отъ 12 до 27.

Это ошибки, такъ сказать, историческаго и экономическаго введенія къ обзору движенія революціонныхъ годовъ. Ошибокъ въ самомъ обзорѣ не меньше. Авторъ даетъ здѣсь между прочимъ совершенно миѳическую исторію отдѣльныхъ украинскихъ партій, начиная съ У. С.-Д. Р. П. Эта партія, по К. Залевскому, организовалась въ 1904 г., послѣ образованія „Спілки“ изъ остатковъ Р. У. П.; имѣла вначалѣ „Федеративную программу, затѣмъ приняла постулатъ автономіи“. Фактически же эта партія слагалась и развивалась совершенно иначе. Зародившись въ рядахъ Рев. У. П., с.-д. теченіе дѣлалось въ ней все сильнѣе, и уже въ началѣ 1904 г. всѣ изданія Рев. У. П. приняли с.-д. направленіе, о чемъ было сдѣлано соотвѣтствующее заявленіе,—значительно раньше образованія „Спілки“. Въ литературѣ Р. У. П. съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась с.-д., не встрѣчается ни одного федералистическаго заявленія. Тѣмъ болѣе нѣтъ его въ программѣ. Названіе „У. С.-Д. Р. П.“ Рев. У. П. Приняла только въ концѣ 1905 года. Не меньше миѳична исторія другихъ украинскихъ партій. Украинская демократическая партія образовалась не въ 1903 г., а въ 1905 г.; всеукраинскій съѣздъ въ Полтавѣ въ іюнь 1905 года существуетъ только въ воображеніи К. Залевскаго; имъ же придуманъ и украинскій крестьянскій съѣздъ 1905 года, на которомъ онъ обнаружилъ вліяніе „Спілки“. Ни перваго, ни втораго съѣзда не было въ дѣйствительности. Къ области тѣхъ же миѳовъ относится и составленная К. Залевскимъ легенда о вліяніи „Спілки“ на идейное содержаніе украинскаго движенія. При самомъ скромномъ знакомствѣ съ украинскими отношеніями ясно, что эта организація, кромѣ названія, не имѣла ничего украинскаго. Созданная и поддерживаемая Р. С.-Д. Р. П. въ цѣляхъ борьбы съ украинствомъ, она очень скоро потеряла всякую украинскую окраску, а въ зависимости отъ этого и всякое вліяніе на украинскіе національные круги, какъ буржуазные, такъ и социалистическіе.

Таковыми же извращеніями переполнено изложеніе борьбы за украинизацію школъ. Не имѣя возможности отмѣтить всѣ допущенныя здѣсь авторомъ промахи, такъ какъ для этого пришлось бы излагать исторію этой борьбы самостоятельно, не можемъ, однако, не остановиться на нѣкоторыхъ перлахъ. По К. Залевскому, „ученики среднихъ учебныхъ заведеній требуютъ уничтоженія указа 1876 г.“ (стр. 203); фактически же движеніе менѣе всего отозвалось въ

средних школахъ, и подобныхъ выступленій въ нихъ не было совсѣмъ. „Въ февралѣ составляется въ Кіевѣ соответственный меморіаль (объ украинизаціи школы), подъ которымъ подписываются десятки тысячъ украинцевъ“ (стр. 203). Рѣчь, очевидно, идетъ о напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ въ 1905 г. „Запискѣ о нуждахъ украинской школы“, подъ которой подписались далеко не десятки тысячъ украинцевъ. К. Залевскій объединяетъ движеніе 1905 года, вызванное „Запиской о нуждахъ украинской школы“, съ движеніемъ въ пользу созданія украинскихъ каѳедръ 1906—7 гг.; фактически связи здѣсь не существуетъ никакой.

Фантастическими данными располагаетъ К. Залевскій и относительно развитія украинской литературы въ послѣдніе годы. Главный фактъ этого развитія, по К. Залевскому, — возникновеніе группы „Молодой музы“. „По общему отзыву критики, произведенія „Молодой музы“, а особенно Поговскаго, отличаются замѣчательной красотой формы и музыкальностью языка, указывающей на значительный прогрессъ послѣдняго“ (стр. 206). Мы были бы очень признательны К. Залевскому, если бы онъ сообщилъ хоть часть тѣхъ отзывовъ критики, на основаніи которыхъ построены его любопытныя заключенія. Съ удивленіемъ мы узнали, что въ теченіе двухъ лѣтъ появились въ украинскомъ переводѣ „п о ч т и в с ѣ“ произведенія Ибсена, Зудермана, Мирбо, Метерлинка, Сарду, Гауптмана“. Къ сожалѣнію, переведены по-украински далеко и далеко не всѣ произведенія этихъ авторовъ, и украинская переводная литература совсѣмъ не отличается тѣмъ замѣчательнымъ богатствомъ, о которомъ говоритъ К. Залевскій. Если по отношенію къ развитію литературы К. Залевскій допустилъ значительныя преувеличенія, то по отношенію къ театру онъ сдѣлалъ столь же большія преуменьшенія. По его мнѣнію, только съ революціонныхъ годовъ „впервые стала возможной организація украинскихъ труппъ“. Какъ извѣстно, украинскій театръ какъ-разъ въ тѣ годы праздновалъ 25-лѣтній юбилей своего существованія... Но, кромѣ преуменьшеній, К. Залевскій не можетъ и здѣсь устоять передъ созданіемъ миѳовъ. Къ числу ихъ относится сообщеніе о драматическомъ отдѣленіи кіевской „Просвіты“ и о какомъ-то новомъ крестьянскомъ театрѣ.

Болѣе правильныя свѣдѣнія К. Залевскій даетъ объ украинскихъ тенденціяхъ кооперативнаго движенія.

Необходимо подчеркнуть, что всѣ приведенныя нами ошибки и lapsus'ы встрѣчаются на протяженіи всего шести страницъ. При этомъ мы далеко не исчерпали всего того богатаго запаса, который имѣется у К. Залевскаго. Полагаемъ, впрочемъ, что и приведеннаго вполне достаточно, чтобы доказать полную неосвѣдомленность автора въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ онъ взялся писать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не отмѣтить и другого обстоятельства: эта переполненная грубыми ошибками статья К. Залевскаго, тѣмъ не менѣе, является, на всемъ протяженіи долгихъ лѣтъ развитія россійскаго марксизма, первой статьей, въ которой выражено дружественное отношеніе къ украинству, въ которой засвидѣтельствовано признаніе всей законмѣрности и естественности его развитія. Мы подчеркиваемъ: на протяженіи долгихъ лѣтъ это—первая статья. Изъ марксистской литературы прежнихъ годовъ,—и здѣшней, и зарубежной,—мы могли бы привести не одинъ примѣръ прямо противоположнаго отношенія, несмотря на громкія фразы о правѣ націй на самоопредѣленіе. А статьи, написанной въ т а к о м ъ тонѣ, еще не было. Но *le mort saisit le vif*,—можемъ мы повторить любимую фразу марксистовъ. Долгіе годы игнорированія національнаго вопроса даютъ себя знать. И теперь даже тѣ изъ марксистовъ, которые хотятъ писать объ украинскомъ національномъ движеніи не въ цѣляхъ обнаруженія его шовинизма и націонализма; даже тѣ не могутъ отдѣлаться отъ самыхъ грубыхъ, самыхъ непозволительныхъ ошибокъ.

В. Садовскій.

На текуція теми.

Недурное начало.—Идея примиренія наоборотъ и практическое ея осуществленіе.—Объ одномъ сенатскомъ разъясненіи и творческихъ порывахъ.—Военные и штатскіе миротворцы.—Объ „укаинофильствѣ“ и воинственномъ азартѣ г. Струве.—На двухъ стульяхъ.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, текущій годъ начался съ оффиціознаго заявленія на столбцахъ самой „Россіи“ о желательности „полнаго примиренія инокровныхъ согражданъ съ народомъ-строителемъ имперіи“, или—лучше сказать—съ тѣми, кто именемъ народа-строителя прикрывается. Принимая во вниманіе нравы, господствующіе въ этой средѣ, уже заранѣе необходимо было ожидать какой-либо пакости. Когда, на примѣръ, блаженной памяти Порфирій Владиміровичъ Головлевъ обращалъ на кого-нибудь свое благосклонное вниманіе, то нѣкоторое время „нельзя было различить, хочетъ ли онъ приласкать человѣка, или намѣренъ высосать изъ него кровь“. Лишь въ послѣдствіи обласканному приходилось тороко каяться въ своей довѣрчивости и посылать по адресу благодѣтеля весьма недвусмысленные эпитеты и пожеланія. Ничего другого не могли, разумѣется, вызвать и необычные аллюры „Россіи“ въ сторону примиренія. За медоточивыми приглашеніями обязательно слѣдовало ожидать какихъ-либо реальныхъ дѣйствій въ обратную сторону, примиреніе наоборотъ.

Дѣйствительность не замедлила оправдать эти ожиданія. 1-го января мы читали увѣщанія о необходимости примиренія и призывы къ общему строительству, а уже 7-го того же мѣсяца встрѣтили еще одно солидное доказательство искренней расположенности къ примиренію. Въ газетахъ было сообщено о результатѣ приведеннаго въ прошлый разъ рапорта П. А. Столыпина. Регистрація московскаго общества „Украинска хата“ признана „несогласной закономъ“ и постановленіе московскаго объ обществахъ присутствія отмѣнено ¹⁾. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣст-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1912 г., № 7.

ны въ деталяхъ мотивы этого рѣшенія, и потому мы лишены возможности постигнуть, какимъ образомъ регистрація общества, не воспрещеннаго закономъ, могла вдругъ оказаться „несогласной съ закономъ“. Но если мы припомнимъ приведенную въ прошлый разъ аргументацію покойнаго Столыпина, то это отсутствіе мотивовъ краснорѣчивѣе самыхъ подробныхъ объясненій скажетъ намъ, въ чемъ собственно дѣло и гдѣ нужно искать зарытую собаку. Разумѣется, въ дѣйствующемъ законѣ объ обществахъ нельзя найти запрещенія національныхъ обществъ, преслѣдующихъ мирныя культурныя цѣли не противными законамъ средствами. Но... припомнимъ, что именно такая культурная цѣль, какъ писалъ Столыпинъ, „съ точки зрѣнія русской государственной власти, представляется крайне нежелательной“,—и все само собой разъяснится. вмѣстѣ съ тѣмъ мы получимъ и весьма наглядную иллюстрацію къ новогодней передовицѣ „Россіи“. Съ точки зрѣнія примиренія, понимаемаго наоборотъ, 1912-й годъ начался, очевидно, очень и очень недурно...

Вообще круги, обслуживаемые „Россіей“, склонны понимать примиреніе съ инородцами въ указанномъ сейчасъ, оригинальномъ смыслѣ. Недавно всѣ газеты обошело „изумительный“, какъ выразилась „Рѣчь“ приказъ полковаго командира Олонецкаго полка, г. Шнейдера. Замѣчено мною,—пишетъ въ приказѣ по полку отъ 18-го января г. полковникъ,—что инородцы ведутъ переписку съ родными не на русскомъ, а на своемъ языкѣ. Всѣ они говорятъ или очень плохо, или ломанымъ языкомъ по-русски, а русскій языкъ—языкъ государственный. Армія въ мирное время—это школа. Инородецъ, пока состоитъ на службѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, долженъ и обязанъ научиться русскому государственному языку; это же возможно только при условіи предъявленія къ инородцамъ требованія и говорить, и писать только исключительно по-русски. Родные его или знакомые также должны отвѣчать по-русски. Въ заключеніе—предложеніе гг. начальствующимъ „принять мѣры по проведенію этого требованія въ жизнь“¹⁾. Я не знаю, какими мѣрами достигнуть гг. ротные командиры и начальники командъ, чтобы не только находящіеся подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ инородцы,

¹⁾ „Рѣчь“, цит. по „Кіевск. Мысли“, 1912, № 38.

но и родственники ихъ и знакомые, къ Олонецкому полку никакого отношенія не имѣющіе, вдругъ, „въ теченіе трехъ лѣтъ“, приобрѣти основательныя знанія въ государственномъ языкѣ. Но если примѣру г. Шнейдера послѣдуютъ командиры и прочихъ воинскихъ частей, то инородческій вопросъ будетъ блистательно и немедленно, не далѣе трехъ лѣтъ, разрѣшенъ совершенно. Нѣтъ, вѣроятно, въ Россіи человѣка, который бы не находился въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ несущимъ воинскую службу лицамъ, и, такимъ образомъ, всеобщая воинская повинность устанавливаетъ новую всеобщую повинность для населенія—немедленно же усвоить русскій языкъ со всѣми его нюансами, чтобы не говорить и не переписываться съ родственниками или знакомыми солдатами „очень плохо или ломанымъ языкомъ по-русски“. Однимъ росчеркомъ пера г. Шнейдера разрѣшена величайшая социологическая проблема. Преклоняясь предъ творческимъ геніемъ полковника Олонецкаго полка, долженъ тѣмъ не менѣе отмѣтить, что провозглашенному „Россіей“ примиренію этотъ геніальный размахъ творческой мысли врядъ ли окажетъ содѣйствіе. Скорѣе наоборотъ: по свойственной человѣчеству склонности къ заблужденіямъ („egregie humanum est“), рекомендуемая г. Шнейдеромъ мѣра грозитъ вызвать взаимное озлобленіе между говорящими чисто и говорящими плохо или и совсѣмъ не говорящими по-русски.

Безъ сомнѣнія, то же дѣйствіе должно произвести и поведеніе директора лебединской гимназіи. Этотъ штатскій мужъ, въ жилахъ котораго течетъ несомнѣнно военная кровь, воспретилъ „подвѣдомственнымъ“ гимназистамъ разговаривать по-украински не только въ гимназіи, но и дома. Корреспондентъ „Рады“ передаетъ между прочимъ, что когда одинъ изъ учениковъ, объясняя теорему изъ геометріи, употребилъ нѣсколько украинскихъ словъ, то г. директоръ не могъ снести такого умаленія правъ государственнаго языка. Хотя ученикъ и зналъ злополучную теорему, тѣмъ не менѣе получилъ двойку при язвительномъ замѣчаніи г. директора: „на какомъ ты языкѣ говоришь?“ ¹⁾. Нужно думать, что лебединскіе гимназисты на будущее время сдѣлаются болѣе осторожными и теоремы будутъ объяснять болѣе или менѣе по-русски, но въ смыслѣ куль-

1) „Рада“, 1912 г., № 24.

тивирования примирительныхъ чувствъ воинскій поступокъ штатскаго директора слѣдуетъ признать не совсѣмъ удачнымъ.

Какъ видимъ, въ официальныхъ сферахъ по части примирительнаго настроенія очень слабо. Заповѣдь „Россіи“ здѣсь, очевидно, хорошо раскусили и поняли ея смыслъ, какъ и слѣдовало, не по буквѣ, а по духу, какъ требованіе примиренія наоборотъ. Въ установившееся уже положеніе вещей практически это не вноситъ ничего новаго: такъ было, такъ есть и такъ,—долго ли, коротко ли,—будетъ... Но любопытно все-таки это знаменательное совпаденіе или, если хотите, расхожденіе официальныхъ пожеланій съ официальными же мѣропріятіями по всевозможнымъ вѣдомствамъ...

Перейдемъ къ общественнымъ кругамъ. Здѣсь пожеланія „Россіи“ не имѣютъ, повидимому, обязательнаго значенія, и потому позволительно надѣяться, что примиреніе не будетъ выворачиваться наизнанку. Но вотъ предо мною предписаніе кременчугской уѣздной земской управы, подписанное членомъ управы г. Болотовымъ, уѣздному агроному кременчугскаго земства. „В слѣдствіе заявленія населенія,—пишетъ г. Болотовъ,—уѣздная земская управа проситъ васъ всю литературу на малороссійскомъ языкѣ, по агрономической части, изъять изъ употребленія и возвратить ее обратно“¹⁾. Повидимому, примиреніе уже состоялось въ полномъ объемѣ, ибо г. Болотовъ даже на заявленіе населенія сослался. Но именно эта неосторожная во всѣхъ отношеніяхъ ссылка и выдаетъ съ головой не совсѣмъ остроумнаго члена кременчугской уѣздной земской управы. Въ самомъ дѣлѣ, почему это вдругъ населеніе Кременчугскаго уѣзда изнемогло подъ бременемъ „литературы на малороссійскомъ языкѣ по агрономической части“ и возопило къ г. Болотову объ освободеніи отъ этого бремени? Почему именно „агрономическая часть“ казалась непосильнымъ бременемъ для населенія и какъ понимать положеніе въ Кременчугскомъ уѣздѣ прочихъ „частей“? И кто это и когда въ Кременчугскомъ уѣздѣ устраивалъ плебисцитъ по вопросу объ „агрономической части“? Достаточно только поставить эти недоумѣнные вопросы, чтобы понять, что г. Болотовъ на счетъ заявленія населенія

¹⁾ „Кіевская Мысль“.

просто отъ собственнаго разума присочинилъ, а на самомъ дѣлѣ осуществляетъ все ту же программу примиренія наоборотъ. Извѣстно вѣдь, что населеніе не только Кременчугскаго, но и другихъ уѣздовъ просто не читаетъ ненужной ему литературы, употребляя ее въ лучшемъ случаѣ на „цыгарки“ и другія хозяйственныя надобности. Слѣдовательно, подвергать изъятію такую литературу дѣло совершенно излишнее и даже, съ точки зрѣнія г. Болотова, бессмысленное: пойдеть на „цыгарки“ вредная литература по агрономической части—ну, и прекрасно. Но разъ приходится къ изъятію прибѣгать, значитъ, литература несомнѣнно читается, а разъ она читается, то... Очень это неосторожно у г. Болотова вышло съ ссылкой на заявленіе населенія, и гораздо бы лучше было для его репутаціи, если бы онъ осуществилъ свою примирительную программу молча...

Скажутъ, пожалуй, что членъ земской управы—тоже лицо до нѣкоторой степени оффиціальное, хотя и несомнѣнно отражающее взгляды нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя почтили его своимъ избраніемъ. Но вотъ область литературы и литераторовъ, притомъ настоящихъ, къ „Россіи“ никакого отношенія не имѣющихъ и также безъ всякаго сомнѣнія отражающихъ настроеніе если не болѣе или менѣе широкихъ общественныхъ круговъ, то по крайней мѣрѣ кружковъ, съ общественными кругами имѣющихъ тѣсную связь. Вотъ П. Б. Струве съ нашумѣвшей статьей „Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ“ въ январской книжкѣ „Русской Мысли“; вотъ редакція „Русской Мысли“, снабдившая въ той же книжкѣ замѣтку А. Э. Саликовскаго любопытнымъ редакціоннымъ примѣчаніемъ, направленнымъ противъ „украинской“ (даже въ ковычкахъ!) позиціи автора... Казалось бы, „кое общеніе свѣту ко тьмѣ“ и какія точки соприкосновенія могутъ имѣть „Русская Мысль“ и „Россія“, П. Б. Струве—и г. Шнейдеръ или г. Болотовъ? И тѣмъ не менѣе общія позиціи оказались... Въ виду полной для многихъ неожиданности этого болѣе чѣмъ страннаго совпаденія по вопросу о примиреніи инородцевъ я позволю себѣ остановиться на статьѣ г. Струве и „примирительной“ позиціи „Русской Мысли“ нѣсколько внимательнѣе. Долженъ однако оговориться, что не имѣю въ виду

разсматривать здѣсь взгляды г. Струве на украинскій вопросъ въ цѣломъ, тѣмъ болѣе, что подробно объ этомъ высказался въ другомъ мѣстѣ ¹⁾). Какъ обозрѣвателя текущей жизни, меня здѣсь интересуетъ лишь примѣненіе этихъ взглядовъ въ чисто практической сферѣ, какъ опытъ своеобразнаго приложенія той же примирительной идеи, понимаемой наоборотъ, которая выразилась и въ новогоднемъ пожеланіи „Россіи“, и въ новогоднемъ подаркѣ сената, и въ геніальномъ размахѣ г. Шнейдера, и въ неосторожномъ поведеніи г. Болотова. И если точки зрѣнія на примирительный процессъ у нихъ не вполне совпадаютъ, то исходный пунктъ и почва, на которой они основываются, несомнѣнно общія, хотя и выражаемая различными словами. Это „просвѣтлѣніе государственной мысли“ „Россіи“, „русская государственная власть“ сената, „русскій государственный языкъ“ гг. Шнейдера и Болотова и... тотъ же „прогнанный сквозъ строй сотенъ томовъ „Полнаго собранія законовъ“ русскій языкъ“ г. Струве. Пишется все это, какъ видимъ, разное, но выговаривается, какъ сейчасъ убѣдимся, совершенно одинаково.

Г. Струве признаетъ существованіе „въ извѣстномъ смыслѣ“ самостоятельной украинской культуры,—это въ началѣ своей статьи. Г. Струве объявляетъ себя—тоже, впрочемъ, „въ извѣстномъ смыслѣ“,—украинофиломъ,—это въ срединѣ статьи. Г. Струве призываетъ русское прогрессивное общественное мнѣніе энергично, безъ всякихъ двухсмысленностей и поблажекъ вступить въ борьбу,—опять-таки „въ извѣстномъ смыслѣ“,—съ украинскимъ движеніемъ,—это въ концѣ статьи. Говоря иными словами, нашъ пріятель („украинофилъ“ вѣдь!), признающій украинскую культуру, объявляетъ этой любезной и признаваемой культурѣ вдругъ беспощадную борьбу... Правда, — это борьба идейная, г. Струве не дошелъ пока до предписанія „изъять“ любезную ему культуру изъ употребленія полицейскими мѣрами, какъ г. Болотовъ поступилъ съ „агрономической частью“ ввѣреннаго ему Кременчугскаго уѣзда. Но... въ позиціи г. Струве несомнѣнно имѣется нѣчто болотовское, и это не служить къ ея укрѣпленію. Г. Болотову нужно было только изъятіе, но онъ это главнѣйшее испортилъ неосторожной ссылкой на заявленіе населенія. Г-ну Струве нужна

¹⁾ „Рада“, 1912 г., №№ 23, 28 и 34.

только борьба, и онъ совершенно безъ нужды ослабляетъ эту позицію своимъ „укаинофильствомъ“ и признаніемъ украинской культуры, хотя бы и „въ извѣстномъ смыслѣ“. И для репутаціи г. Струве также гораздо бы лучше было, если бы онъ осуществлялъ свою примирительную „въ извѣстномъ смыслѣ“ политику тоже молча, безъ излишнихъ объясненій, и если бы его статья не только оканчивалась, но начиналась и продолжалась призывомъ къ борьбѣ.

Лучше это было бы не только въ смыслѣ цѣльности впечатлѣнія, которое теперь, благодаря неудачному приему, раздваивается и даже разстраиается и потому въ нѣкоторое разстройство приводитъ и аргументацію почтеннаго автора. Гораздо важнѣе, что позиція борьбы и только борьбы, „безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ“, освобождаетъ отъ тѣхъ обязательствъ, которыя не совсѣмъ осторожно принялъ на себя г. Струве въ качествѣ „укаинофила“, хотя бы даже „въ извѣстномъ смыслѣ“. Г. Струве и не предполагаетъ, очевидно, какъ близка любезная его сердцу укаинофильская точка зрѣнія къ ненавистному украинству; г. Струве не хочетъ замѣчать, что послѣднее съ элементарной, стихійной силой вытекаетъ изъ укаинофильства, если вкладывать въ это понятіе какой-либо реальный смыслъ, а не играть словами. Напримѣръ, въ своемъ укаинофильскомъ увлеченіи г. Струве не желаетъ исчезновенія украинскаго языка, предоставляя ему отъ щедротъ своихъ „путь скромнаго областного развитія“. Если это не звукъ пустой, а обозначаетъ нѣчто реальное, какую-либо область дѣйствительно безпрепятственнаго развитія, то вся послѣдующая аргументація г. Струве, вплоть до призывовъ къ борьбѣ, теряетъ всякое значеніе и основаніе, виситъ, такъ сказать, въ воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если говорить о развитіи,—а г. Струве, какъ видимъ, о немъ и говорить,—то совершенно непонятно, какіе и гдѣ этому развитію можно поставить предѣлы. Само понятіе развитія не допускаетъ такихъ предѣловъ, ибо никто не можетъ предвидѣть, гдѣ, на какомъ именно мѣстѣ данный процессъ въ своемъ развитіи остановится, если вообще въ этомъ случаѣ можно говорить объ остановкахъ безъ помощи принудительныхъ мѣропріятій. Г. Струве такую остановку въ украинскомъ вопросѣ находить не только возможной, но и необходимой, и даже точно намѣчаетъ предѣлы

развитія украинской культуры: это знакомая намъ уже по опыту съ указомъ 1876 г. область изящной литературы и, можетъ быть,—относительно послѣдняго, г. Струве не вполне увѣренъ,—начальнаго образованія. Прекрасно,—значить, съ благосклоннаго разрѣшенія г. Струве я могу по-украински написать стихотвореніе, рассказъ, повѣсть; можетъ быть, могу съ дѣтьми въ начальной школѣ говорить о небесныхъ и земныхъ явленіяхъ, могу, наконецъ, объяснять имъ четыре правила ариѳметики. Но, не говоря уже о томъ, какіе вопросы я буду затрагивать въ своемъ стихотвореніи или рассказѣ, могу ли я о немъ говорить и писать по-украински? Могу ли я на томъ же языкѣ объяснить, скажемъ, дроби? Нѣтъ,—скажетъ г. Струве,—этого нельзя. На недоумѣнный вопросъ—почему, онъ съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ отвѣтитъ: ибо это противорѣчило бы „скромному областному развитію“. Но позвольте, почему рассказъ не противорѣчитъ, а статья объ этомъ рассказѣ уже противорѣчитъ? Почему первыя четыре ариѳметическія дѣйствія лежатъ въ предѣлахъ „скромнаго областнаго развитія“, а дроби—уже за предѣлами? И гдѣ разница между скромнымъ развитіемъ и развитіемъ нескромнымъ? Но эти вполне умѣстные вопросы г. Струве оставляетъ безъ отвѣта; сказавъ а, онъ насчетъ дальнѣйшаго упрямится и предпочитаетъ остаться,—за чужой счетъ, конечно,—безграмотнымъ. Вольному воля, но я-то, разумѣется, слѣдовать этому благоразумному примѣру не могу и потому буду имѣть смѣлость не послушаться г. Струве. Разъ я физически что-либо могу сдѣлать, то, конечно, свою эту дѣятельность постараюсь продолжать до взаимныхъ естественныхъ предѣловъ и не пойду справляться о томъ, что дозволено или не дозволено какимъ-то неуловимымъ кодексомъ „скромнаго областнаго развитія“.

Вообще говоря, тотъ путь, которымъ соблазняетъ украинцевъ г. Струве,—путь „скромнаго областнаго развитія“,—логически невозможенъ и невысказимъ, какъ практически невозможна и невысказима альтернатива: или этотъ путь, или безконечное развитіе. Гермафродиты и гибридные существа на высшей ступени развитія всегда бесплодны, и стремленіе усѣсться на двухъ стульяхъ оканчивается всегда плачевно, такъ какъ приводитъ въ сущности между стульевъ... Точно также бесплоденъ и путь, предоставляемый украинской культурѣ г. Струве; точно также плачевно окан-

чивается его попытка построить указанную альтернативу по типу: этот ребенок или вѣчно останется въ пеленкахъ, или сдѣлается современнымъ взрослымъ человѣкомъ. Ребенокъ можетъ умереть, но если этого съ нимъ не случится, онъ обязательно вырастетъ. Точно также и въ занимающемся насъ вопросѣ логически возможно допустить одно изъ двухъ: или полное исчезновеніе украинской культуры, или развитіе ея до такихъ предѣловъ, до какихъ можетъ вообще развиваться человѣческая культура. *Tertium pop datur* — и предлагаемый г. Струве средній путь можетъ быть лишь исходнымъ пунктомъ, начальнымъ этапомъ развитія, кстати, давно уже и безвозвратно пройденнымъ украинской культурой. Незнакомая г. Струве исторія украинскаго движенія даетъ лучшее тому доказательство, и предъ глазами г. Струве былъ даже весьма наглядный личный примѣръ—въ лицѣ нѣскольکو ему болѣе извѣстнаго Драгоманова; былъ и еще болѣе наглядный общественный примѣръ въ формѣ извѣстнаго указа 1876 г., стремившагося заковать украинское движеніе въ рамки именно художественной литературы. Но г. Струве предпочелъ оставить украинцевъ въ пеленкахъ, и поучительные примѣры прошли для него вполне бесплодно.

Но весьма рискованное, съ логической стороны, положеніе г. Струве, съ его же собственной точки зрѣнія, совершенно невозможно на практикѣ. Я уже ставилъ вопросъ, кто и какимъ образомъ будетъ опредѣлять для украинской культуры „предѣлъ, его же не преидеши“, кто и какими средствами будетъ загонять ее обратно въ эти предѣлы, если она, къ неудовольствію г. Струве, пытается расширить отведенныя ей рамки? Практически я понимаю сенать съ его разъясненіями по поводу украинскаго общества, понимаю также г. Шнейдера съ его военнымъ размахомъ, понимаю даже г. Болотова съ его штатской боязливостью: у нихъ въ рукахъ есть извѣстная власть съ ея мѣрами принужденія, и этой властью они пользуются. Но г. Струве... Вѣдь онъ, конечно, противъ насилія,—по крайней мѣрѣ, въ области культурныхъ отношеній. Онъ, конечно, не запретитъ украинскаго общества, разъ его дѣятельность не противорѣчитъ закону; онъ не издастъ приказа о принудительномъ, въ теченіе трехъ лѣтъ отъ нижеписаннаго числа, обрусеніи всѣхъ инородцевъ, онъ не станетъ подвергать изъятію агрономическую часть. Что же остается на долю г. Струве?

Въ заключеніе своей статьи г. Струве указываетъ это: вѣдь призывъ къ „идейной борьбѣ“ съ украинствомъ,—повидимому, вполне опредѣленная позиція, къ которой только остается примкнуть всякому желающему. Всякій воленъ, конечно, избирать извѣстную идейную позицію и вести за нее идейную же борьбу, но для этого нужно прежде всего опредѣлить точно противника, найти, куда направлять свои удары. Безъ этого призывы къ идейной борьбѣ являются въ полномъ смыслѣ пустой фразой, не заключающей въ себѣ ровно никакого реального содержанія. Кто же является противникомъ занимаемой г. Струве идейной позиціи? Онъ не затруднится, конечно, отвѣтомъ на поставленный вопросъ: это, разумѣется, украинцы—не по происхожденію, а по убѣжденію, иными словами—всѣ раздѣляющіе украинскую точку зрѣнія, по квалификаціи редакціи „Русской Мысли“. Но что такое украинская точка зрѣнія? По опредѣленію г. Струве, это—„воинствующій (?) партикуляризмъ, желающій областное начало поставить на мѣсто общенациональнаго и тѣмъ самымъ (!) покушающійся на культурное единство русской Россіи“¹⁾. Въ противовѣсъ „украинской точкѣ зрѣнія“ г. Струве выдвигается уже упомянутая украинофильская, стоящая на почвѣ „вполнѣ законныхъ стремленій въ духѣ культурнаго украинофильства“. Итакъ, имѣемъ законныя и незаконныя стремленія, и именно послѣднимъ приглашается объявить безпощадную войну. Но позволительно освѣдомиться, какая инстанція будетъ въ концѣ-концовъ рѣшать вопросъ о законности или незаконности даннаго требованія и какой критерій примѣнять при рѣшеніи этого вопроса. Герценъ когда-то, именно по интересующему насъ сейчасъ поводу, говорилъ о „министерствѣ грамматики и департаментѣ спряженій“, — это была, разумѣется, шутка, но предъ г. Струве вопросъ стоитъ въ далеко не шуточной формѣ: безъ подобныхъ министерствъ и департаментовъ ему не обойтись!.. Я понимаю, что правительство можетъ опредѣлить, что съ его точки зрѣнія законно и что незаконно (актъ 1876 г.), можетъ даже къ незаконному прихватить то, что таковымъ въ сущности не является (упомянутое рѣшеніе сената), но я не понимаю, какимъ образомъ бу-

¹⁾ „Русская Мысль“, 1912, I, стр. 85—86.

деть опредѣлять своихъ враговъ г. Струве. И я боюсь, что если единственнымъ критеріемъ для него останется все тотъ же фетишъ государственности, то... какъ бы на практикѣ не изсякло вовсе его украинофильство и „путь скромнаго областного развитія“ не прервался внезапно, не достигнувъ даже дробей. Вѣдь характерно, что даже о Столыпинѣ г. Локоть рассказываетъ, что противъ этнографическаго украинства покойный министръ ничего не имѣлъ; еще болѣе характерно, что столь г-номъ Струве поносимый за „дикое безсмысліе“ Михайло Меншиковъ, какъ оказывается, тоже ничего не имѣетъ противъ „естественнаго и даже желательнаго провинціализма“¹⁾... Всѣ ничего не имѣютъ, а между тѣмъ закрываютъ „Просвіты“ и вопіютъ даже противъ украинскаго театра. Такова путаница, происходящая при опредѣленіи степени законности украинскихъ требованій. И не думаю, чтобы безъ помощи министерствъ и департаментовъ г. Струве своимъ послѣдователямъ, если таковые найдутся, предложилъ что-либо болѣе опредѣленное для различенія между добромъ и зломъ....

Противъ этого неопредѣленнаго и даже неуловимаго зла объявляется тѣмъ не менѣе идейная борьба. Опять-таки я не совсѣмъ понимаю, какъ и чѣмъ будетъ бороться г. Струве. Допустимъ, онъ будетъ писать статьи противъ объясненія дробей по-украински и вообще по украинскому вопросу, хотя для этого у него слишкомъ незначительный запасъ знаній и слишкомъ велика склонность рѣшать запутанные вопросы, руководствуясь исключительно кабинетными соображеніями. Допустимъ, далѣе, что эти статьи не производятъ желаемаго впечатлѣнія, „незаконныя“ дробы продолжаютъ ломать предудказанный путь и вообще зло продолжаетъ существовать и развиваться. Что же далѣе? Вѣдь въ такихъ практическихъ вопросахъ всегда требуется отъ словъ переходить къ дѣлу,—къ какому же дѣлу перейдетъ г. Струве? Клубъ русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ, объявившій, какъ извѣстно, также идейную борьбу противъ „мазепинства“, быстро ориентировался въ положеніи и нашель подходящее „дѣло“,—какое, для насъ сейчасъ безразлично. Но г. Струве противъ насилія, и пока на этой точкѣ зрѣнія стоитъ онъ, идейная борьба

¹⁾ „Новое Время“, № 12839, „Національная трещина“.

съ такимъ азартомъ провозглашенная, въ его устахъ является въ сущности пустой фразой, отказомъ отъ борьбы, полной капитуляціей или, если угодно, благороднымъ ретированіемъ предъ ненавистнымъ украинствомъ. Это нѣчто въ родѣ того пораженія, какое въ воинственномъ азартѣ наносилъ въ свое время Россіи приснопамятный воевода Пальмерстонъ, водя указательнымъ перстомъ по географической картѣ. Въ особенности, если перстъ этотъ не весьма твердъ и даже на картѣ спотыкается, не будучи въ состояніи разобраться въ очертаніяхъ поражаемаго предмета...

Вообще воевать на картѣ очень легко, какъ и легко въ уютномъ кабинетѣ предаваться сладостнымъ иллюзіямъ и мечтаніямъ насчетъ всеобщаго единства отъ Карпатъ до Камчатки. Очень недурную оцѣнку такихъ кабинетныхъ измышлений г. Струве могъ бы найти пососѣдству съ собственной статьей, въ той же январской книжкѣ „Русской Мысли“. Между прочимъ здѣсь напечатана замѣтка г. Авалова „О единствѣ и нераздѣльности Россіи“, къ которой, очевидно, только по разсѣянности редакція „Русской Мысли“ забыла приложить укоризненное примѣчаніе насчетъ „украинской позиціи“ автора. Вотъ что читаемъ въ названной замѣткѣ:

«Конечно, можно приходиться въ умиленіе, глядя на карту Россіи: отъ Варшавы до Японіи, отъ Карпатъ до Берингова пролива, отъ Новой Земли до Арарата—всѣ эти земли, горы, воды, тундры и степи, съ принадлежащими къ нимъ народами всякихъ антропологическихъ типовъ и всѣхъ ступеней развитія, все это есть Россія—единая и нераздѣльная. Но если отрѣшиться отъ этого, совершенно дѣтскаго, хотя весьма распространеннаго между взрослыми «чувства великаго», вызываемаго также валовыми цифрами бюджета, разстояніями, количествомъ волостныхъ старшинъ, акцизныхъ чиновниковъ или чиновничьихъ вдовъ, живущихъ на пенсіи, то придется серьезно задуматься надъ огромнымъ несоотвѣтствіемъ между формальнымъ единствомъ русскаго государства и хаосомъ національно-культурныхъ въ немъ отношеній.

И когда вспоминаешь о тѣхъ возможностяхъ культурнаго и политическаго расцвѣта, какія заключались въ особыхъ порядкахъ соединенныхъ съ Россіей земель, когда ясно видишь, что съ крушеніемъ этихъ автономій у нихъ естественно отнимались шансы сколько-нибудь здраваго развитія, а Россія столько же неизбѣжно обрекалась на бесплодный, тяжкій для обѣихъ сторонъ трудъ обрусенія и разрушительной

замѣны особеннаго общимъ—тогда не только отказываешься отъ умиленія всѣми этими успѣхами объединенія, но думаешь съ досадою о бѣдности чисто политическаго творчества русской государственной власти, при всякомъ удобномъ случаѣ стихійно стремившейся «прибратъ къ рукамъ» ту или другую «автономную» окраину.

И побужденіе, выражаемое въ простодушныхъ словахъ: «прибратъ къ рукамъ Малую Россію», сказанныхъ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ, не является ли дѣйствительно тѣмъ искомымъ общимъ знаменателемъ, который подойдетъ и къ Финляндіи, и къ Украинѣ?»

Вотъ вопросъ, который я предложилъ бы благосклонному вниманію г-на Струве и иже съ нимъ. Но для того, чтобы правильно и безпристрастно взглянуть на него, они должны отрѣшиться сперва отъ „совершенно дѣтскаго, хотя весьма распространеннаго между взрослыми „чувства великаго“,—правильнѣе было бы сказать: „большого“,—бросить свои кабинетныя измышленія объ единой культурѣ, общерусскомъ языкѣ и тому подобнымъ, можетъ быть, и прекрасныхъ, но—увы!—совершенно невысказанныхъ при нашихъ условіяхъ вещахъ, и заняться предварительнымъ изученіемъ тѣхъ слагаемыхъ, которыя они насильно желаютъ втиснуть въ сумму единой общерусской культуры. Исполнивши этотъ долгъ элементарной добросовѣстности, они, быть-можетъ, и не придутъ къ трогательному единенію съ „Россіей“ на почвѣ примиренія наоборотъ; можетъ быть, поймутъ, что направлять имъ свои удары слѣдуетъ вовсе не противъ всевозможныхъ „партикуляризовъ“, а совершенно въ обратную сторону—противъ мертвящаго казарменнаго единообразія, которое вовсе не приводитъ къ единству. Ну, а если не поймутъ, то, можетъ быть, найдутъ по крайней мѣрѣ силу вполне откровенно послѣдовать въ раскрытыя объятія „Россіи“ и дѣйствовать вкупѣ и влюбѣ съ гг. Шнейдерами и Болотовыми, Меньшиковыми и Савенками. Ибо нельзя усаживаться на двухъ стульяхъ одновременно,—нельзя, объявляя себя „укаинофиломъ“, выступать въ то же время съ проповѣдью крестоваго похода противъ украинства. Одно изъ двухъ: либо „укаинофильство“, либо воинственный азартъ, ибо совмѣщеніе несомѣстимаго приводитъ хотя и нѣсколько окольными путями, только къ „Россіи“. Лучше и честнѣе избрать прямую дорогу.

С. Ефремовъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

Какъ была встрѣчена „Украинская Жизнь“.

Выпуская въ свѣтъ вторую книжку «Украинской Жизни», редація испытываетъ потребность высказать самую искреннюю признательность всѣмъ тѣмъ друзьямъ журнала, которые прислали ей свои привѣтствія и добрыя пожеланія. Съ разныхъ концовъ Россіи, а главнымъ образомъ изъ родной Украины пришли къ намъ эти дружескія отклики, причѣмъ два изъ нихъ сопровождались предложеніемъ матеріальной поддержки журналу, начатому съ очень скромными средствами. Такое сочувствіе нашихъ далекихъ и невѣдомыхъ друзей укрѣпляетъ насъ въ мысли, что предпринятое изданіе отвѣчаетъ назрѣвшей серьезной потребности.

Не въ меньшей степени поддерживаеъ редакцію въ этомъ убѣжденіи и тотъ успѣхъ,—по крайней мѣрѣ, внѣшній,—какой выразился въ опредѣлившемся уже спросѣ на журналъ. Несмотря на то, что январская книжка «Украинской Жизни» была напечатана въ значительно большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ то, какое первоначально имѣлось въ виду, она вскорѣ разошлась вся безъ остатка, и еще до выхода февральской книги пришлось закрыть дальнѣйшую подписку на первый номеръ журнала.

Само собою понятно, что наряду съ откликами читателей и друзей редакцію «Украинской Жизни» крайне интересовало отношеніе къ ней прессы. Особый интересъ представляло для насъ отношеніе къ новому журналу прессы русскоѣ, такъ какъ, приступая къ изданію «Украинской Жизни» на русскомъ языкѣ, мы прежде всего имѣли въ виду русское общество и его информацію въ украинскомъ вопросѣ.

Пожаловаться на то, что русская печать обошла насъ молчаніемъ, мы не можемъ. Многіе органы печати отмѣтили народженіе въ Москвѣ новаго изданія и его задачи. Къ сожалѣнію, все это были только замѣтки фактическаго, освѣдомительнаго характера. Толстые русскіе ежемѣсячники и большія политическія газеты не дали,—быть можетъ, не успѣли еще дать,—сколько-нибудь обстоятельной оцѣнкѣ нашего литературнаго начинанія и его перваго шага¹⁾.

Будемъ надѣяться, что послѣ выхода второй книги «Украинской Жизни» руководящіе органы великорусской прессы ока-

¹⁾ Реакціонная и рептильная пресса оказала намъ несравненно больше вниманія, но, къ сожалѣнію, кромѣ черносотенной истерики, клеветническихъ выходокъ и призывовъ полиціи для борьбы съ украинствомъ, мы ничего не нашли въ статьяхъ, посвященныхъ „Украинской Жизни“.

жуть больше вниманія своему украинскому собрату, а пока считаемъ своего рода обязанностью отмѣтить, какъ исключеніе, ту доброжелательную замѣтку, которую посвятило намъ «Утро Россіи» на другой день послѣ выхода въ свѣтъ январской книги журнала.

Такъ какъ замѣтка эта имѣетъ существенное принципиальное значеніе, то мы приводимъ ее *in extenso*:

Первая книжка,—говорить «Утро Россіи,—составлена умѣло и живо. Но идею націонализма журналъ понимаетъ нѣсколько односторонне.

«Существуетъ,—по его словамъ,—націонализмъ угнетенныхъ народностей и націонализмъ народностей государственныхъ. Въ то время, какъ націонализмъ первыхъ, враждебный насилію и произволу, представляетъ собою борьбу за отнятыя блага—за равенство и свободу—и потому является факторомъ созидательнымъ и прогрессивнымъ,—націонализмъ, выступающій отъ имени господствующей народности, которую никто не ограничиваетъ въ ея національныхъ правахъ, выражается въ подавленіи всякой иной национальности, зиждится на правѣ сильнаго и окрашиваетъ собою проявленія общественной реакціи».

Выходитъ, что господствующая народность не можетъ быть окрашена идеями гуманнаго націонализма. Къ чему же тогда сводятся разсужденія журнала о неизбѣжности национальной обособленности? Или это относится только къ «угнетеннымъ народностямъ»? Но вотъ, въ томъ же номерѣ «Украинской Жизни» помѣщена статья о Холмщинѣ. Авторъ констатируетъ, что украинцы не противъ выдѣленія Холмщины, такъ какъ коренное ея населеніе—малороссы—насилительно ополчается. Поляки, какъ извѣстно, тоже угнетенная народность. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія журнала, націонализмъ этой народности носить «созидательный характеръ»? Это явное противорѣчіе доказываетъ, что редакція еще недостаточно ясно разобралась въ трактуемыхъ ею вопросахъ. Отрицая за господствующей народностью право быть національной, «Украинская Жизнь» тѣмъ самымъ допускаетъ осужденный ею же космополитизмъ, который въ правѣ не считаться съ національными претензіями «угнетенныхъ народностей».

«Утро Россіи» всегда относилось къ украинскому движенію съ дружескими симпатіями, и, привѣтствуя возникновеніе новаго органа украинства, мы убѣждены, что онъ не явится источникомъ разлада двухъ развѣтвленій одного русскаго народа.

Редакціи остается, конечно, только благодарить «Утро Россіи» за ея «дружескія симпатіи», но мы полагаемъ, что ихъ можно отнести скорѣе къ будущему, чѣмъ къ прошлому, въ которомъ имѣется много печальныхъ для украинства страницъ. Останавливаться сейчасъ на этихъ страницахъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что въ свое время они подробно отмѣчались на столбцахъ украинской прессы,—между прочимъ и бывшимъ сотрудникомъ «Утра Россіи» Д. Донцовымъ.

Обращаясь къ остальнымъ частямъ приведенной цитаты, приходится констатировать въ ней чуть не столько же недоразумѣній, какъ и отдѣльныхъ фразъ. Наша редакціонная статья, представляя, по необходимости, самую общую схему нашихъ задачъ, не могла, конечно, давать отвѣты на всѣ конкретные вопросы жизни, но она, намъ думается, вполне ясно свидѣтельствовала, что не къ національной обособленности въ томъ смыслѣ, какой, къ сожалѣнію, слишкомъ часто навязываютъ украинцамъ, а къ братскому союзу равноправныхъ народностей направлены наши стремленія. Что касается идей «гуманнаго націонализма господствующей народности», то мы дѣйствительно нахо-

димся въ этомъ отношеніи въ большомъ сомнѣніи. Повидимому, это тѣ самыя идеи, съ пропагандою которыхъ все чаще стали выступать въ великорусской прессѣ бывший редакторъ «Освобожденія» П. Б. Струве. Если такъ, то надлежащій отвѣтъ на свое замѣчаніе «Утро Россіи» найдетъ въ статьяхъ проф. Э. Е. Корша, С. А. Ефремова и др., печатающихся въ настоящей книжкѣ «Украинской Жизни».

«Утро Россіи» усматриваетъ «явное противорѣчіе» съ нашими принципами тамъ, гдѣ мы говоримъ о Холмщинѣ и полякахъ, но и это упрекъ мы должны отвести отъ себя. Если бы редакція «Утра Россіи» съ дѣйствительнымъ вниманіемъ слѣдила за національными вопросами и, въ частности, за украинскими, то отъ ея вниманія не ускользнула бы появившаяся за нѣсколько дней до выхода январской книжки журнала въ «Русской Мысли» замѣтка «Къ польско-украинскимъ отношеніямъ». Эта замѣтка, принадлежащая А. Э. Саликовскому, выясняетъ именно то, что кажется противорѣчіемъ московской газетѣ. Позволимъ себѣ привести небольшую цитату изъ названной замѣтки:

Для тѣхъ, кого интересуеетъ національная проблема, польско-украинскія отношенія представляютъ въ высокой степени любопытное явленіе. Исторія и современность переплелись здѣсь въ крайне сложную сѣть, и пережитки невозвратнаго прошлаго продолжаютъ бросать свою омрачающую тѣнь на событія сегодняшняго дня, своеобразно преломляясь при этомъ въ условіяхъ классовой борьбы. Послѣдняя, въ свою очередь, протекаетъ въ существенно различной правовой обстановкѣ русской и граничной жизни.

Въ Галиціи, граничащей съ русской Украиной, поляки въ настоящее время являются во всѣхъ отношеніяхъ господами положенія и, какъ обычно бываетъ съ «господами», тѣснятъ сожительствующихъ съ ними инородцевъ. Этими инородцами въ данномъ случаѣ являются русины (украинцы). Крайняя обостренность національныхъ отношеній двухъ родственныхъ и почти равныхъ по численности народностей доходить въ Галиціи до кровавыхъ эксцессовъ (дѣло Сичинскаго, побоище въ львовскомъ университетѣ и др.). Въ Россіи положеніе представляется, повидимому, существенно инымъ. Поляки, конечно, не могутъ считаться здѣсь господами положенія. Напротивъ, они являются опальными «инородцами». Но когда-то поляки были господами положенія въ правобережной Украинѣ, и это обстоятельство продолжаетъ налагать свою печать на современныя отношенія ихъ къ украинцамъ. Въ Украинѣ, во времена своего господства, поляки выступали, главнымъ образомъ, въ качествѣ немногочисленнаго, но могущественнаго класса рабовладѣльцевъ, и отъ давнишняго взгляда на малоросса какъ на «быдло», а на его край — какъ на свою собственность еще и до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться польскіе аграріи и близкіе имъ по духу элементы польскаго общества вмѣстѣ съ своими литературными идеологами. Равенство безправія не создало въ ихъ душѣ чувствъ солидарности и уваженія къ вчерашнимъ рабамъ, стремящимся нынѣ, такъ же, какъ и они сами, къ свободѣ національнаго самоопредѣленія. Все сказанное ни въ какой мѣрѣ, конечно, не можетъ и не должно быть относимо къ польской демократіи.

Въ заключеніе настоящей нашей замѣтки отмѣтимъ обстоятельныя статьи и отчеты о содержаніи январской книги «Украинской Жизни», напечатанные въ «Радѣ» (№ 39 отъ 17-го февраля) и кievскомъ еженедѣльникѣ «Огняхъ» (№№ 7 и 8 отъ 11-го и 18-го февраля).

Изъ текущей украинской жизни.

Энергичный походъ, предпринятый правой прессой противъ украинскаго культурно-національнаго движенія, натравливаніе на ту часть украинской интеллигенціи, которая начертала на своемъ знамени между прочимъ просвѣщеніе украинскаго народа въ его національныхъ формахъ, не могло пройти безслѣдно для украинскихъ культурныхъ дѣятелей и не отразиться на ихъ скромной работѣ.

Уже первый мѣсяць 1912 года — мѣсяць январь — принесъ намъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ, когда проявленію украинской жизни на мѣстахъ, — проявленію самаго невиннаго свойства, — ставились рѣшительныя преграды.

Мы здѣсь собрали всѣ тѣ проявленія „тащить и не пущать“ въ отношеніи украинцевъ, какія имѣли мѣсто въ послѣднее время не только на территории Украины, но и за ея предѣлами. Случаи эти зарегистрированы украинской прессой въ теченіе января мѣсяца и, само-собою разумѣется, являются далеко не исчерпывающими этого грустнаго явленія, такъ какъ многое не попало въ печать по той или иной причинѣ.

Передъ нами корреспонденція изъ г. Чигирина („Рада“, № 2). Корреспондентъ жалуется между прочимъ на безпробудную спячку, въ которую погруженъ Чигиринъ, — эта бывшая столица украинскихъ правителей. Но вотъ рождественскими праздниками вздумали чигиринцы развлечься — поставить украинскій спектакль, благо есть у нихъ небольшой любительскій кружокъ. Однако, оказывается, что участвовавшимъ раньше въ такихъ развлеченияхъ учительницамъ церковно-приходскихъ школъ уѣздный наблюдатель запретилъ выступать въ украинскихъ спектакляхъ. Горю этому, — говоритъ корреспондентъ, — можно было бы еще помочь, но дѣло въ томъ, что передъ самымъ Рождествомъ получено увѣдомленіе отъ кievскаго губернатора, наложившаго категорическое veto на украинскіе спектакли.

Такая же участь постигла намѣренія украинской интеллигенціи и въ г. Васильковѣ: на ихъ ходатайство о разрѣшеніи украинскаго спектакля полученъ такой оригинальный отвѣтъ: „Если угодно побаловаться на праздники, то выбирайте что-либо русское, а украинское не разрѣшимъ“ („Засів“, № 1).

О запрещеніи украинскаго спектакля сообщаютъ „Радѣ“ (№ 13) также изъ с. Великія Бучки Константиноградскаго уѣзда, на Полтавщинѣ. Здѣсь предполагали поставить „Батраки“, — пьесу совершенно невиннаго характера, дозволенную вообще къ представленію на сценѣ, и, однако, мѣстный исправникъ не далъ разрѣшенія на ея постановку.

Обращаясь къ проявленіямъ украинскихъ симпатій въ другой сферѣ культурныхъ развлеченій, устраиваемыхъ специально для дѣтей школьнаго возраста во время рождественскихъ праздниковъ, — къ елкамъ, наталкиваемся на цѣлый рядъ слѣдующихъ преградъ, зарегистрированныхъ той же украинской прессой въ январѣ.

Въ селахъ Кіевскаго и Васильковскаго уѣздовъ многіе изъ учителей устраивали школьныя елки для своихъ учениковъ и ихъ родителей. Однако на этихъ елкахъ напрасно вы искали бы украинскаго элемента: исполнять что-либо на родномъ языкѣ дѣтей — пѣть пѣсни,

декламировать стихи, басни и пр.—было строжайше воспрещено гг. инспекторами этихъ школъ. Такое запрещеніе,—читаемъ въ „Радѣ“, № 6,—очень не понравилось крестьянамъ, присутствовавшимъ на елкахъ.

Печальная участь постигла и начинанія учителей на Полтавщинѣ, рискнувшихъ помѣстить въ елочныя программы украинскія №№. Изъ Лохвицкаго уѣзда, напр., пишутъ „Радѣ“ (№ 17), что инспекторъ потребовалъ отъ учителей программы для елокъ и всѣ предложенныя къ исполненію украинскіе номера вычеркнулъ, а за одно ужъ приказалъ, чтобы въ школахъ не было ни одной украинской книжки.

Харьковская губернія не отстаетъ отъ своей сосѣдки Полтавщины: здѣсь гг. инспектора народныхъ училищъ издали циркуляры, въ которыхъ, какъ сообщаютъ „Засіву“ (№ 2), ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается на школьныхъ елкахъ и вечерахъ исполнять украинскія колядки, пѣсни и стихотворенія. Запрещены къ исполненію даже такія колядки, какъ „Видитъ Богъ“ и „Дивнее народження“, и потому исполнялись лишь русскія пѣсни, какъ, напр., „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“, „На горѣ мы пиво варили“, „Вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ“ и т. п.

Обращаясь къ другимъ ущемленіямъ національнаго чувства и достоинства, имѣвшимъ мѣсто въ минувшемъ январѣ мѣсяцѣ, отмѣчаемъ слѣдующіе факты: кременчугская уѣздная земская управа предложила своему агроному „всю литературу на малорусскомъ языкѣ изъять изъ употребленія и возвратитъ обратно“ (въ управу). Здѣсь интересны мотивы, побудившіе управу сдѣлать такого рода распоряженіе: это, видите ли, сдѣлано „вслѣдствіе заявленія населенія“... (sic!). Такъ значитъ въ „предписаніи“ агроному, напечатанномъ полностью въ № 13 „Рады“ и подписанномъ членомъ управы Болотовымъ. Печатаемъ фамилію этого кременчугскаго земца—„демократа“ въ назиданіе потомству.

Тѣ же принципы проводились въ отношеніи украинцевъ въ отчетномъ году и далеко за предѣлами Украины. Такъ, напр., петербургскому украинскому клубу въ четвертый разъ отказано въ разрѣшеніи вечера, посвященнаго Т. Шевченку.

Заканчиваемъ нашъ мартирологъ новинками послѣднихъ дней.

Въ Кіевѣ губернаторомъ, по доносу, какъ циркулируютъ здѣсь слухи, одного мѣстнаго общественнаго дѣятеля, была снята съ репертуара украинскаго театра пьеса Л. Старицкой-Черняховской „Гетьманъ Дорошенко“, пользовавшаяся въ этомъ сезонѣ громаднымъ успѣхомъ. Снята она съ репертуара за сцену посѣщенія Дорошенка московскимъ посломъ. Пьеса однако, вновь разрѣшена къ представленію съ нѣкоторыми незначительными купюрами. Далѣе оштрафована газетка „Засів“ на 400 рублей за критику дѣятельности третьедумскихъ депутатовъ, и, наконецъ, посаженъ подъ арестъ на 2¹/₂ мѣсяца прежній редакторъ той же газеты г. Товстонось, не уплатившій 300-рублеваго штрафа, наложеннаго на него губернаторомъ въ декабрѣ прошлаго года.

Весьма характернымъ для условій существованія этой популярной народной газеты является объявленіе, помѣщенное издателями ея

въ № 4 отъ 27-го января, а именно: „Газета „Засів“ негайно запроше на посаду редактора інтелігентну людину нежонатого, або бездітного вдівця з міцним здоровьем. Умови: бесплатна кімната і певний відсоток з прибутків „Засіву“. Звертатись въ контору газети: Ділова, 6“. Горькой ироніей звучить это объявленіе по отношенію къ условіямъ нашей общественной жизни вообще и существованія въ Россіи печатнаго слова въ частности. Вѣдь надо помнить, что четырехсотрублевые штрафы налагаются въ данномъ случаѣ на изданіе, которое, кромѣ самоотверженнаго служенія своему обездоленному народу, ничего не имѣетъ въ виду и весь годовой бюджетъ котораго равенъ 3—4 тысячамъ рублей.

Гр. Гетьманець.

Памяти д-ра Е. С. Грибинюка.

22-го февраля въ С.-Петербургѣ умеръ докторъ медицины, городской врачъ Е. С. Грибинюкъ. Покойный извѣстенъ былъ въ широкихъ кругахъ украинскаго общества какъ сознательный, убѣжденный и дѣятельный украинець. Живя долгое время въ Петербургѣ, онъ принималъ видное участіе во всѣхъ мѣстныхъ украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ организаціяхъ и начинаніяхъ. Можно сказать съ увѣренностью, что ни одно изъ послѣднихъ не обходилось безъ него: чуткій къ національному украинскому дѣлу, онъ всегда приходилъ къ нему на помощь, не чуждаясь самой, казалось бы, черной работы. Грибинюкъ былъ дѣятельнымъ членомъ мѣстной «Громады», «Общества вспомоществованія (им. Шевченка) учащимся юга Россіи», «Благотворительнаго общества распространенія общепользныхъ и доступныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ», московскаго «Кобзаря», почти всѣхъ существовавшихъ и существующихъ «Просвіт. Немало существенной пользы оказалъ онъ въ дѣлѣ собиранія пожертвованій на памятникъ Шевченко въ Кіевѣ путемъ устройства вечеровъ, распространенія подписныхъ листовъ и т. д. Для этой же цѣли онъ отказывался отъ своего гонорара и, на глазахъ посѣтителей, опускалъ получаемые отъ пациентовъ деньги въ специальную кружку, содержимое которой въ опредѣленные сроки неукоснительно отсылалось въ комитетъ по сбору жертвованій.

Покойный, знавшій «лютыя времена» гоненій на украинское слово, радовался его раскрыпощенію и всегда поддерживалъ украинскія изданія и путемъ посильнаго сотрудничества въ нихъ и путемъ личной подписки.

У него имѣлась большая и цѣнная бібліотека по украиновѣднію, и онъ охотно дѣлился со всякимъ обращающимся къ нему за украинской книжкой. Вообще покойный былъ рѣдкимъ, по своей приверженности украинскому дѣлу, человекомъ, сохранившимъ ее отъ юношескихъ лѣтъ до самой смерти. Эта приверженность снискала ему популярность среди петербургской ко-

лоніи украинцевъ и въ особенности среди украинской учащейся молодежи, стремленія и начинанія которой на украинской почвѣ находили въ покойномъ сочувствіе и дѣятельную поддержку.

Перомъ земля почившему и долгая память о немъ!

С. П.

Украинство, черносотенцы и г-нь Струве.

Нашей редакціей получено отъ одного виднаго представителя украинской науки письмо, вызванное послѣднимъ выступленіемъ противъ украинства П. Б. Струве. Письмо это не предназначалось для печати, но намъ оно показалось настолько интереснымъ, что съ вѣдома уважаемаго автора мы предлагаемъ его вниманію читателей «Украинской Жизни» съ небольшими пропусками и необходимыми измѣненіями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій.

Я прочиталъ статью Струве. Признаюсь, взялся я за ея чтеніе съ большой опаской и предубѣжденностью. Я слыхалъ, будто Струве высказалъ опасеніе, какъ бы украинцы совсѣмъ не отвернулись отъ него изъ-за его статьи. На мой взглядъ, однако, ничего страшнаго статья Струве не заключаетъ въ себѣ. Она не была бы написана или была бы написана иначе и съ другими аргументами, если бы Струве былъ знакомъ съ давнимъ, начиная съ 1860-хъ годовъ, споромъ украинцевъ и прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества. Какъ извѣстно, споръ горячій на эту тему велся и въ началѣ 1880-хъ годовъ на страницахъ русскихъ журналовъ. Въ спорѣ принималъ участіе и покойный М. П. Драгомановъ. Въ этомъ спорѣ наиболѣе ярко выяснилась и та точка зрѣнія его на украинцевъ, которую Струве считаетъ новымъ фазисомъ мысли Драгоманова, перемѣной въ его взглядахъ.

За статьей Струве я признаю больше значеніе. Я не раздѣляю той точки зрѣнія, которая считаетъ появленіе статьи Струве несвоевременной по политическимъ соображеніямъ: ни украинство-де гоненіе, а статья Струве только подливаетъ воду на мельницу враговъ. Большіе политическіе, культурные и общественные вопросы должны разсматриваться и обсуждаться, независимо отъ этихъ соображеній. Струве—идейный врагъ украинства. Пусть лучше онъ изложитъ открыто основаніе своей вражды и выслушаетъ возраженія, чѣмъ держитъ сомнѣнія въ тайнѣ. На политику правительства по отношенію украинства статья Струве меньше всего можетъ имѣть вліяніе въ практическомъ смыслѣ. Политика эта вызывается пока другими причинами. При постановкѣ вопроса Струве рѣзко подчеркиваетъ свое уваженіе къ свободѣ, свою вражду къ насилію. Не насиліе онъ хочетъ дѣлать, а убѣждать людей. Это хорошо. Пусть убѣждаетъ.

Съ украинствомъ, какъ фактомъ, уже считаются или, лучше сказать, начинаютъ считаться прогрессивные круги.

Но при этомъ играютъ роль скорѣе практическія соображенія. Вѣрятъ кадеты въ силу украинцевъ на выборахъ и дарятъ имъ свое вниманіе. На самомъ же дѣлѣ многое, если не все, по отношенію къ украинцамъ въ кадетской программѣ остается неяснымъ, не формулированнымъ. Для большинства русскихъ прогрессивныхъ группъ украинство въ 1905 году явилось какой-то неожиданностью. На него тогда смотрѣли съ улыбкой, какъ на *quantité négligeable*. Теперь эта улыбка уменьшилась, стала едва замѣтной, но все-же она еще не исчезла съ умнаго лица П. Н. Милюкова. Украинство и до сихъ поръ для большинства русскихъ прогрессивныхъ слоевъ является иксомъ. Немало, повидимому, неясностей и недоумѣній вызываетъ оно и у такихъ знатоковъ украинства, любящихъ и вѣрящихъ въ это движеніе, какъ г. Украинецъ, которому отвѣчаетъ Струве. «Украинецъ» живетъ, повидимому, не тамъ, гдѣ дѣлается украинское движеніе,—и это не можетъ не класть своего отпечатка на его взгляды и соображенія, на его оцѣнку и учетъ фактовъ.

Повторяю, украинство, какъ фактъ общественной жизни, представляетъ изъ себя большой иксъ для русскихъ прогрессивныхъ круговъ. Правда, съ 1905 года, когда украинство получило возможность высказаться, оно формулировало свои требованія, желанія и надежды. Но все это творилось въ своей украинской средѣ. Съ разгономъ второй Думы и съ образованіемъ третьей украинство лишилось практической возможности постоянно соприкасаться съ русскими общественными кругами на политической почвѣ. Внутренняя работа, между тѣмъ, въ украинствѣ продолжалась и продолжается. О ней не знаетъ или знаетъ ее только по наслышкѣ русская публика. И вотъ, статья Струве, ожививъ вниманіе къ украинству, на мой взглядъ, ставить на очередь важный для украинства вопросъ—формулировать себя, какъ извѣстное общественное теченіе, на-ряду съ другими, въ російскомъ государствѣ, формулировать на основѣ научно-общественнаго міросозерцанія.

Но почему П. Струве именно теперь удостоилъ своимъ вниманіемъ украинство и забилъ тревогу? А вотъ почему. Благодаря черносотенству украинство въ послѣднее время рѣзко выдвигается, какъ извѣстный факторъ общественной жизни. Черносотенцы требуютъ по отношенію къ нему репрессій, но въ то же время они заставляютъ и русское правительство, и русское общество признать украинство не какъ *quantité négligeable*, а какъ общественный, важный факторъ, котораго нельзя оставлять безъ вниманія. Разъ это будетъ признано, тогда, конечно, получаютъ общественную цѣну и требованія украинства. Пусть это уродливый путь, но такъ судьба, исторія опредѣлила, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. Въ русской общественной жизни не разъ случалось, что прогрессивные круги отрицали фактъ, не признавали его, а правительство содѣйствовало выясненію этого факта, вступая въ борьбу съ нимъ. Такъ, помните, было, когда нарождался въ Россіи пролетаріатъ, такъ

приблизительно происходить и съ украинствомъ. Тяжело и больно выносить преслѣдованія и извѣты черносотенцевъ и порождаемая ими преслѣдованія, но для украинства они имѣютъ большое значеніе. Такое мое убѣжденіе. Не одно письмо Украинца, я увѣренъ, но и общій шумъ, поднятый противъ украинцевъ черносотенной прессой, и рядъ преслѣдованій украинцевъ привлекли къ нему вниманіе Струве.

Еще разъ скажу: его сомнѣнія и страхъ передъ опасностью партикуляризма имѣютъ для украинства большое значеніе. Они должны углублять украинство съ теоретической точки зрѣнія. Они обязываютъ украинцевъ подвести подъ украинство фундаментъ, обосновать свои взгляды и требованія на научныхъ фактахъ. Правда, это дѣлается и дѣлалось и помимо статьи Струве. Еще она была неизвѣстна въ Кіевѣ, а Н. В. Поршъ читалъ въ Науковомъ товариствѣ рефератъ о тѣхъ экономическихъ вопросахъ, которые затрагиваетъ Струве, говоря о вліяніи Великобританіи на Украину въ экономическомъ отношеніи. Но статья Струве показываетъ, въ какую сторону должны быть направлены дальнѣйшія изысканія, какіе вопросы необходимо разъяснить и освѣтить.

Вопросы филологическіе, о которыхъ у васъ, вѣроятно, будетъ писать Э. Е. Коршъ,—другая сторона значенія статьи Струве. Вопросъ объ украинскихъ кафедрахъ, какъ онъ ставился до сихъ поръ, требуетъ также своего обоснованія.

Словомъ, повторяю, я прочелъ статью Струве съ большимъ интересомъ и нахожу ее для украинскаго движенія очень важной и полезной. Украинскаго движенія Струве не знаетъ, онъ взялся за него наскакомъ, съ легкостью публициста, для котораго большого научнаго багажа въ отдѣльныхъ вопросахъ не требуется. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить по меньшей мѣрѣ странное примѣчаніе къ напечатанной въ томъ же номерѣ «Русск. Мысли» статьѣ А. Э. Саликовскаго о дѣлѣ Липинскаго,—примѣчаніе, показывающее, какъ бы опасеніе оказать большое вниманіе украинству — этой «интеллигентской выдумкѣ»¹⁾). Соображенія Струве украинцамъ не трудно отпарировать съ фактами въ рукахъ. Работа эта можетъ стать очень важной въ общественномъ смыслѣ. Раскачаются ли только украинцы, поймутъ ли важность этого?

А теперь еще два слова объ упомянутой замѣткѣ Саликовскаго о Липинскомъ и польско-украинскихъ отношеніяхъ. Я прочиталъ ее съ удовольствіемъ. Украинской точки зрѣнія, которую подчеркнула «Русская Мысль», не усмотрѣлъ, а увидѣлъ просто общечеловѣческую, честную точку зрѣнія. Къ сожалѣнію, у русскихъ прогрессистовъ развилось какое-то раболѣпіе передъ поляками; никакъ не хотятъ они отдѣлится отстаиванія польской автономіи отъ заискиванія передъ всякимъ полякомъ. Между поляками столько же дряни, сколько и у насъ. И тамъ

¹⁾ Въ этомъ примѣчаніи редакция заявляетъ, что „не присоединяется къ „украинской“ позиціи автора“.

честные демократы вызываютъ отъ своихъ націоналистовъ такія же гоненія, какъ и въ Россіи. Пора бы уже относиться къ извѣстнымъ общественнымъ теченіямъ иначе и не смѣшивать въ кучу всѣхъ поляковъ. Пора называть всякую гадость, которую дѣлаютъ польскіе націоналисты, гадостью и не видѣть въ надлежащей оцѣнкѣ гадости какую-то особую украинскую, бѣлорусскую или литовскую точку зрѣнія.

Отправленіе Т. Г. Шевченка въ ссылку.

(Новые архивные документы *).

Высочайшее повелѣніе объ отдачѣ Т. Г. Шевченка рядовымъ въ военную службу было обращено къ исполненію слѣдующимъ письмомъ начальника III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи графа Орлова на имя военного министра князя Чернышева отъ 30-го мая 1847 года за № 876:

«Милостивый государь, Александръ Ивановичъ!

Художникъ с.-петербургской академіи художествъ Тарасъ Шевченко сочинялъ на малороссійскомъ языкѣ стихи, въ которыхъ то выражалъ плачь о мнимыхъ бѣдствіяхъ Украйны, то описывалъ славу гетманскихъ временъ и прежнюю вольницу казачества, присоединяя къ тому многія возмутительныя мысли, то изливалъ клеветы и желчь даже на Особы, къ которымъ обязанъ былъ питать чувство благоговѣйнаго уваженія.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: опредѣлить Шевченку рядовымъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ, съ правомъ выслуги подъ строжайшій надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.

О таковой Монаршей волѣ доводя до свѣдѣнія вашего сіятельства и препровождая при семъ подъ строгимъ арестомъ Шевченку, съ приложеніемъ находившихся при немъ метрическаго свидѣтельства и отзыва къ нему общества поощренія художествъ, для зависящаго съ вашей стороны распоряженія, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, удостоить меня увѣдомленіемъ, куда именно Шевченка будетъ отправленъ на службу».

Военный министръ, за котораго тогда временно управлялъ министерствомъ генераль-адъютантъ Адлербергъ, по полученіи приведеннаго письма того же 30-го мая, немедленно передалъ таковое для исполненія дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества Игнатьеву, поручивъ послѣднему доложить Адлербергу, что онъ, князь Чернышевъ, полагалъ бы отправить арестанта Шевченка къ мѣсту назначенія съ фельдъегеремъ.

*) Нѣкоторые изъ этихъ документовъ, разысканныхъ въ одномъ изъ архивовъ, еще не были въ печати, но представляютъ несомнѣнный интересъ, въ виду чего мы ихъ и оглашаемъ. *Ред.*

Дежурный генераль Игнатъевъ, сдѣлавъ тотчасъ же распоряженіе о томъ, чтобы Шевченко содержался при инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства въ арестанской комнатѣ подъ строгимъ присмотромъ, вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ по этому поводу командиру с.-петербургской крѣпости барону Зальцу за № 255:

«Милостивый государь, баронъ Владиміръ Ивановичъ.

Для содержанія подъ арестомъ одного секретнаго арестанта, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, приказать нарядить съ сего числа въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства одного часового изъ ближайшей къ департаменту гауптвахты. Постъ сей, по миновеніи надобности, немедленно будетъ упраздненъ и отмѣна его послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени».

Одновременно съ этимъ, «чтобы избѣгнуть посылки нарочнаго фельдъегеря собственно для доставленія этого арестанта», дежурный генераль запросилъ директора канцеляріи военнаго министерства Анненкова за № 256 и управляющаго департаментомъ военныхъ поселеній Притвица за № 256 о томъ, «не имѣется ли» во ввѣренныхъ имъ учрежденіяхъ «экстренной надобности въ отправленіи какихъ-либо бумагъ въ Оренбургскій край», и «если не настоятъ надобности въ этомъ теперь, то не предвидится ли ея въ скоромъ будущемъ»; причемъ присовокуплялъ, что «въ послѣднемъ случаѣ командированіе фельдъегеря съ арестантомъ можетъ быть повременено».

На докладной запискѣ по этому дѣлу, поданной дежурнымъ генераломъ того же числа управляющему военнымъ министерствомъ, генераль-адъютантъ Адлербергъ сдѣлалъ такую надпись: «Если у гг. Анненкова и Притвица нѣтъ экстренныхъ бумагъ, то надобно отправить Шевченко теперь же, незачѣмъ держать его подъ арестомъ, подъ которымъ онъ уже довольно долго сидитъ».

На указанный запросъ дежурнаго генерала директоромъ канцеляріи военнаго министерства въ тотъ же день было сообщено за № 5452, что по означенной канцеляріи «не предвидится въ скоромъ времени надобности къ отправленію бумагъ въ Оренбургскій край»; управляющій же департаментомъ военныхъ поселеній отъ 31-го мая за № 1614 увѣдомилъ, что «ко 2-му или 3-му будущаго іюня приготовлено будетъ къ отсылкѣ оренбургскому военному губернатору 6.680 руб. сер., которые не худо было бы доставить по принадлежности чрезъ посылаемаго въ тотъ край нарочнаго фельдъегеря». Но послѣднее увѣдомленіе получено въ министерствѣ лишь 1-го іюня, а между тѣмъ, вечеромъ 30-го мая «назначенный въ Оренбургъ фельдъегерь явился въ департаментъ военныхъ поселеній и получилъ отвѣтъ, что бумагъ, которыя могли бы быть съ нимъ посланы, не имѣется».

Въ виду этого, на слѣдующій же день, т.-е. 31-го числа, въ полдень, Шевченко былъ отправленъ по назначенію въ сопровожденіи фельдъегеря Видлера, причемъ въ препроводительной бумагѣ на имя командира отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Обручева отъ 30-го мая за № 303 управляющій военнымъ министерствомъ Ад-

лербергъ, указавъ вкратцѣ виновность Шевченка («сочиненіе возмутительныхъ стиховъ»), а равно изложивъ Высочайшее о немъ повелѣніе, просилъ увѣдомленія о томъ, «въ который изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ онъ будетъ зачисленъ».

Въ отвѣтъ на это, за отсутствіемъ генерала Обручева, заступавшій его мѣсто начальникъ 23-й пѣхотной дивизіи рапортомъ отъ 11-го іюня за № 26 донесъ, что «рядовой Тарасъ Шевченко, отданный въ военную службу изъ художниковъ с.-петербургской академіи художествъ за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, прибылъ въ Оренбургъ 9-го іюня, въ 11 часовъ пополудни, и зачисленъ въ оренбургскій линейный № 5 батальонъ, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора».

Что касается документовъ, которые были приложены къ вышеприведенному письму начальника III отдѣленія на имя военного министра за № 876, то вотъ ихъ точная копія:

1) Свидѣтельство.

По Указу Его Императорскаго Величества изъ Киевской Духовной Консисторіи дано сіе за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати художнику Императорской Академіи Художествъ, Тарасу Григорьеву сыну Шевченку въ томъ, что рожденіе его и крещеніе его въ метрической книгѣ Звенигородскаго уѣзда села Моринецъ при Богословской церкви подъ № 10, записано слѣдующими словами: тысяча восемь сотъ четырнадцатаго года февраля двадцать пятаго числа, у жителя села Моринецъ Григорія Шевченка и жены его Агафіи родился сынъ Тарасъ, молился и крестилъ того жъ мѣсяца двадцать восьмого числа Богословской церкви священникъ Алексѣй Базаринскій; воспріемникомъ былъ Григорій Ивановъ Дяденко села Моринецъ житель». Выдано же сіе свидѣтельство вслѣдствіе его прошенія для представленія при опредѣленіи его въ учителя рисованія. Киевъ. Декабря 23 дня 1846 года. Протоіерей Тимофей Сухобрусовъ. Секретарь Михаилъ Химемековъ. Помощникъ столоньчальника Пахомовъ. № 10745.

2) Высочайше утвержденное Общество Поощренія Художествъ. 25 ноября 1840 г. № 272.

Пенсіонеру Общества Поощренія Художествъ Шевченкѣ.

Извѣстясь о томъ, что Вы, за первый опытъ въ живописи, удостоились награжденія отъ Императорской Академіи Художествъ серебряной медали 2-й степени, Комитетъ Общества Поощренія Художествъ поставляетъ себѣ пріятною обязанностью изъявить Вамъ, сколь радостны для него успѣхи Ваши на избранномъ Вами поприщѣ, и если въ дальнѣйшихъ Вашихъ занятіяхъ по живописи Вы будете продолжать оказывать тоже прилѣжаніе и ревность къ искусству, то безсомнѣнно найдете въ Членахъ Комитета самыхъ усердныхъ и постоянныхъ одобрителей.

Вице-предсѣдатель Общества Поощренія Художниковъ (подпись неразборчива).

Художественныя произведенія Шевченка въ музеѣ украинскихъ древностей въ Черниговѣ.

О Т. Г. Шевченко какъ художникѣ у насъ мало знаютъ. Обширный и драгоцѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ музей украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

Немногимъ, вѣроятно, извѣстно о существованіи этого прекраснаго учрежденія. В. В. Тарновскій—нынѣ покойный—потратилъ много и энергіи, и средствъ на организацію музея; музей этотъ по богатству и разнообразію собранныхъ въ немъ историческихъ древностей, касающихся Украины, единственный въ своемъ родѣ. Здѣсь сосредоточены предметы, найденные во время раскопокъ, относящіеся къ доисторическому, княжескому и козацкому періодамъ,—оружіе, сбруя, утварь, клейноды, одежда, украшенія и проч. Здѣсь же представленъ и Шевченковскій отдѣлъ—оригинальныхъ, печатныхъ и фотографическихъ портретовъ и рисунковъ, рукописей, предметовъ коллекціи Шевченка; наиболѣе богатыми и цѣнными являются отдѣлы, посвященные рисункамъ и картинамъ Шевченка. Здѣсь собрано 285 его отдѣльныхъ рисунковъ и картинъ, два альбома съ полусотнею рисунковъ, 37 гравюръ и двѣ мѣдныя, награвированныя поэтомъ—художникомъ доски,—всего, считая нѣкоторые рисунки въ его рукописяхъ и фотографіи, около четырехсотъ произведеній,—матеріалъ обширный и драгоцѣнный для выводовъ о Шевченкѣ—художникѣ.

Трудно сказать, что болѣе увлекало Шевченка—поэзія или живопись. Когда по доносу въ апрѣлѣ 1850 г. у него сдѣланъ былъ обыскъ и взяты всѣ рукописи, книги и краски, мы знаемъ, по его письмамъ и воспоминаніямъ его друзей, почитателей и знакомыхъ, какъ много пришлось перестрадать поэту-художнику. Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ ссылки онъ самъ говоритъ: «Самое мучительное для меня то, что рисовать мнѣ не позволяютъ».

Поэзія Шевченка наполнена удивительно тонкими, изящными обрисовками внѣшней природы, богата чрезвычайно своеобразными художественными образами. Занося на бумагу изъ пережитаго и прочувствованнаго, Шевченко не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ по отношенію къ красотамъ природы. Екатерина Юнге, дочь президента академіи художествъ гр. Ѳ. П. Толстого, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что никто не былъ такъ чутокъ къ красотамъ природы, какъ Шевченко. Являясь неожиданно, послѣ обѣда, онъ говорилъ Юнге, тогда еще дѣвочкѣ-подростку: «Серденько мое, беріть карандашъ, та ідемо швиденько: тутъ я дерево знайшовъ, та ще яке дерево!» И дѣти шли съ нимъ, зарисовывали дерево, любовались вмѣстѣ съ поэтомъ—художникомъ закатомъ солнца, переливомъ тоновъ. «Не знаю,—говоритъ Юнге,—кто больше восторгался—мы, дѣти, или онъ, сохранившій въ своей многострадальной душѣ столько дѣтски-свѣжаго».

Какъ художникъ, Шевченко любилъ растительный міръ и даль ему много мѣста въ своихъ офортахъ. Съ именемъ Шевченко свя-

занъ единственный садикъ въ Александровскомъ фортѣ, въ мѣстѣ ссылки поэта въ 1852 году, когда фортъ этотъ назывался Ново-Петровскимъ; здѣсь гулялъ постоянный вѣтеръ, слышенъ былъ грозный гулъ морского прибоя; природа—мертвая, унылая, безотрадная. Садъ этотъ, насаженный, какъ говорятъ, по инициативѣ самого Шевченка,—единственный уголокъ среди мертвой степи.

Всюду, гдѣ приходилось жить Шевченку, онъ любовался живописной природой и зарисовывалъ ее въ свои альбомы.

Въ его офортахъ «Живописной Украины», въ рисункахъ, аквареляхъ—всюду на первомъ планѣ деревья и въ особенности его любимая верба. Двѣ дѣвчины,—одна съ ведрами на коромыслѣ, другая съ букетомъ («квитками») въ рукѣ, опущенной внизъ,—и неизмѣнная верба; слѣва ворота, справа возвышенность, на заднемъ планѣ два большихъ зданія и дерево (пейзажъ). Даже среди степи и тамъ безлистное дерево.

И въ стихахъ, и въ живописи природа служила для Шевченко какъ бы канвой, на которой онъ ткалъ свои художественные узоры. Любилъ онъ рисовать гурты селянъ: возлѣ пенька группа крестьянъ, лежащихъ, сидящихъ и стоящихъ; одинъ ѣстъ кашу изъ котелка. Вотъ вдовина хата на Украинѣ; пасѣка, дѣти несутъ отцу обѣдать; молодой парень курить, а возлѣ него мальчикъ съ граблями. Всѣ рисунки сдѣланы карандашомъ.

Пребываніе Шевченко въ Оренбургскихъ степяхъ, на Аральскомъ морѣ и въ Новопетровскомъ укрѣпленіи въ періодъ 1848 года до 2-го августа 1857 года какъ бы на-время отвлекаетъ вниманіе поэта-художника отъ его родной Украины, и онъ пишетъ и рисуеъ картины изъ жизни той мѣстности и той среды, среди которой пришлось жить или, лучше и правильнѣе говоря, коротать жизнь. Кара-Бутацкій фортъ между рѣками Орью и Иргомъ, Дустановы могилы съ рядомъ возвышеній среди степи, Джанъ-чысъ-агачъ съ одиноко торчащимъ деревомъ среди безлѣсной мѣстности горнаго перевала того же имени, урочище Раимъ, пристань на Сыръ-Дарѣ, Кучь-Араль со своими дико-живописными скалами, на одной изъ которыхъ сидитъ орелъ, вдали синѣетъ и тонетъ въ воздушныхъ переливахъ море и многіе другіе акварели и рисунки, гдѣ все та же уныло-дикая природа съ могилами по берегу моря, съ киргизами и кибитками даетъ наглядное представленіе о томъ уныло-сосредоточенномъ настроеніи, въ которомъ находился поэтъ-художникъ, лишенный возможности созерцать красоты своей родной Украины, дышать и упиваться ея мягкимъ, ласкающимъ воздухомъ. Но и здѣсь художникъ-поэтъ сумѣлъ найти мягкія краски и нѣжные тона. Нѣтъ здѣсь ничего кричащаго, грубаго, бьющаго на эффектъ,—и здѣсь, какъ въ прекрасномъ альбомѣ подъ № 144, рисунокъ удивительно нѣжный, вѣетъ какъ-будто Малороссіей, хотя ничего малороссійскаго нѣтъ, а степи унылыя и безотрадныя.

Цѣлый рядъ акварелей, рисованныхъ художникомъ-поэтомъ до ссылки (1841—47 гг.), даетъ наглядное и убѣдительное представленіе, до какихъ огромныхъ размѣровъ могъ бы развиться талантъ Шевченко какъ художника, будь онъ поставленъ въ

нѣсколько иныя условія. Присмотритесь къ рисунку хотя бы «батьковой хаты», какъ здѣсь все просто и удивительно мѣтко схвачено. Или вотъ, напримѣръ, акварель «Въ Густыни»,—удивительная свѣжесть тоновъ и красокъ!—Вознесенскій соборъ въ Переяславѣ, построенный гетманомъ Мазепою, «У Васылівци», «Комора въ Потокѣ». Заслуживаетъ большого вниманія Почаевская лавра—четыре акварели, написанныя въ 1846, — «Лавра з пивдня», «Лавра з заходу», «Терраса» и «Церква у середини». Рисунки эти сдѣланы были Шевченкомъ въ бытность его членомъ кievской археологической комиссіи, по порученію комиссіи, и предназначались тогда же для печати, но напечатаны не были.

По пути изъ Астрахани въ Нижній-Новгородъ (1857—59 гг.) Шевченкомъ зарисовано нѣсколько рисунковъ; всѣ рисунки на сѣромъ фонѣ съ надписями на нихъ рукою Шевченко.

Картинъ масляными красками немного: Катерина къ поэмѣ того же имени,—картина написана лѣтомъ 1842 г., какъ это видно изъ письма автора ея къ Г. С. Тарновскому,—голова молодого человѣка, повидимому, П. А. Кулиша въ молодости, портретъ княгини В. Репниной и украинецъ, уже пожилой, передѣланный портретъ генеральнаго судьи В. Л. Кочубея.

Любимымъ занятіемъ Шевченка были, какъ извѣстно, офорты. Въ музеѣ Тарновскаго ихъ имѣется около сорока; на двухъ мѣдныхъ доскахъ, гравированныхъ Шевченкомъ, изображены: на одной—«Судня рада», на другой—«Старосты»; обѣ предназначены были для «Живописной Украины».

Нельзя, однако, не пожалѣть, что публика такъ мало освѣдомлена о художественномъ талантѣ Т. Г. Шевченко хотя бы по копіямъ изъ его многочисленныхъ рисунковъ и картинъ, разбросанныхъ въ разныхъ музеяхъ и, главнымъ образомъ, въ музеѣ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ. Только въ послѣднее время въ Петербургѣ предпринято изданіе альбома рисунковъ Шевченка. Хорошо, конечно, и то, что начало сдѣлано: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Н. Степаненко.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи.

(Изъ старой тетради).

Хорошо встрѣчать утро на морѣ... Еще задолго до восхода солнца начинается свѣтлѣть востокъ. Уже чувствуется переходъ отъ ночи ко дню. Постепенно востокъ начинаетъ краснѣть, и красноватый отблескъ играетъ на волнахъ. Взоры невольно устремляются въ ту сторону, откуда ожидаешь появленія утонувшаго вчера въ морѣ дневного свѣтила. И вотъ, наконецъ, блеснулъ первый золотистый лучъ. За нимъ другой, третій... и медленно на поверхность моря выплываетъ золотой шаръ, а стыдливый румянецъ утренней зари постепенно исчезаетъ и тереится.

Но что принесло намъ утро? Мы все еще въ открытомъ морѣ. Безбрежное,—оно не даетъ намъ новыхъ впечатлѣній. Вода, небесный сводъ и нашъ маленькій пароходъ—вотъ и все, что мы видимъ.

— А вотъ и берегъ, вотъ Фортъ-Александровскъ,—сказалъ мнѣ капитанъ, когда я подошелъ къ рубкѣ.

Напряженно всматриваюсь я по его указанію, но ничего не вижу. Еще долго шелъ пароходъ, прежде чѣмъ я различилъ едва замѣтные силуэты горъ. Мы приближаемся къ нимъ, и все яснѣе и яснѣе видны онѣ. Вотъ уже раздѣлились горы, вотъ на одной горѣ видны бѣлыя зданія. Это Фортъ-Александровскъ, бывшее укрѣпленіе Ново-Петровское.

Мы подъѣзжаемъ близко къ берегу. Въ степи подъ горой, на которой стоитъ укрѣпленіе, виденъ садъ. Но пароходъ проѣзжаетъ мимо.

«Прощай, Фортъ-Александровскъ!»—подумалъ я, а такъ хотѣлось посмотрѣть на это мѣсто, гдѣ нѣкогда великій народный поэтъ влачилъ жалкое существованіе въ качествѣ рядового мѣстныхъ войскъ.

Да, это было именно «жалкое» существованіе. Въдѣ здѣсь Шевченку категорически было воспрещено заниматься любимымъ дѣломъ—литературой, и это распоряженіе проводилось со всей строгостью. Въ «Кобзарѣ» мы находимъ только одно стихотвореніе — «Москалева криниця»,—написанное Шевченкомъ въ Ново-Петровскомъ. И это за семь лѣтъ пребыванія его тамъ!

Вдругъ пароходъ нашъ круто поворачиваетъ, мы въѣзжаемъ въ бухту, бросаемъ якорь среди цѣлой флотилии большихъ и малыхъ лодокъ.

Передъ нами на плоскомъ песчаномъ берегу—станція Николаевская. Она заселена еще въ 1849 году крестьянами разныхъ губерній и казаками Оренбургскаго, Уральскаго и Астраханскаго войскъ и съ тѣхъ же поръ стала рыбацкимъ поселкомъ. Бесплодная степь не даетъ возможности заниматься земледѣліемъ, и приходится населенію бросаться въ море, искать улова. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что море щедро награждаетъ отважныхъ рыбаковъ, и живутъ они зажиточно. Во всей слободѣ, однако, нѣтъ ни деревца, ни кустарника,—желтый песокъ да морскія раковины окружаютъ его со всѣхъ сторонъ.

Версты три нужно ѣхать степью до самаго укрѣпленія, которое взгромоздилось на высокой скалѣ и властвуетъ надъ всей степью. Невелико оно и скучно. Монотонно и тоскливо течетъ жизнь тамъ, особенно зимою, когда только разъ въ мѣсяцъ пароходъ приноситъ вѣсти изъ остального міра. И это въ исходѣ 19-го столѣтія (1899-й годъ). Что же было тамъ, когда присланный изъ оренбургскихъ степей Тарасъ Шевченко вступилъ на этотъ негостеприимный берегъ? Какъ должна была сжаться его поэтическая душа среди этой мертвой природы! И мудро ли, что Шевченко мѣсто это называлъ «незамкнутой тюрьмою»? Въ станицѣ Николаевской я видѣлъ живыхъ свидѣтелей пребыванія здѣсь Т. Шевченко, но все это старики, ко-

торые ничего повѣдать мнѣ не могли. Да и не занимала ихъ въ свое время личность Шевченка,—разжалованнаго, какъ они называли, майора.

Вещественную память о себѣ оставилъ Шевченко устройствомъ сада вблизи укрѣпленія, подъ горой, гдѣ онъ воткнулъ, для почина, вербу. Теперь этотъ садъ, именуемый садомъ Шевченка, является единственнымъ мѣстомъ отдохновенія здѣшнихъ жителей,—отдохновенія отъ палящей жары или отъ мелкой пыли, вздымаемой дующими здѣсь вѣтрами. Въ этомъ саду стоятъ двѣ кибитки, въ которыхъ общество собирается и проводитъ свои вечера. Здѣсь, въ саду Шевченка, обыватели Форта-Александровска собирались въ маѣ прошлаго (1898) года, чествуя столѣтіе со дня рожденія Пушкина, и, вѣроятно, ни въ одномъ углу Россіи съ чествованіемъ памяти Пушкина не было связано такъ тѣсно имя другого великаго поэта.

Шевченко далъ мѣсто Пушкину въ своемъ саду, который самъ взрастилъ и въ которомъ, быть можетъ, уронилъ не одну горькую слезу.

К. Оберучевъ.

Библіографія.

Систематическій указатель журнала „Кіевская Старина“ (1882—1906). Изданіе Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Составленъ членами Комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и Б. Д. Чигринцевымъ. Стр. 219. Полтава, 1911. Цѣна 1 руб.

Давно уже среди лицъ, занятыхъ изученіемъ связанныхъ съ украинствомъ вопросовъ, ощущалась крайняя необходимость въ указателѣ къ журналу «Кіевская Старина». Вышедшій въ свое время указатель за первое десятилѣтіе существованія журнала, не говоря уже объ его полнотѣ, не могъ удовлетворять назрѣвшей потребности еще и потому, что очень быстро исчезъ изъ оборота, сдѣлавшись библіографической рѣдкостью. Другія попытки составленія полнаго указателя, какъ, напримѣръ, попытка покойнаго Доманицкаго, не были доведены до конца, и результаты ихъ не появились въ печати. Поэтому изданіе Полтавской архивной комиссіи является вполне своевременно, заполняя указанный пробѣлъ въ области украиновѣднія.

«Кіевская Старина» представляетъ собой цѣлую знаменательную полосу въ исторіи украинства въ Россіи, и исторія журнала неразрывно и органически связана съ тѣмъ положеніемъ, какое въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій занимало здѣсь украинство. Желательно было бы имѣть не только указатель, но и возможно подробную исторію возникновенія, развитія и вообще существованія журнала, — и мы увѣрены, что подобный историческій очеркъ сохранилъ бы много весьма любопытныхъ эпизодовъ, характеризующихъ положеніе украинства въ близкое къ намъ время. Нужно надѣяться, что такой очеркъ будетъ данъ кѣмъ-либо изъ лицъ, близко стоявшихъ къ изданію и хорошо знакомыхъ не только съ его содержаніемъ и официальной, такъ сказать, стороною, но и съ тѣми закулисными отношеніями и вліяніями, которыя такъ или иначе отражались на фізіономіи журнала. Одна вѣдь цензурная сторона чего стоитъ и какъ много, навѣрное, она можетъ дать матеріала къ исторіи цензурныхъ мытарствъ украинскаго слова!..

«Кіевская Старина»,—долгое время единственный въ провинціи частный толстый журналъ,—возникла въ 1882 году по почину и подъ редакторствомъ Ѳ. Г. Лебединцева. Будучи единоличнымъ предпріятіемъ Лебединцева, «Кіевская Старина», какъ изданіе, посвященное исключительно мѣстнымъ украинскимъ интересамъ, тѣмъ не менѣе сразу же привлекла къ себѣ всѣ выдающіяся украинскія ученія и литературныя силы, послѣ закрытія въ 1876 г. Юго-западнаго отдѣла русскаго Географиче-

скаго общества не находившія себѣ непосредственнаго приложенія. Послѣ смерти Лебединцева и его замѣстителя, А. С. Лашкевича, журналъ въ 1889 г. переходитъ къ группѣ украинцевъ, редактируясь сначала Е. А. Кивлицкимъ, а затѣмъ, съ 1892 г. и до конца, В. П. Науменко. Уже одинъ бѣглый просмотръ лежащаго предъ нами указателя журнала за 25 лѣтъ его существованія показываетъ, какую колоссальную работу по украиновѣднію выполнилъ журналъ и сколько дѣйствительно цѣннаго матеріала онъ собралъ за четверть вѣка своего существованія. Достаточно сказать, что между его сотрудниками разновременно находимъ такихъ извѣстныхъ въ наукѣ и литературѣ лицъ, какъ В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалъй, П. Голубовскій, Б. Д. Гринченко, М. С. Грушевскій, Н. И. Дашкевичъ, М. П. Драгомановъ (подъ разными псевдонимами), А. Я. и П. С. Ефименки, П. И. Житецкій, В. Г. Короленко, Н. И. Костомаровъ, А. Е. Крымскій, А. А. Лазаревскій, И. С. Левицкій, О. И. Левицкій, Г. Л. Мачтетъ, Марко Вовчокъ, В. А. Мякотинъ, К. И. Михальчукъ, П. Мирный, В. П. Науменко, Д. Н. Овсянко-Куликовскій, В. Н. Перетць, Н. И. Петровъ, А. А. Потєбня, А. А. Русовъ, Н. О. Сумцовъ, И. Я. Франко и многіе другіе болѣе или менѣе замѣтные дѣятели науки и литературы. Цѣлый рядъ цѣнныхъ въ научномъ отношеніи монографій, изслѣдованій и матеріаловъ,—въ особенности по исторіи, исторіи литературы и этнографіи,—появился на страницахъ «Кіевской Старины». Говорятъ, что одинъ изъ руководителей журнала, покойный Лазаревскій, всегда съ гордостью указывалъ на полки своей библіотеки, уставленныя томами «Кіевской Старины»,—и эта гордость имѣла подъ собою совершенно понятныя основанія. При ограниченныхъ до крайности средствахъ, трудами и усиліями частныхъ лицъ была создана цѣлая библіотека по украиновѣднію, солидный научный органъ, долгое время служившій единственнымъ пристанищемъ украинской науки. Миновать эту библіотеку не можетъ ни одно лицо, серьезно интересующееся судьбами украинской науки и родного слова, а тѣмъ болѣе работающее въ какой-либо области украиновѣднія.

Время, въ теченіе котораго выходила «Кіевская Старина», въ особенности 80-е и первая половина 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія, было самымъ мрачнымъ временемъ въ исторіи украинскаго движенія. Послѣ разгрома 70-хъ годовъ, произведеннаго тяжелой памяти указомъ 18-го мая 1876 г., украинство въ Россіи и въ научныхъ, и въ литературныхъ, и въ общественныхъ проявленіяхъ осталось совершенно безъ позиціи, безъ представительства, безъ органовъ. Научныя, литературныя и общественныя силы растеклись, не находя себѣ приложенія, такъ какъ идея перенесенія всей дѣятельности на болѣе свободную почву, въ Галичину, на первыхъ порахъ находила не много послѣдователей. Литературная продукція пала до минимума, общественная жизнь замерла. Воцарилась темная, гнетущая реакція, появились упадочныя теоріи «безполитической культуры», «малыхъ дѣлъ» въ области украинства и тому подобныя проявленія общественной апатіи и

отчаянія. Въ это тяжелое до полной безпросвѣтности время «Кіевская Старина» явилась первой попыткой собрать, по крайней мѣрѣ, научныя силы, создать центръ для научной работы, которая своими выводами и изслѣдованіями должна была въ концѣ-концовъ способствовать и общественному пробужденію. Среди всеобщаго разброда это было дѣйствительно реальнымъ дѣломъ, и что касается научной работы, журналу, несомнѣнно, удалось достигнуть крупныхъ результатовъ. Концентрація научныхъ силъ дѣйствительно состоялась и въ теченіе почти двухъ десятилѣтій, до замѣтнаго развитія научной работы въ молодомъ «Товариствѣ імени Шевченка у Львові», «Кіевская Старина» являлась единственнымъ украинскимъ научнымъ изданіемъ, единственной трибуной, съ которой могли раздаваться голоса украинскихъ ученыхъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ, съ развитіемъ научной работы въ Львовѣ, это значеніе начинаетъ понемногу отходить на второй планъ, но зато выдвигаются на первый чисто общественныя заслуги журнала.

Въ концѣ 90-хъ годовъ, послѣ долгихъ и безрезультатныхъ ходатайствъ, «Кіевская Старина» получила, наконецъ, разрѣшеніе печатать украинскую беллетристику. Одновременно и отдѣлъ замѣтокъ пополняется—по инициативѣ и преимущественно трудами безвременно скончавшагося В. Н. Доманицкаго—текущими извѣстіями. Это было время перелома въ исторіи журнала; все громче, увѣреннѣе начинаетъ звучать въ немъ публицистическая нотка, по мѣрѣ возможности начинаютъ затрагиваться и освѣщаться большыя вопросы современности, нужды и потребности украинскаго народа. Украинское общество въ Россіи получило, наконецъ, свой органъ, который сдѣлался единственнымъ пристанищемъ гонимой украинской литературы и не существовавшихъ доселѣ критики и публицистики (послѣднія—по необходимости—на русскомъ языкѣ). Во многихъ отношеніяхъ это былъ, конечно, органъ, весьма далекій отъ совершенства, наиболѣе вопіющихъ вопросовъ онъ не могъ вовсе касаться, о многомъ принужденъ былъ высказываться эзоповскимъ языкомъ, но... по внѣшнимъ условіямъ нашей общественности инымъ въ то время онъ и не могъ быть. Украинское общество, проживъ около полустолѣтія со времени прекращенія «Основы» возвращалось на прежнюю позицію... Что и говорить,—это было крайне печальное обстоятельство, но по сравненію съ мрачной реакціей 80-хъ и начала 90-хъ годовъ даже и такой двуязычный органъ являлся все-таки замѣтнымъ шагомъ впередъ. «Кіевская Старина», при всѣхъ ея недочетахъ и недостаткахъ все-таки успѣла оказать крупныя услуги украинскому обществу, служа постояннымъ напоминаніемъ о необходимости настоящей, не половинчатой украинской прессы. И когда возникла послѣдняя, почтенный журналъ со спокойной совѣстью могъ сказать: «нынѣ отпускаеши»,—правда, только какъ органъ общественной жизни, ибо научное его значеніе, къ сожалѣнію, не вполне возмѣщено и до настоящаго времени.

Ужъ изъ этихъ бѣглыхъ замѣчаній можно представить, какой необходимостью является историческій очеркъ такихъ изданій, какъ «Кіевская Старина», не говоря уже объ «Основѣ». Отмѣчая выходъ добросовѣстно составленнаго указателя «Кіевской Старины» (слѣдовало бы, можетъ быть, раскрыть псевдонимы хотя бы умершихъ сотрудниковъ), выскажу пожеланіе, чтобы онъ явился прелюдіей къ такимъ, повторяю, крайне необходимымъ историческимъ очеркамъ изъ недавняго прошлаго Украины.

Е. Ефремовъ.

Slovanstvo, obraz jeho minulosti a prítomnosti. V Praze. 1912. Сmp. XV+777).
(Славянство, его прошлое и настоящее).

Четыре года назадъ въ Прагѣ подъ крикъ воинствующаго націонализма и шума «неославянскихъ» фанфаръ зародилась идея изданія книги, заглавіе которой приведено выше. Задача книги, состоящей изъ ряда монографій,—познакомить славянство... съ самимъ собою. Историческое развитіе славянства, политическія, церковныя, литературныя отношенія отдѣльныхъ славянскихъ народовъ,—вотъ краткое содержаніе книги, долженствующей, по мысли ея издателей, стать настольной энциклопедіей славянства.

«Славянство» открывается предисловіемъ д-ра К. Крамаржа. Это предисловіе, содержащее, такъ сказать, философію неославизма, доказываетъ лишній разъ, что господа неославысты ничего не забыли и ничему не научились. Тѣ же фразы о «великихъ іюньскихъ дняхъ» въ Прагѣ, о «задачахъ славянства» (какъ-будто славянство имѣетъ какія-нибудь общія задачи?), объ «общемъ врагѣ», подъ которымъ подразумѣвается, конечно, «нѣмецъ», такъ какъ... «сильнѣе кошки звѣря нѣтъ», и т. д.

Для насъ, украинцевъ, которые знаютъ звѣрей посильнѣе кошки, всѣ эти возгласы о «славянской солидарности» и «общемъ врагѣ» звучатъ нѣсколько комично. Комичною представляется и вся философія неославизма, развиваемая д-ромъ Крамаржемъ. Основною неославизма, по мнѣнію Крамаржа, является культурное (отнюдь не политическое) единеніе «братьевъ славянъ» подъ гегемоніей Россіи. Правда, первыя же попытки славянъ сговориться между собою окончились довольно печально, а послѣ софійскаго съѣзда вообще отчеты о славянскихъ конгрессахъ печатаются уже не въ отдѣлѣ «политика», а въ «chronique scandaleuse», но это отнюдь не обезкураживаетъ Крамаржа, твердо вѣрящаго въ «великое будущее» неославянской идеи... О томъ, какъ вождь неославизма понимаетъ эту идею, свидѣтельствуеетъ ясно, между прочимъ, одно мѣсто изъ предисловія. На стр. X д-ръ Крамаржъ, осуждая современный русскій націонализмъ, совѣтуетъ русскимъ для пріобрѣтенія довѣрія славянъ, особенно же поляковъ, дать свободу полякамъ, а взаменъ добиться свободы для «малороссовъ» въ Галиціи... Для каки хъ малороссовъ добивались свободы въ Галиціи русскіе неославысты (а также и д-ръ Крамаржъ), не составляетъ тайны, не составляетъ тайны и то, къ какимъ галицкимъ

«малороссамъ» питаетъ особенную симпатію д-ръ Крамаржъ. А зная все это, ясно станеть, за чей счетъ должно быть, по мнѣнію д-ра Крамаржа, заключено соглашеніе между русскими и поляками. И это называется «великой идеей»!

Въ монографіяхъ достаточно мѣста удѣлено украинцамъ. Достаточно подробно рассказано объ украинскомъ литературномъ движеніи, объ украинскомъ возрожденіи. Однако, своеобразная неославистская концепція исторической роли славянства отразилась и на отдѣльныхъ монографіяхъ, въ особенности же посвященныхъ украинцамъ. Такъ, напримѣръ, очень много говорится о политическомъ движеніи среди галицкихъ украинцевъ, объ украинскихъ политическихъ партіяхъ въ Галиціи и Буковинѣ и ни слова объ украинскомъ политическомъ движеніи въ Россіи. Также точно находимъ довольно обстоятельную монографію о положеніи школьнаго дѣла на Украинѣ австрійской; Украинѣ же російской посвящено по этому вопросу только пять строчекъ.

Также точно очеркъ о развитіи украинской журналистики въ Россіи помѣщенъ почему-то въ отдѣлѣ, трактующемъ о русской прессѣ. Отразились неославистскія идеи и на монографіяхъ, посвященныхъ полякамъ. Напримѣръ, д-ръ Кадлецъ не находитъ словъ похвалы полякамъ за ихъ лояльную политику въ Ш Думѣ. По мнѣнію автора, это служить доказательствомъ здраваго политическаго смысла польскаго народа. Много выиграла бы книжка, если бы вмѣсто главы о сокольскомъ движеніи славянства была дана глава объ его экономическомъ развитіи.

Въ общемъ и цѣломъ, оставляя въ сторонѣ предисловіе и нѣкоторую тенденціозность и недостатки отдѣльныхъ, въ особенности украинскихъ монографій, «Славянство» можетъ дать много полезныхъ свѣдѣній інформаціоннаго характера.

Дм. Донцовъ.

Студії з поля суспильнихъ наукъ і статистики. Вид. стат. ком. при Науковому товаристві ім. Шевченка. Т. I і II. Лвів. 1909 і 1910.

Научная работа по украиновѣдѣнію, достигшая уже за короткій періодъ времени цѣнныхъ результатовъ въ области исторіи, этнографіи, фольклора и другихъ смежныхъ съ ними наукъ, оставляла внѣ сферы своего вѣдѣнія сложную экономическую область, тѣсно связанную съ проявленіями національной жизни. Если и появлялись до сихъ поръ изслѣдованія по отдѣльнымъ экономическимъ вопросамъ, то они не носили характера планомѣрной научной разработки данныхъ въ этой сферѣ явленій. Здѣсь не мѣсто выяснять, въ чемъ лежитъ причина такого односторонняго направленія научной инициативы и творческой энергіи, — въ историческомъ ли ходѣ національной жизни, или въ личныхъ стремленіяхъ и склонностяхъ отдѣльныхъ работниковъ на нивѣ научной; но несомнѣнно, что немалую роль сыграло въ этомъ случаѣ отсутствіе пристанища и покровительства со стороны официальной науки. Давно уже чувствовалась потребность въ органѣ, который сгруппиро-

валь бы вокругъ себя отдѣльныхъ работниковъ, и настоящіе два тома «Студій з поля наукъ суспильнихъ і статистики» прекрасно выполняютъ эту задачу. Соединяя въ себѣ труды какъ галицкихъ ученыхъ, такъ и молодыхъ экономистовъ російской Украины, эти коллективные сборники какъ бы наглядно опровергають ходячее мнѣніе о неизбѣжномъ антагонизмѣ обѣихъ частей Украины.

Переходя къ содержанию сборниковъ, нельзя не отмѣтить серьезнаго значенія помѣщенныхъ тамъ отдѣльныхъ статей. В. Панейко въ строго-научномъ изложеніи знакомитъ въ первомъ томѣ съ новыми теченіями въ статистической наукѣ, выразившимися въ реакціи противъ кетлетизма; во второмъ же томѣ прослѣживаеь развитіе рационализма и реализма въ пониманіи соціальныхъ явленій. Большой интересъ представляетъ обширная работа проф. Дністрянскаго о національной статистикѣ, гдѣ авторъ даетъ обстоятельный анализъ понятія національности въ статистикѣ и приходитъ во второй части своего изслѣдованія къ выводу, что національность есть результатъ историческаго процесса, въ которомъ проявляются два важнѣйшихъ фактора: природа и культура. Экономическая дѣйствительность Украины нѣкоторыми своими сторонами представлена въ статьяхъ М. Гехтера; В. Дорошенко же сдѣлалъ цѣнную сводку изъ матеріала, собраннаго въ книгѣ Б. Веселовскаго «Исторія земства за 40 лѣтъ», относительно земской жизни на Украинѣ.

Если не считать украинскихъ изданій, то надо признать, что среди широкой русской публики распространено вообще одностороннее воззрѣніе на научную работу въ области украиновѣдѣнія. Настоящее изданіе вполне способно разсѣять всякое въ этомъ отношеніи недоувѣріе и подозрѣніе. Украинская научная нива не богата постоянными работниками, ибо слишкомъ сильно еще у насъ обаяніе чужого поля и чужой культуры. Между тѣмъ изученіе хотя бы только экономической жизни Украины должно повести къ разрѣшенію многихъ общественныхъ вопросовъ, связанныхъ съ тенденціями капиталистическаго производства. Отмѣтимъ здѣсь тотъ интересъ въ этомъ отношеніи, какой должно представляеть, напр., сельскохозяйственное производство. По компетентному указанію Зомбарта въ «Современномъ капитализмѣ», «нѣкоторыя стороны сельскохозяйственнаго производства обнаруживаютъ въ своемъ строеніи настолько рѣзкую локальную окраску, что было бы недопустимо не подвергнуть ихъ самостоятельному разсмотрѣнію (разсмотрѣнію съ точки зрѣнія своеобразности)».

И. Л—скій.

„Великая Россія“. Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Книга II. Москва. Изд. В. П. Рябушинскаго. Ц. 2 р.

Апология сильной государственной власти, опирающейся на чрезмѣрно усиленный милитаризмъ, идея экономическаго разви-

тія въ сторону увеличенія суммы національныхъ цѣнностей безотносительно къ равномерности ихъ распредѣленія, служенія всѣхъ составныхъ элементовъ государства задачамъ и цѣлямъ общенациональной мощи,—вотъ основныя идеи, проникающія собою всѣ статьи этого сборника. Большинство ихъ нихъ написано на спеціальныя темы—по военнымъ и морскимъ вопросамъ, и мы не станемъ заниматься ихъ разборомъ. Для насъ важно совершенно другое — отмѣтить тотъ широко-имперіалистскій и агрессивный духъ и тенденции, какіе проникаютъ сборникъ. Съ этой точки зрѣнія онъ представляетъ общественный интересъ, какъ проявленіе опредѣленнаго и ясно обозначившагося идейнаго теченія среди нѣкоторой части русскаго общества. Западная Европа въ переживаемый нами моментъ также захлестнута волной воинствующаго націонализма и служенія широкимъ имперіалистскимъ задачамъ, но тамъ уже намѣчается кризисъ существующихъ государственныхъ формъ, усиливается стремленіе къ болѣе совершенной, федеративной, организаціи государства; у насъ же какъ бы заднимъ числомъ переживаются уже устарѣлая и отмирающія идейныя теченія. Чтобы уяснить это, нѣтъ надобности перечислять послѣднія воплощенія русской узконационалистической политики; достаточно вспомнить о финляндскомъ законопроектѣ, о холмскомъ и др. Вполнѣ понятны такія проявленія активной политики централизма для русской государственной власти, которая на протяжении всей исторіи нигдѣ не отступала отъ нея, но тѣ же самыя идеи представляются крайне странными въ устахъ людей, причисляющихъ себя къ прогрессивному лагерю. Надо думать, однако, что именно духъ централизма и служенія государству, какими проникнуть историческій процессъ развитія російской государственности, и сказывается въ такой психологіи русскаго интеллигента. Невольно вспоминается по этому поводу цѣнное замѣчаніе Драгоманова въ его «Исторической Польшѣ и великорусской демократіи». Онъ говоритъ тамъ: «Ни школа, ни литература великорусская не благопріятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая бы должна привести образованіе общества къ ученію о федеративномъ устройствѣ, а благопріятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно-государственной, которая приводитъ къ ученіямъ централистическимъ и сепаратистическимъ»... Это вполнѣ справедливое указаніе Драгоманова даетъ нѣкоторый ключъ къ объясненію того несправедливаго отношенія, какое встрѣчаетъ между прочимъ и украинское національное движеніе со стороны нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ круговъ. Въ идеи сепаратизма оно имъ не представляется. И это, конечно, глубокое и очень печальное заблужденіе. Только преодолѣніе такой государственной точки зрѣнія даетъ прочную опору для справедливаго отношенія къ правамъ многочисленныхъ національностей, населяющихъ Россію. И не агрессивная идея имперіализма, а солидарное сожителство національностей на разумныхъ государственныхъ началахъ сможетъ создать дѣйствительно «Великую Россію».

Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1912 годъ. Спб. Изданіе редакціи газеты «Рѣчь». Среди богатаго и разнообразнаго матеріала, помѣщеннаго въ «Ежегодникъ» и представляющаго изъ себя обзоръ событій истекшаго года въ области политики, управленія, суда, законодательства, общественной жизни, науки, литературы, искусства и т. д., помѣщена и небольшая замѣтка объ украинской жизни, написанная М. Жученко (стр. 373—375). Какъ газетная статья, замѣтка г. Жученко вполне удовлетворяетъ требованіямъ, предъявленнымъ къ новогоднимъ газетнымъ обзорамъ: авторъ обнаруживаетъ знаніе украинской жизни, умѣетъ выбрать изъ нея наиболѣе замѣтные, характерные факты и освѣтитъ ихъ съ надлежащею объективностью.

Между прочимъ, авторъ констатируетъ «отрадный для украинскаго общества подъемъ интереса къ украинству со стороны русскихъ прогрессивныхъ круговъ. Украинскому движенію удѣляется значительно больше вниманія въ русской прессѣ и обществѣ, болѣе чутко относящихся теперь къ текущимъ явленіямъ украинской жизни. На русскомъ языкѣ появляется цѣлый рядъ статей по украинскому вопросу; для постояннаго ознакомленія русскаго общества съ украинствомъ организуется съ наступающаго года изданіе журнала на русскомъ языкѣ «Украинская Жизнь». Вообще украинскій вопросъ занялъ опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ насущныхъ вопросовъ общерусской жизни. И самыя нападки и яростная травля украинства со стороны реакціонно-шовинистической прессы, особенно усилившіяся въ послѣднее время, являются лучшимъ доказательствомъ завоеванія украинствомъ прочныхъ позицій».

Едва ли, однако, статья г. Жученко можетъ быть признана отвѣчающей своему назначенію, если примѣнить къ ней тѣ требованія, какія должны быть предъявлены къ обзорамъ такого типа ежегодника, какимъ является изданіе «Рѣчи». Редакція, приступая къ изданію «Ежегодника», имѣла намѣреніе «значительно расширить и углубить задачу», выполняемую обычными газетными новогодними обзорами событій истекшаго года, «давъ въ руки читателя, рядомъ съ освѣщеніемъ событій истекшаго года, болѣе или менѣе полный фактической перечень ихъ». Это стремленіе редакціи по отношенію къ обзору украинской жизни не выполнено, и статья г. Жученко ни въ коемъ случаѣ не можетъ претендовать на роль справочника: фактическое содержаніе статьи не охватываетъ собой всѣхъ важнѣйшихъ событій и явленій украинской жизни и далеко отъ того, чтобы за нею можно было признать значеніе «болѣе или менѣе полнаго перечня ихъ». Привѣтствуя введеніе редакціей «Рѣчи» въ «Ежегодникъ» обзора украинской жизни, пожелаемъ, чтобы обзоръ этотъ въ будущемъ году былъ болѣе полнымъ и ближе отвѣчалъ фактическому содержанію событій этой жизни.

С. П—ра.

СОДЕРЖАНІЕ УКРАИНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Літературно-Науковий Вістник» за январь 1912 г. Леся Украинка. Хвиля,—М. Коцюбинський. Тіни забутих предків, опов.,—О. Олесь. Тихого вечера,—В. Панейко. Історіософія Канта,—О. Кобилянська. Через кладку, пов.; К. Широцький. На руїнах Бакоти,—Гр. Чупринка. Сини землі Апотеоз,—Мак. Сендерко. Протестанти хрон.—Мих. Грушевський. На українські теми, —П. Тичина. Поезії,—М. Евшан. Здобутки укр. літер. за 1911 р.—Д. А. Укр. артист. вистава у Києві,—М. Вороний-Очам,—П. Тенянюк. Поезії,—Фр. Містраль. Спогадота, оповідання,—М. Залізняка. Головні федерації сучаснаго світа,—Шоломъ-Алейхемъ. Німець, оповідання,—М. Гехтеръ. Українське життя въ 1911 р.—Spectator Епилюг Мароканської справи.—Бібліографія.

Українська Хата». Літературно-Громадський Український місячник. За январь. Гр. Чупринка. Погрози,—М. Чернявський. Requiem,—Ол. Неприцький-Грановський. З циклю «Осінні узори»,—П. Богацький. В обіймах минулого,—Вол. Свидзінський. Поезія,—Гал. Журба. Коняка (оповіданнє),—Гр. Чупринка. Микола Вороний (Поетичні вражіння),—М. Евшан. Плач над упадком літератури,—Одарка Романова. Липи въ гаю,—М. Сріблянський. Проблема культури,—А. Товкачевський. Проблема культури,—Ол. Авратинський. Перша Українська Артистична виставка.—Бібліографія.

«Світло» Український педагогічний журнал. За январь 1912 года.

З новим роком,—Гр. Наш. Про навчання дітей рідкій історії,—А. Курилас. Про вищі селянські школи въ Данії,—Е. Чарнолуцька. Мистецтво въ школі.—Ю. Ттрижавський. Замість магнатів.—З біжучого життя: з практики народньої школи свящ. К. Шаравського: Становище початкової освіти въ київському земстві,—С. Русової. Шкільна хроніка. Критика и бібліографія.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

П. Понятенко. Культура, національність та асиміляція в їх взаємних стосунках. Видавництво «Зоря». № 12. Київ. 1912. Цѣна 20 к.

С. П. Шелухинъ. Н. В. Гоголь и Малорусское Общество. (Отдѣльный оттискъ изъ сборника, изданнаго Императорскимъ Новороссійскимъ Университетомъ, по случаю столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя). Одесса. 1909. Цѣна 25 к.

О. Плющ. Твори. Т. II. Одесса. 1912. Цѣна 60 к.

М. Філянскій. Calendarium. 1911. Москва. Цѣна 75 к.

Ө. В. Синицынъ. Несподіване щастя (гамарство). Комедія на 4 дії. Симферополь. 1910. Цѣна 75 к.

Микола Михновський. Лірика. Київ. 1912. Цѣна 50 к.

Звіт Одеського Українського Клуба за 1910 р. Одесса 1911.

Звіт діяльності музич-драматичної Спілки «Українська Хата» въ Одесі. За 1911 рік. Одеса. 1912 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ на ЖУРНАЛЫ

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“),

ежемесячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

Сорокъ четвертый годъ изданія.

Журналъ ДОПУЩЕНЪ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1912 г. журналъ „ЮНАЯ РОССИЯ“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“) дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и пр.

Бесплатныя приложенія: 1. Отечественная война 1812 г. „Воспоминанія сержанта французской арміи о двѣнадцатомъ годѣ“,—Поля Кетена,—въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой. 2. Литературно-художественные рассказы, сцены и картины. 3. Басни и стихотворенія образцовыхъ русскихъ писателей.

II **Левъ Александровичъ Мей.** 1. Литературно-біографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета и избранныхъ стихотвореній Л. А. Мея. Сост. Д. И. Тихомировъ. 2. Историческія сказанія изъ русской жизни: Отчего перевелись витязи на святой Руси. Лѣшій. Волхвъ. Пѣсня про боярина Коловрата. Александръ Невскій. Вѣче во Псковѣ (изъ времянь Ивана Грознаго). Спаситель (изъ жизни Алексѣя Михайловича). 3. Библейскіе рассказы: Самсонъ. Юдиѣ. Эндорская прорицательница. Отойди отъ Меня, сатана. Отроковица. Слѣпорожденный.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

Сорокъ четвертый годъ изданія.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжк. до 5 лист.

Подписная цѣна на оба журнала 6 р. на годъ съ пересылкой, безъ пересылки 5 р.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: за страницу 40 р., за 1/2 страницы 20 р., за 1/4 страницы 10 р., за 1/8 страницы 5 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „ЮНАЯ РОССИЯ“ и „Педагогическій Листокъ“ организованы книжныя склады изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека; 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Въ годъ
4 р. 50 к.
безъ пересылки.
5 р. съ пересылкой.
За границу 7 р.

1 р. 75 к.
безъ пересылки.
2 р. съ пересылкой.
За границу. 3 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1912 годъ (7-й годъ изданія)

на большую политическую, общественную и литературную газету

„ЮЖНАЯ ЗАРЯ“

(основана П. Г. ГЕЗЕ),

издающуюся въ гор. Екатеринославѣ подъ ред.
А. Я. ЕФИМОВИЧА, изд. Т-во «Южная Заря».

Условія подписки съ доставкой и пересылкой.

На 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
6 руб.	р. к.										
	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 60	2 10	1 70	1 20	— 70

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Екатеринославъ, Упорная, д. Шабада.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ

„О Г Н И“

ЦѢНА съ доставкой и пересылкой въ РОССІИ:

по 1-е Января 1913 г.—2 руб., по 1-е Юля 1912 г.—1 руб., по 1-е
Апрѣля 1912 г.—50 к. Номера за 1911 г. (съ № 1-го отъ 30-го Сен-
тября) высылаются за 40 коп.

Идя навстрѣчу желаніямъ подписчиковъ, редакція предлагаетъ всѣмъ подписавшимся на 1912 г. о всякихъ желательныхъ для нихъ нововведеніяхъ, измѣненіяхъ и пр. какъ въ программѣ, такъ и въ веденіи журнала сообщать редакціи письменно, дѣлая помѣтку на конвертѣ: *лично редактору.*

Такія письма должны обязательно сопровождаться полной подписью и адресомъ автора.

По возможности редакція постарается удовлетворять желанія *большинства* подписчиковъ, отдавая при этомъ преимущество людямъ труда.

Отдѣлъ „Въ мѣрѣ труда“ ведется въ журналѣ исключительно рабочими. Почти цѣликомъ рабочими ведется и отдѣлъ „Развлеченія“.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Кіевъ, Фундуклеевская, 26, кв. 2.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 годъ
на ежемѣсячный литературно-художественный и общественный журналъ

● ● ● **„ПУТЬ“** ● ● ●

Подъ редакціей И. А. Бѣлоусова.

Цѣль журнала — дать разнообразный литературно-художественный материалъ въ произведеніяхъ лучшихъ современныхъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ обзорнія событія со стороны литературной, научной и общественной. Журналъ будетъ служить лучшимъ литературнымъ традиціямъ, проводя въ жизнь красоту и правду произведеніями литературы и критики.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, В. . Бѣлостоцкій (Вѣтвицкій), И. А. Бѣлоусовъ, Н. Бернеръ, Г. Вяткинъ, Ю. А. Веселовскій, И. А. Данилинъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Я. Голубевъ, А. Е. Грузинскій, М. П. Гальперинъ, Максимъ Горькій, Л. Гальберштадтъ, Сергѣй Глаголь, В. І. Дмитріева, С. Д. Дрожжинъ, П. В. Засодимскій, Л. Зиловъ, Н. Киселевъ, Н. А. Крашенинниковъ, А. А. Коринскій, В. Н. Ладыженскій, Б. Лазаревскій, В. В. Муйжель, С. С. Мамонтовъ, И. И. Поповъ, И. Е. Рѣпинъ, С. Разумовскій, А. Серафимовичъ, Н. Н. Степаненко, П. Сухотинъ, С. Т. Семеновъ, Скиталець (Петровъ), Н. Д. Телешовъ, Н. Тюринъ, П. и З. Тулубъ, Е. Н. Чириковъ, Ада Чумаченко, В. Е. Чехихинъ (Ч. Вѣтринскій), И. С. Шмелевъ, Е. Экъ, Г. Яблочковъ и другіе.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) Рядъ портретовъ знаменитыхъ людей въ области литературы, науки, искусства и общественной дѣятельности.
- 2) Художественно-исполненный альбомъ снимковъ съ картинъ изъ жизни писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—3 р., на 1/2 г.—1 р. 50 к., на 4 мѣс.—1 р. съ перес. и дост. За границу—вдвое. ЦѢНА отд. № 35 к. Съ перес. и въ провинціи—40 к.

Редакторъ-издатель И. А. Бѣлоусовъ.

Подписка принимается, кромѣ редакціи и конторы, въ конторѣ Н. Печковской, Москва, Петровскія линіи, въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Соколиная ул., д. 22. Телефонъ 89-54.

ОТДѢЛЕНІЕ РЕДАКЦИИ и КОНТОРА: Москва, Петровка, Богословскій пер., д. 10, кв. 22. Телефонъ 413-80.

Незабаром вийде з друку
ШЕВЧЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК

присвячений пам'яті 50-х роковин смерті
Тараса Шевченка.

Видання „Комітету по упорядкуванню Шевченківських свят в Москві“.

З М І С Т

Част. I. Шевченківські дні в Москві—С. Хвостова; Шевченко—народний поет—прив.-доц. Гр. Де-ла-Барта; Шевченко серед поетів славянства—академіка Х. Корша; Мотиви творчости Т. Г. Шевченка—А. Калішевського; Шевченко як маляр—О. Новицького; Шевченківські дні в Москві в 1891 р.—проф. А. Кримського; Згадка про старшого боярина Тараса Шевченка—Ганни Барвінок (Куліш); Висока Могила—Х. Коломійченка; Бібліографія—І. Б'єлоусова. Част. II. Адреси, привітання, листи, телеграмми і т. п. (повний текст). Грошовий відчит по упорядкуванню Шевченківських свят в Москві.

Ціна збірника і р. 50 коп.

СКЛАД ВИДАННЯ в конторі „Украинской Жизни“:
 Москва, Б. Дмитровка, д. 14, кв. 1.

Нова українська
 крамниця

„ЧАС“

(Театральна площа, № 48).

Величезний вибір: українських книжок з усіх галузей знанства, артистичних листівок з краєвидами України, з портретами українських гетьманів, письменників, громадських діячів: кустарних виробів (гончарських, дерев'яних, то-що).

СКЛАД
 — ВИДАВНИЦТВ: **„ЧАС“**

„Театральна Бібліотека, Вік“, „Український Учитель, Зоря“, „Петербурзьке Благодійне Товариство“ і багатьох інших.

Всі замовлення шановних покупців крамниця „ЧАС“ виконує ретельно і негайно.

Приймається передплата на 1911—1912 шкільний рік
НА УКРАїнський ПЕДАГОГІЧНИЙ ЖУРНАЛ

„СВІТЛО“

ДРУГИЙ РІК ВИДАННЯ

Журнал призначається для сем'ї школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 5 до 6 аркушів) по такій програмі:

1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і сімейного життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти, школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльності вських просвітніх, педагогічних і наукових товариств. 6) Огляди педагогічних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія.

Въ журналі „Світло“ за перший рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: С. Бердяев, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, †Я. Гетьманчук, М. Грінченко (Загірня), Дніпрова Чайка, Д. Дорошина, С. Єфремов, Т. Згоральський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, В. Куц, Людомир П., З. Мірна, Он. Мусяенко, Гр. Наш, М. Невада, К. Оберучев, Сергій Павленко, Л. Чулий, Д. Пі. сочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакін, Ол. Русов, С. Русова, С. Сирополко, Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, †А. Тесленко, П. Є. Тро, Ф. Трусія, Ченеляський, Я. Чепига, С. Черкасенко, С. Шелухин, †Гр. Шерстюк, С. Шохорь-Троцький, †Р. Якубовський.

Журнал „Світло“ виходить з септября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. Виплачувати можна частками по 2 карб. на 1-ше септября і на 1-ше января. Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“, у Києві, В.Володимирська, 93. Передплачувати „Світло“ можна ще у Києві: 1) в Українській книгарні, Безакієвська, 8; 2) в книгарні Л.-Н. Вістнина, В.-Володимирська, 28; 3) в Крамниці „Час“. Театральна, 48; 4) в Харькові, в Українській книгарні. Рибна, 25; 5) в Полтаві, в книгарні Г. Маркевич. ул. Котляревського. Редактор-Видавець Л. ШЕРСТЮК.

„Діло“. Щоденна українська газета, на взірць в великих європейських, що відбиває в собі все політичне життя Українського народу. Напряму національно-поступового. Рік видання 33-ій. Безплатним додатком до „Діла“ виходить літературний, ілюстрований тижневик „Неділя“. Передплата на рік 16 карб., приймається в Редакції „Діла“ (Галичина, м. Львів, Ринок, ч. 10), а тако ж по всьх українських книгарнях.

„Рілля“. Український хліборобський часопис, виходить двічі на місяць книжками, дає багачько практичних статей про селянське хазяйство, гуртування, закони, ціна на хліб. Багато малюнків, відповідів на запитання. Рік починається з ноября. Ціна на рік 2 карб., на 1/2 року—1 карб.

Адреса редакції: Київ, Тургенівська, 9.

„Дніпрові Хвилі“. Українська народня часопись, виходить двічі на місяць. Ціна на рік 2 карб. 40 коп., на 1/2 року 1 карб. 20 коп. Гроші треба посилати на адресу: Катеринослав, Проспект, Книгарня М. Лозинської для „Дніпрових Хвиль“.

„Дзвінок“. Ілюстрована тижнева ДИТЯЧА часопись для старшого і меньшого віку, з додатками для малих дітей. Ціна 3 карб. на рік. Австрія, Галичина, м. Львів, ул. Мохнацького ч. 12.

„Свобода“. Виходить що-тижня, ціна 4 карб. Адреса: Америка. „Svoboda“ 184 Hudson St. New York. U. S. N. A.

Приймається передплата на 1912 рік на українську народню ілюстровану газету. Другий рік видання.

„ЗАСІВ“

Ціна на рік 3 руб., на пів року 1 руб. 60 коп., на 3 місяці 85 коп. Хто випише „ЗАСІВ“ за цілий рік, той дістане всі №№ починаючи з першого, а так само дурно додаток: Повний збірник творів Івана Котляревського в 3 томах. Сюди увійдуть: Енеїда, Наталка Полтавка, Москаль Чарівник і Ода до Князя Куракіна. Крім того буде уміщено біографію Ів. Котляревського.

Адреса: Київ, Велика Володимирська № 28. Редакція газети „Засів“. ЗАСІВ призначається головним чином для хліборобів і робітників; ЗАСІВ виходить що тижня въ п'ятницю; ЗАСІВ подає статті й новини про сучасне життя на Україні в Росії і за кордоном, з української і всесвітньої історії і письменства, артистичної творчості, з наук природних, лікарських, з сільського господарства, кооперації, техніки, гігієни, медицини, а також вірші, оповідання, ілюстрації при статтях і осібні. ЗАСІВ містить дописи з сел і міст, звертаючи особливу увагу на рух освітний і економічний на селі, про вистави, лекції, вечірки, заведення бібліотек, спилкових крамниць, позичкових і сільсько-господарських товариств, професійних спілок між робітниками (на сі теми особливо бажані кореспонденції). ЗАСІВ дає відповіді на запитання передплатників, а також поради спеціалістів господарські, юридичні й лікарські, в справах економічних і просвітніх.

Участь в Засіві будуть брати: Ю. Азовський, Ю. Будяк, В. Винниченко, М. Вороний, проф. М. Грушевський, М. Гехтер, В. Дорошенко, М. Залізник, М. Коцюбинський, В. Корольов, М. Левицький, В. Лікаренко, Майорський, О. Олесь, Л. Пахаревський, С. Русова, В. Самійленко, Ю. Сірий, П. Смуток, Т. Суліма, О. Степаненко, проф. М. Сумцов, С. Терниченко, С. Черкасенко, М. Чернявський, Ол. Черняхівській, Є. Чикаленко, І. Чупринка і інші. Передплата далі на 1911 рік ще приймається. Хто хоче одержати за цілий 1911 рік, то приєлає 2 р. 50 коп. Передплату приймає Книгарня „Літературно-Наукового Вістника у Києві, Велика Володимирська, № 28. Українська книгарня в Харькові, Рибна, 25. Статті і дописи просять надсилати в книгарню Л.-Н. Вістника.

Редакторъ-видавець О. Степаненко. Пробни числа висилаються дурно.

В Українській Книгарні

(Київ, Безаківська, 8)

можно дістати всякі українські книжки, де б вони і ким би не були видані.

ВЕЛИКИЙ ВИБІР ПОРТРЕТІВ УКРАїнСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ, ГЕТЬ-МАНІВ, АРТИСТІВ, КАРТИН НА УКРАїнСЬКІ СЮЖЕТИ І ВЕЛИКИЙ
 _____ ВИБІР ВСЯКИХ ЛИСТОВНИХ КАРТОК. _____

КАТАЛОГИ ШЛЮТЬСЯ ДАРОМ.

Приймається передплата

на 1912 рік

(рік видання **ЧЕТВЕРТИЙ**)

на літературно-громадський український місячник

Українська Хата.

Розпочинаючи 4-й рік видання журналу, редакція звертає особливу увагу на освітлюванне чергових пекучих питань життя нашої інтелігенції, важних громадських і літературних подій українського і світового життя, творів мистецтва, беручи їх під розвагу національності.

Буде містити—белетристику: поезії, оповідання, повісти, драми, малюнки, нариси і т. и.; статті публіцистичні, в яких обговорюються справи українського життя, літератури й мистецтва; **критичні статті, літературні огляди, характеристики письменників, статті про мистецтво**, його філософію, історію, психологію творчості і т. и.

Виходитиме журнал в кінці кожного місяця чепурними, розміром не менче 64 сторінок набору, міцно зброшурованими книжками.

ПРАЦЮЮТЬ В ЖУРНАЛІ КРАЩІ СИЛИ.

Предплата річна на „УКРАЇНСЬКУ ХАТУ“ 4 карб. (за кордон 10 корон), півроку 2 карб., окрема книжка 35 коп. (з пересилкою 40 коп.), можна виплачувати частками по 2 карб.

Адреса редакції журналу: Київ, Бульварно-Нудрявська, 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

7-й
годъ изданія.

РЪЧЬ

7-й
годъ изданія.

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ

при ближайшемъ участіи

П. Н. Милюкова и I. В. Гессена

И ПРИ ПРЕЖНЕМЪ СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ.

Годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ

газеты „РЪЧЬ“ на 1912 г., подписавшимся до 1 февраля, будетъ разосланъ въ январѣ мѣсяцѣ 1912 г. **БЕЗПЛАТНО**

Ежегодникъ газеты „РЪЧЬ“

на 1912 г.,

закрывающій въ себѣ обзоръ важнѣйшихъ событій и теченій въ области политической, законодательной, общественной, промышленной, научно-литературной и художественной жизни Россіи за 1911 годъ, а также статистическія свѣдѣнія о различныхъ, имѣющихъ наиболѣе важное значеніе, явленіяхъ русской жизни въ связи съ данными статистики международной.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м.	9 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи Руб.							
12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15	1.10
За границу Руб.							
20.—	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—	2.—

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ **при непосредственномъ обращеніи въ главную контору:** на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главн. конторы газеты «РЪЧЬ»: Спб., ул. Жуковского, 21/76.

Пробные №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія высылаются бесплатно.